

ВЕСНІК

**Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта**

2008 № 2(48)

В Е С Н І К

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з верасня 1996 года
Выходзіць чатыры разы ў год

2008 № 2(48)

Рэдакцыйная калегія:

А.У. Русецкі (галоўны рэдактар),
А.Л. Гладкоў (нам. галоўнага рэдактара),
Г.І. Міхасёў (нам. галоўнага рэдактара),
А.І. Мацяюн (адказны сакратар),
С.Л. Багамаз, В.М. Бібіла, А.В. Ванкевіч, М.Ц. Вараб'ёў,
Г.А. Васілевіч, Я.А. Васіленка, Н.С. Віслабокава,
В.І. Гідрановіч, Т.В. Катовіч, В.П. Клімовіч, В.А. Космач,
В.Я. Кузьменка, В.М. Куліева, І.Л. Лапін, С.А. Матораў,
Г.М. Мезенка, В.М. Мінаева, П.І. Навіцкі, В.І. Несцяровіч,
А.А. Несцярэнка, В.П. Пракапцова, І.М. Прышчэпа,
М.М. Расолаў, Э.І. Рудкоўскі, Ю.А. Русецкі, М.А. Слямнёў,
М.К. Талочка, Т.М. Тузова, І.А. Фурманаў, У.Л. Фядотаў,
У.М. Хоміч, А.Г. Цікавенка, Ю.М. Чурко,
І.І. Шматкоў, У.А. Янчук

Адрас рэдакцыі:

210038, Віцебск, Маскоўскі пр-т, 33,
пакой 123, т. 22-33-79
E-mail: rio@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Рэдактар
Камп'ютэрны набор
Карэктар

А.М. Фенчанка
Г.У. Разбоева
А.В. Говарава

Рэгістрацыйны № 1313 ад 2.07.1999.
Ліцэнзія ЛВ № 02330/0056790 ад 1.04.2004.
Падпісана ў друк 17.06.2008. Фармат 70x108 1/8. Папера друкарская. Рызаграфія.
Ум. друк. арк. 31,50. Ул.-выд. арк. 13,18. Тыраж 105 экз. Заказ 87.

Выдавец і паліграфічнае выкананне – установа адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны універсітэт імя П.М. Машэрава»
210038, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33.

З М Е С Т

Агульныя пытанні

- Русецкий А.В., Орлова А.П.* Верность педагогическому призванию: к 90-летию со дня рождения П.М. Машерова 3

Філасофія. Сацыялогія. Паліталогія

- Табачков А.С.* Историческое прошлое: теоретическое объяснение или интерпретативная репрезентация? 10
- Качан Г.А., Моторов С.А., Моторова Н.С.* Тенденции развития социальной активности молодежи в условиях вуза 14
- Васильков П.С.* Физическая активность и ее влияние на качество здорового образа жизни 18
- Толочко А.Н.* Политическая оппозиция и терроризм 23

Гісторыя

- Краско Г.Г.* Проблемы трансформации системы советских органов государственной безопасности (1943–1960 гг.) 28
- Гаравая А.А.* Рэфармаванне вышэйшай філалагічнай адукацыі ў Беларусі ў сярэдзіне 50-х – пачатку 60-х гг. XX ст. 33
- Эльмалян А.С.* Ливия и США: проблемы и перспективы двухсторонних отношений 39
- Здановіч У.В.* Акупацыйны рэжым на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны: гістарыяграфія праблемы (1940–1980-я гг.) 45

Права

- Лукашенко А.А.* Понятие и сущность местного налогообложения ... 52

Педагогіка

- Орлова А.П., Тетерин В.В., Тетерина В.В.* Разработка теоретических основ трудового воспитания учащихся в советской школе (70-е – конец 80-х гг. XX века) 56
- Русецкий Ю.А.* Институт повышения квалификации в формирующемся социально-инновационном пространстве 62
- Галузо И.В.* Педагогические аспекты формирования естественнонаучного мировоззрения школьников в курсе физики 70
- Турковский В.И., Терещенко Е.В.* Теоретико-методические основы методологической подготовки магистрантов к проведению педагогических исследований 77

Мовазнаўства

- Вардомацкий Л.М.* Памятники письменности Верхнего Подвинья в контексте истории белорусского языка 83
- Лапушинская Н.О.* Фразеологизмы с лексемами «названия частей головы» в восточнославянских и западногерманских языках 90
- Тулинова О.А.* Механизмы представления референции в бэджевых текстах 96
- Плеханова Т.Ф.* Риторическая метафора в художественном дискурсе 102

Мастацтвазнаўства

- Горбунов И.В.* Архитектура классицизма в контексте дальнейшей деятельности меценатов Беларуси 108
- Таніна Л.М.* Творчасць старэйшага пакалення актэраў Нацыянальнага тэатра імя Янкі Купалы 114

Матэматыка

- Сафонов В.Г., Сафонова И.Н.* О τ -замкнутых ω -насыщенных формациях разрешимого I_7^{ω} -дефекта 1 120
- Воробьев Н.Т., Витко Е.А., Иванова Н.В.* О свойствах радикалов холловых подгрупп π -разрешимых групп 125

Механіка. Фізіка

- Трубников Ю.В., Воронов А.М.* Аппроксимативный метод решения задачи многих тел 130
- Вислобоков Н.Ю.* Генерация континуального излучения в кварцевом стекле 138

Хімія. Біялогія

- Гидранович В.И., Гидранович Л.Г., Коровайко О.В., Ходос О.А.* Активность ферментов глюконеогенеза при хроническом воздействии этанола 147
- Бурак Г.Г.* Активизация двигательных функций людей методом тренировки вестибулярной системы 155

Кароткія паведамленні

- Дорофеев С.А.* Сибирская гала (Polysticta stellari Pall.) – новый вид орнитофауны Беларуси 161
- Трущенко В.В.* Методические аспекты тренировочного процесса легкоатлетов-толкателей ядра 162
- Крытыка** 165
- Бібліяграфія** 167
- Хроніка** 168
- Персаналіі** 170
- Рэфэраты** 171
- Звесткі пра аўтараў** 177

УДК 37(476)(09)+947(476)

А.В. Русецкий, А.П. Орлова

Верность педагогическому призванию: к 90-летию со дня рождения П.М. Машерова

Исполнилось 90 лет со дня рождения П.М. Машерова. В памяти народа Петр Миронович остался человеком высокого ума и благородной души, высокообразованным, эрудированным, выдающимся политическим и государственным деятелем, мудрым Учителем, умевшим личным примером и авторитетом сплотить и повести людей к достижению великих целей и идеалов.

Совесть и общественное мнение – два столпа, определяющие нравственное начало П.М. Машерова. Его жизненное кредо заключалось в высоком долге – служении Родине и Народу. Заложенный от природы педагогический талант помогал достигать высоких целей и решать самые трудные задачи в соответствии с требованиями морального кодекса белорусского народа.

Петр Миронович был взращен на белорусской земле. Родился он в феврале 1918 г. в деревне Ширки под Витебском. С молоком матери воспринял лучшие традиции народа. Природа родного края, гуманистические традиции народной педагогики формировали мировоззрение и личностные качества Петра. Пример и авторитет родителей закладывают основу его характера, определяют жизненное предназначение.

Гуманизм и демократизм, ставшие ведущими принципами жизни и деятельности П.М. Машерова, были почерпнуты из родительской семьи. Вся атмосфера семьи Машеровых была проникнута добротой, дружелюбием, отзывчивостью, сердечностью, высокой гуманностью. Заботливо, любяще и в то же время строго и требовательно относились родители к детям. С ранних лет на своем примере приобщали к разнообразным видам труда, а самое главное – прививали любовь к родному краю, учили сострадать в горе и несчастье и радоваться чужим успехам. Все это являлось хорошей жизненной школой для младшего поколения.

Главным воспитателем в семье была мать – Дарья Петровна. Простая крестьянка, обладавшая всеми самыми лучшими нравственными качествами простого народа-труженика, имела незаурядный педагогический талант. Женщина честная, трудолюбивая, совестливая, скромная, добрая, гостеприимная, сердечная и отзывчивая, и в то же время волевая и упорная в преодолении

трудностей, Дарья Петровна обладала устойчивым нравственным стержнем. Своим личным примером и авторитетом она зажгла в детях желание жить для людей, их интересами и заботами. Петр Миронович через семью усваивает уроки народной педагогической мудрости. Это накладывает отпечаток на все его последующую деятельность.

В начальной школе Петр Миронович учится в деревне Ширки, в 5–6 классах – в деревне Мошканы, семилетку заканчивает в Дворищанской школе.

Вопрос о выборе профессии не стоял. Заложенный от природы педагогический талант, пример брата-учителя, любовь к физике и математике, привитая директором Дворищанской школы А.А. Волковичем, побудили деятельное желание избрать педагогическую профессию. Петр Миронович хотел поступить в педучилище, но поступил на рабфак, чтобы иметь возможность учиться в институте.

На рабфак принимали только работающую молодежь. Летом юноша работал в колхозе и добился права на поступление. Сформированная привычка к труду, упорство в преодолении трудностей, настойчивость в достижении поставленной цели позволили ему наравне со взрослыми добросовестно трудиться и готовиться к поступлению. Получив рекомендацию, Петр Миронович успешно сдал экзамены и поступил сразу на последний курс рабфака.

На физико-математическом факультете Витебского педагогического института Петр продолжает закалять свой характер: по ночам разгружает баржи с углем, а днем учится, занимается общественной работой, является одним из лучших спортсменов факультета.

Годы учебы в институте стали прекрасной школой идейно-политического становления. Здесь сформировались мировоззрение Петра Мироновича, стремление к постоянному самосовершенствованию, творчеству, научному поиску.

В 1939 году после окончания Витебского педагогического института Петр Миронович Машеров был направлен учителем физики и математики в Россонскую среднюю школу. К сыну приехали мать и младшие сестры Петра Мироновича, для которых он стал кормильцем и опорой.

Ученикам своим Петр Миронович запомнился как знающий, умеющий увлечь и повести за собой педагог, как самый человечный человек. Своим личным примером он завоевывает авторитет среди учеников, учителей и окружающего населения.

Предметом и методикой преподавания Петр Миронович владел в совершенстве. Его уроки отличались доходчивостью, яркостью, наглядностью, образностью изложения. Он создает физический кабинет, использует новейшие для своего времени методы обучения, в том числе демонстрацию физических опытов. Природный педагогический талант, сочетание доброжелательности, уважительности и требовательности к детям позволили за короткое время привить им любовь к физике.

Петр Миронович был прекрасным воспитателем. Он умел всегда вовремя и очень тактично прийти на помощь неуспевающему, никого не ругал, не повышал голос, не ставил плохих отметок, помогал поверить в себя, в собственные силы, доходчиво объяснял непонятное, учил находить правильное решение, старался никого не выделять. У него не было любимчиков. Главным критерием хорошего отношения служили реальные дела, добросовестная учеба и человеческие качества, проявляющиеся в нравственных поступках.

Машеров был не просто учителем, но и старшим другом, товарищем, советчиком. Скромность, доброжелательность, глубокая порядочность были залогом добрых отношений, которые складывались между учителем и учениками. Деятельная забота о людях стала обычной нравственной нормой всей жизни Машерова.

Петр Миронович старался дать глубокие знания, развить кругозор учащихся, сформировать нравственный идеал, воспитать любовь к Родине. Им были организованы физический, астрономический, фотографический кружки. Ежедневно после уроков он оставался со своими учениками в школе. Время бежало незаметно в интересных беседах по широкому кругу вопросов.

Готовя учащихся к самостоятельной жизни, педагог формировал у них активную позицию, деятельное желание участвовать в преобразовании общества. Этому во многом способствовало то, что сам Петр Миронович был в центре общественной жизни района, принимал участие в работе комсомольской организации, честно и добросовестно выполнял все общественные поручения, часто, толково, умело и обоснованно выступал на собраниях, совещаниях, педсоветах. Вскрывал недостатки, вносил предложения по их искоренению. Всегда был честен и справедлив. Не стоял Петр Миронович в стороне и от культурной жизни. Он участник самодеятельности при районном доме культуры.

Особое внимание Петр Миронович уделял патриотическому воспитанию учащихся. Это на практике проявлялось в самых разнообразных формах, в том числе в организации воинской подготовки учащихся старших классов. Учитель прививал своим ученикам любовь к спорту. Его ученики участвовали в лыжных походах, соревнованиях.

Заслуженная учительница БССР, Отличник народного просвещения, награжденная Почетной грамотой Верховного Совета БССР В.Э. Воротынская в своих воспоминаниях о совместной работе с Петром Мироновичем в Россонской средней школе пишет: «Петр Миронович был очень хорошим учителем. Он с душой и полной сердечностью относился к своей работе. Учащиеся любили и уважали его. Петр Миронович всегда был окружен группой старшеклассников, которым отвечал на все их интересующие вопросы, работал с ними дополнительно, организовывал с учащимися самодеятельность, прогулки на лыжах, экскурсии, походы и т.п. В последний год перед войной (1940–1941 гг.) Петр Миронович был классным руководителем 10 класса, он сумел сплотить учащихся в дружный коллектив. Его класс был лучшим в школе по успеваемости, поведению и общественной работе.

Несмотря на свои молодые годы, Петр Миронович пользовался большим авторитетом и любовью среди учащихся, учителей и населения.

Он всегда был жизнерадостным, веселым, любил шутить, заразительно смеялся, хорошо пел, а на школьных вечерах без усталости танцевал, веселился, организовывал с учащимися игры, хороводы, песни» [1].

За очень короткий срок пребывания в школе Петр Миронович сумел сделать так много, что его работа, его физический кабинет были отмечены среди лучших в республике. Когда Центральный Комитет комсомола создавал альбом о талантах, была рекомендована кандидатура Машерова.

Воспитателем Петр Миронович был всегда. Бывшая ученица, выпускница его кураторского класса Мария Сергеевна Янутова вспоминает, что на выпускном вечере в 1941 году Петр Миронович давал совет-наказ своим ученикам быть всегда и во всем честными, справедливыми, сердечными, хорошими людьми. Помнить, что самое дорогое на свете – Родина-мать. Эти слова стали девизом для учеников Петра Мироновича на всю последующую жизнь.

Не только на работе, но и дома Петр Миронович оставался самым человеческим человеком. Помогал по хозяйству, не гнушался никакой работы, все делал споро, добросовестно, знал все виды сельскохозяйственного труда.

Одной из притягательных черт Петра Мироновича было его трепетное отношение к матери. Любовь и уважение были основой их взаимоотношений. Мать оставалась главой дома, наиболее почитаемым и высокочтимым человеком всегда, даже тогда, когда Петр Миронович уже работал учителем и был единственным кормильцем в семье. Принимая наиболее ответственные решения в своей жизни, Петр прислушивался к советам и пожеланиям матери, она благословляла его на трудовые и ратные дела.

Школа, общественная жизнь, домашние обязанности... Казалось бы ни на что другое не остается времени, но даже в таких условиях Петр находит возможность работать над повышением собственной эрудиции, занимается самосовершенствованием. Он очень много читал. Круг его интересов широк. Это и философия, и история, и литература, и искусство.

С первых дней Великой Отечественной войны Петр Миронович и его ученики вступили в борьбу с гитлеровскими оккупантами. Сначала Машеров становится командиром отряда народного сопротивления, затем руководителем подполья, позже отряда партизан, где сумел создать здоровый моральный климат благодаря большому уважению и непререкаемому авторитету, которым пользовался среди бойцов и командиров. Основу отряда составляли бывшие учителя и ученики. Воспитанник и соратник Петра Мироновича по партизанской борьбе Л.А. Волкович писал: «Мы не просто уважали его как учителя, не просто любили его как человека, для нас он был и всегда останется человеком, с которого мы брали пример, которому хотелось подражать. Это был человек большой культуры и разносторонних знаний» [1, ф. 5771, с. 3].

В 1943 г. Петр Миронович Машеров был принят в ряды КПСС, а с осени этого же года – выдвинут секретарем Вилейского подпольного обкома ЛКСМБ. Личный пример Петра Мироновича воспитывал у молодежи героизм, стойкость в борьбе, уверенность в победе. Около 200 подпольных комсомольских организаций было создано в области за самый короткий срок. Родина высоко оценила заслуги Петра Мироновича и в 1944 году Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Новым этапом в жизни Петра Мироновича стала работа по восстановлению народного хозяйства страны. После освобождения Беларуси П.М. Машеров находится на руководящей комсомольской, а затем партийной работе.

По-прежнему неизменным остается стремление к самосовершенствованию, обретению энциклопедических знаний, позволяющих использовать изученное как в теории, так и на практике, быть настоящим Учителем. Самые разные области знаний интересуют Петра Мироновича: философия, экономика, сельское хозяйство, история. Он много внимания уделял изучению художественной литературы. Любил русскую классику. С большим почтением относился к белорусской национальной литературе. Внимательно следил за творческим развитием М. Танка, П. Бровки, В. Быкова, И. Шамякина. Среди книг личной библиотеки П.М. Машерова работы Н.К. Крупской, В.А. Сухомлинского, А.С. Макаренко и других прогрессивных педагогов прошлого и современности. Карандашные пометки на полях книг свидетельствуют о том, что он их глубоко анализировал, акцентируя внимание на актуальных идеях, созвучных современности.

Вся деятельность Петра Мироновича Машерова носила воспитывающий характер. Он умел наблюдать, изучать и критически обобщать реальную практику общественного развития. Теоретическое осмысление развития со-

временного мира позволяло ему вычленять ведущие идеи, а также создавать методические рекомендации по их реализации, последовательно выдвигая и развивая идеи в области воспитания и способствуя активному воплощению их в жизнь.

Среди всего многообразия общественной жизни Петр Миронович особое внимание уделял вопросу развития духовных отношений, считал целесообразным «серьезно заниматься проблемами формирования оптимальной структуры материальных и духовных потребностей людей, давать эталоны, как и какие потребности развивать, а какие следовало бы сдерживать и всячески обличать» [2]. Он призывал обогащать духовно-нравственный потенциал, способствовать сближению наций в области духовной жизни, заботиться о человеке, о гармоническом и всестороннем его развитии. В формировании нравственного идеала советского человека он предлагал учитывать связь поколений, опираться на народные истоки.

Предвидя трудности при формировании нравственного идеала молодого поколения, П.М. Машеров рекомендует воспитателям чаще опираться на общественное мнение, методы убеждения, трудовой коллектив, авторитет закона и т.п.

Большое место отводит Петр Миронович вопросам семейного воспитания, совершенствования семейных отношений. Он считал необходимым организовать в республике родительский педагогический всеобуч, включающий в себя «родительские чтения», регулярные консультации педагогов, научных работников по вопросам семейного воспитания, и решать эти задачи в «триедином плане: повышать персональную ответственность родителей за нравственный облик детей, углублять педагогическую компетентность отцов и матерей, создавать необходимые условия для всестороннего развития ребят» [3].

Много внимания уделяет Петр Миронович вопросам идейно-нравственного воспитания населения. Он неоднократно говорил о том, что люди выносят нравственные представления и убеждения не только на основе познания научных истин, морально-этических норм, но и повседневного жизненного опыта. Вследствие этого предлагал оберегать и укреплять нравственный микроклимат в трудовых коллективах, поддерживать и развивать высоконравственные традиции, обычаи, прогрессивные формы быта, жизнедеятельности людей и избавляться от аморальных нравов, сомнительных привычек.

Важное место в идейно-нравственном воспитании Петр Миронович отводит формированию художественно-эстетических вкусов. Он рекомендует создать в республике долговременную программу нравственно-эстетического воспитания молодежи с целью более широкого приобщения ее к сокровищам советской и мировой культуры, искусства [3, с. 335].

Огромную роль в идейно-нравственном воспитании личности Петр Миронович отводил образованию и, прежде всего, школе. В связи с переходом ко всеобщему среднему образованию он акцентировал внимание на реализации основополагающего принципа советской педагогики – идее политехнизации, соединения обучения с производственным трудом. Считал необходимым рассмотреть вопрос совершенствования учебно-воспитательного процесса, перестройки школьного обучения. Говоря о реальной подготовленности школьников к конкретному виду профессионально-трудовой деятельности, предлагал, чтобы воспитательный процесс был пронизан культом труда. Педагог, по его мнению, должен полнее и эффективнее подчинить учебно-воспитательный процесс в школе развитию у детей увлеченности, живого ин-

тереса к наукам, привычке к труду на общее благо. Именно педагог должен организовать дело так, чтобы молодые люди всерьез овладевали рабочими навыками на уровне современного общественного производства, чтобы они с малых лет на собственном опыте прочувствовали и усвоили реальные сложности и настоящую радость производительного полезного труда, осознали и выработали в себе такие черты и моральные качества, которые позволят вести трудовой образ жизни.

В идейно-нравственном становлении личности П.М. Машеров важное значение придавал патриотическому и интернациональному воспитанию каждого человека, особенно молодежи. Постоянно обращаясь к этим вопросам, он говорил, что необходимо, чтобы каждый осознал великую силу содружества народов, чтобы традиции патриотизма и интернационализма вошли в плоть и кровь каждого и стали нормой жизни.

Одним из важнейших средств патриотического и интернационального воспитания Петр Миронович считал революционные, боевые и трудовые традиции советского народа. Эффективность их воспитательного потенциала, по его мнению, определяется тем, что «дети и подростки интуитивно тянутся к героическому, ищут возвышенный идеал, в котором они хотели бы видеть образец, нравственный ориентир для себя» [3, с. 448].

Сегодня как никогда актуально требование П.М. Машерова усилить идейно-политическое, общекультурное развитие молодежи, повысить роль общественных наук. Обучение и воспитание студентов, с его точки зрения, должно соответствовать не только потребностям современности, но и завтрашнего дня: «чтобы духовные потребности, мировоззрение, нравственные качества молодежи опережали, именно опережали, сегодняшнюю социально-экономическую практику, были нацелены на те задачи, которые предстоит решать не только в настоящем, но и в будущем» [3, с. 160].

Большое внимание уделял П.М. Машеров профессиональной подготовке специалистов высшей и средней специальной школы. Он предлагал не расширять учебно-программный материал, а выделять определяющее ядро в совокупности накопленных человеческих знаний, новых научных идей и открытий; преподавание строить таким образом, чтобы будущий специалист мог свободно и самостоятельно ориентироваться в нарастающем потоке научной и политической информации, постоянно пополнять свой интеллектуальный и общекультурный багаж.

Петр Миронович призывает студенчество упорно учиться, использовать каждый час учебы в вузе наиболее продуктивно, учиться самостоятельно приобретать и творчески применять полученные знания с наибольшим коэффициентом полезного действия, воспитывать внутреннюю потребность к постоянному самосовершенствованию и обогащению полученных знаний, т.е. выработать привычку непрерывного самообразования, учиться творчески мыслить, тренировать ум, способность думать и изобретать, находить новые пути к решению возникающих научных и практических задач. Для этого рекомендовал привлекать студентов к научно-исследовательской работе, создавать условия, чтобы каждый студент испытал свои силы на исследовательском, творческом поприще. Это, по его мнению, позволит выявить и сформировать настоящих специалистов. Петр Миронович четко выстраивал стратегию и тактику подготовки высокообразованных специалистов-профессионалов. По его мнению, в перспективе необходимо создавать мощные учебно-научно-производственные объединения, все составные части ко-

торых представляли бы внутренне единый комплекс системы: вуз – НИИ – предприятие.

Особые требования П.М. Машеров предъявлял к подготовке учителя, высоко оценивая его гражданское предназначение: «от таланта педагога, масштабности и богатства его личности, от его эрудиции и щедрости сердца зависит, прежде всего, духовный климат школы, тот нравственный тип человека, который он формирует» [3, с. 387]. Это определило общую установку в подготовке учителей: «лучше готовить, подбирать и воспитывать учительские кадры, больше внимания уделять идейно-нравственным аспектам педагогического труда» [3, с. 452].

Обращая внимание на научно-педагогическую компетентность, идейно-нравственные качества педагога, П.М. Машеров ставил вопрос о формировании у педагогов стремления к постоянному самосовершенствованию: «чтобы идти вровень с жизнью, неизменно пользоваться уважением и авторитетом как у учащихся, так и у их родителей, педагог обязан, прежде всего, творить самого себя как мыслящую, дерзающую, всесторонне развитую личность, способную вести обучение и воспитание на уровне самых высоких эталонов современности» [3, с. 451]. Определяя критерии профессиональных и личностных качеств учителя, он отмечал: «все педагогические коллективы – столь отличные, каждый учитель и воспитатель – образец идейно и профессионально зрелого, высоконравственного человека» [34, с. 452].

В мемориальной комнате П.М. Машерова Витебского государственного университета, носящего имя Петра Мироновича, хранится магнитофонная запись воспоминаний его брата Павла, который пишет о Петре: «До конца ли он любил педагогическую работу? Да, до конца. Он и в жизни своей, когда уже был на крупной партийной государственной работе, все же был педагогом в отношении с людьми, в воспитании людей, в разговорах с людьми. Педагогическое стремление у него все время жило и все в нем оставалось».

Петр Миронович Машеров – Педагог по призванию, его жизнь – педагогика в действии, вобравшая в себя лучшие гуманистические и демократические идеалы народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Витебский областной краеведческий музей*. Научно-вспомогательный фонд 5766. – С. 1, 2, 3.
2. *Коммунист*. – 1978. – № 16. – С. 337.
3. *Машеров, П.М.* Избр. речи и статьи / П.М. Машеров. – Минск, 1982.

S U M M A R Y

In the article devoted to the P.M. Masherov's 90th anniversary his high mission – to be a Teacher, serving his Motherland and its people – is considered. The actuality of P.M. Masherov's pedagogical ideas is revealed.

Поступила в редакцию 14.02.2008

УДК 930.1

А.С. Табачков

Историческое прошлое: теоретическое объяснение или интерпретативная репрезентация?

В настоящее время существует определенное противоборство между двумя способами познания исторического прошлого, а именно: между интерпретативным воспроизведением опыта прошлого и теоретическим объяснением событий истории. Гипотеза, лежащая в основе данной работы, такова: за вышеназванной альтернативой лежит противостояние метафизической и позитивистской метатеоретических парадигм. Экспликация несамостоятельности последней применительно к области знания об историческом прошлом и является главной целью этой статьи.

Многие проекты метатеоретического осмысления исторической науки не учитывали такого важного обстоятельства, как постоянный рост креативного, воссоздающего потенциала производимых в этой сфере знания дискурсов. Так, еще пессимизм И. Дройзена («Но всегда, каким бы плодотворным ни было исследование, полученные им представления далеко не совпадают с многообразием содержания, движения, реальной энергии, которыми обладали вещи, когда они были настоящим») [1] и предлагаемое им «сравнение с картографическим изображением» [1] предполагают лишь некую имманентно привативную и редуцирующую репродукцию, а не становящуюся в настоящее время все более характерной творческую реинтеграцию прошлого в актуальный культурный опыт, его ре-экзистенциализацию.

Экзистенциально воспринятое историческое прошлое – это прошлое, ставшее *наравне* с лично прожитым. В этом случае задача историка заключается в создании такого дискурса-репрезентации, рецепция которого по силе своего воздействия будет сродни личному опыту¹. Подобные дискурсы продуцируются творческим усилием авторов, обладающих тем, что Х.-Г. Гадамер удачно обозначил как «действенно-историческое сознание», которое, по его же словам, «скорее бытие, чем сознание» [2]. И такая историческая работа суть не что иное, как *анимация* событий прошлого, производимое посредством креативной интерпретации двойное – как ре-экзистенциализация и ре-инкультурация – возвращение его в класс бытийствующих актуальностей индивидуального и общественного сознания современности.

Появлению такого типа интерпретативного взаимодействия с прошедшим способствовали, помимо, разумеется, общего прогресса культуры, многолетние методологические усилия. И в их числе, в первую очередь, нужно упомянуть сформулированную Л. фон Ранке императивную цель работы историка,

¹ Для чего любому автору приходится должным образом справляться и с чисто литературно-художественными задачами.

заклучавшуюся, по его мнению, в беспристрастном показе того, «как оно, собственно, было». С точки зрения метатеоретического анализа, эта максима является, в сущности, достаточно странным преломлением позитивистского идеала познания и, помимо этого, содержит в себе явный онтологический просчет: «оно» ведь именно «было» – даже удачно извлеченное и сохраненное в дискурсе прошлое не приживется в актуальной ситуации культуры; в своем аутентичном виде элемент ушедшего закономерно не нужен настоящему – будущему.

Интерпретативная анимация – это естественный акт интенциональности высокоразвитого сознания, эмпатическое прикосновение к событию прошлого. Но это прикосновение – прикосновение Мидаса: иное прошлого оно неизбежно превращает в «золото» современности, производит обмен в имеющие хождение сейчас смысловые единицы. Само по себе дискурсивное анимирование прошлого – это, безусловно, одно из интереснейших достижений человеческой креативности. Но интерпретативная анимация является проявлением духовной способности эмпатического понимания, но не теоретического познания. Она, как и искусство, не обладает потенцией логической идеации и последующей идеализации и инструментализации ставших ее объектами элементов реальности. Присваивающее прикосновение интерпретативной репрезентации делает событие истории актуальной позитивностью современного ее автору культурного процесса. Так происходит ретроспективная экспансия современной культуры, мощное и все растущее здание которой нуждается в постоянном укреплении своего нарративного исторического фундамента, нуждается в реальной или мнимой укорененности в прошлом.

Но для того, чтобы быть объективным, такой интерпретативно-анимационный способ требует непредвзятого воспроизведения максимально возможной полноты экзистенциального опыта, по крайней мере, типичных участников описываемых событий.

Однако в массовом обществе такого рода объективная история опыта – в чистом, не адаптированном, виде – может быть адекватно воспринята лишь узким кругом интеллектуальной элиты. Обитатель мира массовой культуры пока защищен явно превышающим его скромные возможности восприятия уровнем подобных дискурсов. Но если удастся, посредством неких удачных адаптаций (использующих, например, язык кинематографа), сделать вновь актуализированное анимирующей интерпретацией прошлое доступным для среднего реципиента, воспитанного и живущего в стандартах этой разновидности культуры, то это будет весьма рискованным для социума предприятием. Прометеевские интенции поделиться – часто страшной, часто обладающей мощной потенцией нигилизма – правдой исторического прошлого со всеми могут вполне привести к разрушению самопонимания среднего человека. Действительная история, история объективного опыта является знанием не для всех. Конечно, анимационная репрезентация прошлого – это, в том числе, одна из высших форм самопознания человека, без которой мы уже не сможем обойтись. Но дискурсы проявленного сконцентрированным креативным эмпатическим усилием прошлого, попав «не в те руки», могут вызвать неожиданные и нежелательные последствия. Историческое наследие вообще – не предмет «всем поровну» дележа, в целостности своей эмпатической, по типу ее восприятия, истины оно доступно лишь избранным. «Только тот, кто строит будущее, имеет право быть судьей прошлого» [3].

Разрушающий мощью своей креативной способности структуры сложившихся псевдоисторических нарративов, преодолевающий ригидность так называемых господствующих точек зрения, способный временами энергией своей эмпатии вообще смять ограничения самой субъект-объектной оппози-

ции историк-аниматор может представить нам дискурсивно-реальные события прошлого, причем, реальные в транскрипции современной, т.е. актуальной культуры понимания, но «нам» – кому? Сколько тех, кто действительно готов к встрече с таким, воскрешенным темпоральной трансгрессией креативности, прошлым? Интерпретативная анимация – это не только способ предъявления дискурсов экзистентно-реального прошлого, но и одновременно способ его вызывания к жизни, к дальнейшей, уже никак не контролируемой автором жизни в культуре. То есть на самом деле такое прошлое гиперреально – сохранив свою самость, оно еще и невольно научно вернувшимся его историком жить в культурном времени настоящего, причем жить не как антикварный артефакт, но как актуальная позитивность.

Субстантивированный в истории негативный духовный опыт – алгоритмы неверных решений, заблуждения, порожденные ненавистью или любовью деформации восприятия действительности, просто преступные деяния, наконец, все несовершенство и зло миров прошлого вновь приобретают вследствие применения интерпретативного анимирования актуальный характер, становятся частью *памяти пережитой действительности* реципиента такого дискурса.

При неблагоприятном стечении обстоятельств, если, к примеру, открытие историка произойдет в кризисный момент развития общественного сознания, оживленное его творческим усилием прошлое может привести к чреватым последствиями парадоксам трансемпоральных культурных метаморфоз. Ведь дискурсы интерпретативного анимирования неизбежно разрушают границу прошлого и настоящего, бывшую в менее креативные – или более почтительные к, так сказать, естественному порядку вещей – эпохи почти непреодолимой. Трансгрессии искусно анимированных элементов прошлого, обретших в интерпретативных актах новую потенцию к каузальному взаимодействию с культурой настоящего, могут приводить к самым разным последствиям. Так, анимированный интерпретативными усилиями Ф. Ницше дискурс «благородной античности»² оказался мощным фактором известной трансформации европейского общественного сознания в первой половине XX века. Актуализация ценности героического поступка, деуниверсализация морали, общий пафос противопоставления духовного здоровья античности немощи христианства не могли не спровоцировать фундаментальный реверс всего аксиологического паттерна мировосприятия людей и так уже смущенных предложенным марксизмом концептом истории как последовательности прогрессирующих форм угнетения.

Насколько вообще научна интерпретативно-анимационная историография? Не имеем ли мы здесь дело с «родом современного мифотворчества» [4], с новыми мифами, на этот раз мифами развитой культуры? Соединение вновь актуализированного – при помощи приемов, конгениальных литературно-художественным – опыта со способами понимания современной культуры плюс проекции личного мира автора – такая синкретичность может отчасти свидетельствовать в пользу этой гипотезы. Однако подобная картина характерна, скорее, для не слишком удачного проекта, для несостоявшегося до конца синтеза. Не это видится главным, но то, что мы имеем здесь дело не столько с дискурсами знания о прошлом, сколько с созданными без решающего посредства теории продуктами синтеза хронологически различных элементов культуры. Удачный синтез дает не знание об объекте, но парадоксальным образом возвращает из прошлого сам объект, конечно, не в «физи-

² Дискурсы Ф. Ницше явились, конечно, лишь завершением развернутой еще В. фон Гумбольдтом классицистской атаки на культуру Просвещения. Но именно они обладали огромной потенцией к трансгрессии в сферу непосредственных идеологических практик.

ческой», но оттого никак не менее актуальной дискурсивной его форме. Историк-аниматор как осуществляющий этот поразительный синтез агент культуры принадлежит, скорее, к особой ветви литературного процесса и именно поэтому изначально литературно-критические методы нашли в последние годы широкое применение в теории истории (вспомним хотя бы «тропологию» Х. Уайта).

Можно легко оставить в стороне разного рода намеренные злоупотребления, вроде концентрирования усилий на псевдоаутентичной анимации самых дурных и шокирующих сторон прошлого, манифестирующие, скорее, личные психопатологические особенности некоторых авторов (вроде Л.Р. Ладюри или У. Эко) и их почитателей. Однако вся парадигма подмены объявленного почему-то несостоятельным теоретического подхода к анализу исторического прошлого его интерпретативным анимированием похожа на то, как если бы, к примеру, палеонтологи, эти знатоки естественной истории, вместо того, чем они занимаются на самом деле, принялись бы эмпатически вживаться во внутренний мир своих объектов, *повествовать* о них или (*ad absurdum*) устраивать на своих симпозиумах некие анимационные перформансы, стараясь максимально правдиво, избегая любой «модернизации», репрезентировать животную жизнь прошлого.

Репрезентативное предъявление не может заменить собой теоретического объяснения. Автор и реципиент исторического дискурса не должны быть связаны ненормальным коммуникативом подмены ожидаемого экспликативного анализа предложением эмпатического инкурса в пусть даже и искусно воссозданный фрагмент мира прошлого. Воспроизведенные и анимированные позитивности интерпретативных дискурсов – это некая постмодернистская инверсия идеала верифицируемого знания: описание точно соответствует описываемому потому, что связано с ним отношением взаимопорождения. Двухнаправленная генетическая связь превращает такой исторический дискурс в симулякр, зеркальная пульсация автореференций которого превращает любую неадекватную этой новой специфике попытку теоретического вмешательства в пародию на саму себя.

Таким образом, интерпретативное анимирование не противостоит, как это принято полагать (см., например, [5]), якобы позитивистскому, в своей сути, теоретическому методу, но само отчасти является переродившимся под влиянием постмодернистской критики наследием гегемонии позитивистского мышления.

Разница между тем, что получено посредством традиции, и тем, что, в свою очередь, передано будущему, является содержанием развития культуры. Переоценка значимости прошлого и, тем более, искусственная актуализация его на самом деле уже сыгравших свою роль позитивностей, может уменьшать эту фундаментальную разницу или даже сделать итог в целом отрицательным. Странные артефакты дискурсивно анимированного прошлого, этого вновь пришедшего прошедшего, и возникающие по их вине парадоксы нарушенного течения времени культуры порождают нечто худшее, чем просто регресс, который, ведь, может быть просто результатом случайного стечения обстоятельств. Перепроживание минувшего – это сознательный отказ от онтологически естественного способа построения жизни, исходя из рефлексивного идеала должного будущего и, таким образом, отказ от проективного критического мышления вообще. За чрезмерным вниманием к прошлому обычно скрывается творческое бессилие в отношении будущего. Стоит помнить, что «заветы прошлого суть всегда изречения оракула: только в качестве строителей будущего и знатоков настоящего вы поймете их» [3, с. 66].

Не стоит ни переоценивать, ни недооценивать значение интерпретативно представленных позитивностей исторического прошлого. Креативность, дар

негативного и проективная интенциональность связывают человека, прежде всего, с им же задумываемым и осуществляемым будущим, в этом специфичном человеку способе соотносительности с событийной темпоральностью мира проявляется онтология его имманентной свободы. А для построения будущего – исходя из свободы – приоритетное значение имеет теоретически осмысленное прошлое. Но это осмысление, по-видимому, отныне будет осуществляться не в отношении удобных для теоретизации нарративов или конструктивистских моделей, но в отношении данных нам талантом историков-интерпретаторов дискурсивных реальностей реанимированного прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Дройзен, И.** Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории / И. Дройзен; пер. с нем. – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2004. – С. 494–495.
2. **Гадамер, Х.-Г.** Актуальность прекрасного / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем. – М.: Искусство, 1991. – С. 13.
3. **Ницше, Ф.** О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле / Ф. Ницше; пер. с нем. – Минск: Харвест, 2003. – С. 67.
4. **Religion and politics in the modern world** / Ed. P. Merkl, N. Smart. – N. Y. and London: New York University Press, 1985. – P. 19.
5. **Анкерсмит, Ф.Р.** История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит; пер. с англ. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 166.

S U M M A R Y

The main problem of this article is a correspondence between two ways of cognition of the historical past, namely: an interpretative reproduction of the experience of the past and a theoretical explanation of historical events. The hypothesis underlying this work is as follows: behind the above-named dilemma lays opposition of metaphysical and positivistic metatheoretical paradigms.

Поступила в редакцию 24.04.2007

УДК 316.346.32-057.87

Г.А. Качан, С.А. Моторов, Н.С. Моторова

Тенденции развития социальной активности молодежи в условиях вуза

Становление и развитие институтов гражданского общества в нашей стране диктует необходимость воспитания молодежи с высоким уровнем социальной активности и ответственности, обеспечивающих единство предметного и духовного измерений деятельности и являющихся обязательным атрибутом социального прогресса. Основопологающим критерием измерения социальной активности является стремление молодых людей творчески реализовывать себя, раскрывать свои возможности, проектировать и созидать новую реальность, одновременно изживая стереотипы и устаревшие социально-психологические виды поведения.

В современных условиях кардинальной трансформации основ жизнедеятельности, сопровождающейся серьезными социальными потрясениями, ин-

тенсивным поиском молодыми людьми личностной и общественной свободы, их социальная активность может приобретать различный характер: с одной стороны, социально значимый, с другой – деструктивный, а с третьей – проявление пассивных форм поведения. Причины пассивности, как правило, обусловлены отсутствием потребности в общественно значимой деятельности, несформированностью соответствующей психологической установки, недостаточностью полноценной информации и нежеланием осуществлять ее поиск, неразвитостью необходимых навыков и умений и т.д.

Социальная активность молодежи уже много лет является предметом исследования социологов, психологов и педагогов (А.Н. Ломов, Н.А. Березовин, Л.А. Шаламова, В.Б. Волков, А.Г. Асеев, А.А. Файзуллаев и др.). Направления изучения социальной активности в философских науках связаны либо с собственно социальной активностью, либо с образом жизни, либо с активной жизненной позицией. С философской точки зрения, социальная активность – это понятие, отображающее характер функционирования индивидов и социальных групп в обществе.

В работах современных психологов обращается внимание на диалектику социальной активности, поскольку она создает объективные условия для развития, а развитие повышает уровень активности, что приводит к дальнейшему социогенезу личности [1].

В педагогике социальная активность понимается как совокупность форм человеческой деятельности, ориентированной на решение задач, стоящих перед обществом, конкретной социальной группой. Суть педагогического аспекта изучения проблемы социальной активности заключается в поиске путей развития данного качества личности и создании условий, обеспечивающих и стимулирующих это развитие [2].

С точки зрения социологии, социальная активность – это общая интегративная характеристика внутренних возможностей субъекта в осуществлении деятельности, направленной на поддержание и развитие социальной целостности [3].

Важной характеристикой социальной активности является ее направленность, под которой понимают систему потребностей, интересов, взглядов, идеалов, выступающих в качестве мотивов индивидуального поведения и определяющих специфическое отношение личности к динамике общественного процесса. Выделяют четыре аспекта социальной активности – экономический, социальный, политический, духовный. Социальная активность личности связана с внутренней мотивацией поведения индивида, его устремлениями, потребностями, интересами. Она может быть производственной, общественно-политической, культурно-познавательной, семейно-бытовой и досуговой. Высшая форма проявления социальной активности – социальное творчество, включающее предприимчивость, новаторство, инициативность [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная активность – это совокупность форм человеческой деятельности, сознательно ориентированной на решение конкретных задач, стоящих перед обществом в определенный исторический период. Она также представляет собой организационное и направленное взаимодействие социального субъекта с окружающим миром, что обеспечивает высокие темпы общественного прогресса.

Для выявления сущностных аспектов процесса развития социальной активности студенческой молодежи, а также определения факторов, влияющих на нее, нами было проведено исследование. Опрашивались студенты УО «ВГУ им. П.М. Машерова» (г. Витебск) и УО «БелГУТ» (г. Гомель). Всего 104 человека.

Результаты исследования показали, что 70% от общего числа опрошенных считают актуальной проблему социальной активности молодежи, а 24% – не задумывались над этим вопросом. Следует отметить, что значительная часть студентов рассматривает социальную активность как возможность самореализации молодых людей (33%); как залог успешного развития общества (24%); как способ решения социальных проблем общества (19%). Примечательно то, что юноши рассматривают социальную активность молодежи как фактор успешного развития и функционирования государства и общества, а девушки – как возможность реализовать себя, свои устремления и интересы. Вместе с тем лишь 25% респондентов считают себя социально активными. Не относят себя к категории социально активных людей 36,6% от общего числа опрошенных студентов, из них 35% девушек и 42% юношей.

Позитивным является тот факт, что 79% респондентов хотели бы принимать участие в решении социальных проблем общества, а 62% выразили желание участвовать в общественной жизни своего университета. Все это свидетельствует о том, что у студенческой молодежи есть потребность в проявлении социальной активности.

Степень развития социальной активности и ее интенсивность определяются позицией человека по отношению к основному виду деятельности, в которую он включен. Именно в этой деятельности происходит овладение социально важными обязанностями, формируется коллективистское самосознание, определяется самооценка, завоевывается престиж, накапливается опыт коллективных отношений. Анализ результатов исследования показал наличие взаимосвязи между содержанием будущей профессиональной деятельности и сферой проявления социальной активности. Так, будущие специалисты по социальной работе хотели бы проявлять свою социальную активность, главным образом, в социальной, будущие историки – в политической, а будущие инженеры – в экономической сферах.

Как нравственное качество социальная активность характеризуется, с одной стороны, социальными мотивами деятельности (внутренние признаки), а с другой – инициативностью, самостоятельностью и творчеством (внешние признаки). На основании данных характеристик первый, начальный уровень социальной активности предполагает добросовестное выполнение поручаемого без собственной инициативы, самостоятельности и тем более творчества. Второй, средний уровень социальной активности представляет сочетание активности и самостоятельности с наличием или отсутствием инициативы. Третьему, высокому уровню свойственно сочетание всех указанных признаков при наличии активного творческого начала [5].

Исходя из выделенных уровней социальной активности, ее носителей из числа студенческой молодежи можно условно разделить на три группы: потенциально активная, активная, творчески активная. Вне этих уровней – безынициативная, пассивная группа. Существуют различия между выделенными группами не только по степени сочетания признаков социальной активности, но и по практическим умениям и навыкам студента, его отношению к учебному труду и научно-исследовательской работе, внутриколлективному общению, эмоционально-волевому состоянию.

К числу основных компонентов социальной активности студенческой молодежи можно отнести самостоятельность, социальную ответственность, инициативность личности в достижении общественно значимых целей, социально значимые потребности, ориентацию на социальные ценности, жизнен-

ные принципы личности, активность психических процессов и результат социальной активности.

Процесс формирования социальной активности студенческой молодежи может быть представлен как переход от репродуктивного уровня к наивысшему – творческому.

На уровень социальной активности личности оказывают влияние такие ситуации, когда субъект имеет дело с обстоятельствами, требующими проявления определенной модели поведения. Эти обстоятельства можно условно назвать факторами формирования социальной активности. В обобщенном виде, исходя из концепции социализации А. Мудрика, можно выделить четыре группы факторов социализации: мего-, макро-, мезо-, микрофакторы [6]. Правомерность такого подхода обуславливается тем, что в перечень задач, которые должны решаться в процессе социализации, входит формирование социально-ценностных ориентаций, социальной компетентности, социальной позиции, а следовательно, и социальной активности личности.

Учитывая то обстоятельство, что на воспитание, социализацию человека первостепенное влияние оказывает семья, ближайшее окружение, группы сверстников, решающую роль в формировании социальной активности играют микрофакторы.

По данным наших исследований, 48% от общего числа опрошенных считают, что семья оказывает огромное влияние на формирование социальной активности человека. Примечательно то, что 51% респондентов считает своих родителей социально активными. Можно предположить, что уровень проявления социальной активности родителями в значительной мере обуславливает развитие социальной активности и у детей.

Нельзя не учитывать и роль учреждений образования в развитии социальной активности личности. В школах, техникумах и колледжах, вузах развитие социальной активности происходит через организацию самоуправления, участие в различных спортивных секциях, кружках; различных олимпиадах и научно-исследовательской работе и т.д.

Результаты анкетного опроса свидетельствуют, что на развитие социальной активности, помимо семьи, влияют также общество (48%); СМИ (13%); учреждения образования (10,5%).

Основными обстоятельствами, которые не позволяют студенческой молодежи проявлять социальную активность, респонденты назвали: отсутствие свободного времени (31%); в вузе нет условий для проявления социальной активности (32,5%); «Мне это неинтересно и не нужно» (13,5%) и «Не вижу смысла» (5,5%). Следовательно, проблема социальной активности касается не только конкретной личности, но и учреждений образования, где она обучается.

С нашей точки зрения, наиболее благоприятные условия для формирования социальной активности будущего специалиста социальной сферы создает волонтерство, так как оно предоставляет дополнительные возможности для духовного и социального развития, удовлетворения творческих и образовательных, социальных и личностных потребностей, а также является хорошей возможностью проверить правильность профессионального выбора и закрепить профессиональную мотивацию. Участие в волонтерской деятельности требует от личности проявления ее социальной активности, которая реализуется через социальное творчество, через стремление к самоорганизации и самоутверждению.

Повышению уровня социальной активности студенческой молодежи будет способствовать также решение таких задач, как развитие креативности личности будущих специалистов, их деловых качеств, а также социальных чувств и потребностей; формирование ценностного отношения к профессии и объекту профессиональной деятельности; развитие органов студенческого самоуправления; вовлечение студенчества в социальную жизнь города; поддержка научно-исследовательской и творческой деятельности студентов; создание в вузе центра развития социальной активности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Немов, Р.С.** Психология: в 3 кн. – Кн. 1. Общие основы психологии / Р.С. Немов. – М.: Просвещение: «Владос», 1995. – 576 с.
2. **Попок, Р.П.** Социальная активность и ее компоненты / Р.П. Попок // Пазашкольнае выхаванне. – 2004. – № 7. – С. 23.
3. **Социологический словарь** / сост.: А.Н. Екупов, К.В. Шульга. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Университетское, 1991. – С. 220.
4. **Социологическая энциклопедия** / под общ. ред. А.Н. Данилова. – Минск: «Беларуская энцыклапедыя», 2003. – С. 280.
5. **Ломов, А.Н.** Педагогика высшей школы / А.Н. Ломов // Республиканский межведомственный сборник. Выпуск 9. – Минск: Вышэйшая школа, 1985. – С. 14.
6. **Мудрик, А.В.** Введение в социальную педагогику: учеб. пособие для студентов / А.В. Мудрик. – М.: Институт практической психологии, 1997. – С. 365.

S Y M M A R Y

The article deals with the problem of social activity of young people, the tendency of its development, the forms of its displays. Different factors which lead to the forming of social activity of young people are suggested.

Поступила в редакцию 21.02.2008

УДК 371.72-057.87

П.С. Васильков

Физическая активность и ее влияние на качество здорового образа жизни

Во всех сферах общества в условиях социальных трансформаций перманентно происходят инновационные процессы, эффективность которых во многом зависит от хорошо подготовленных специалистов, обладающих не только глубокими профессиональными знаниями, но и отменным здоровьем, физическим развитием. Ведь сама динамика транзитивного общества предполагает наличие высококвалифицированных специалистов, которые могли бы оперативно и качественно решать задачи современности. Поэтому формирование здорового образа жизни, его сохранение выступают в качестве одной из важных составляющих в подготовке будущих специалистов.

По справедливому замечанию профессора С.Д. Лаптенка, – «образ жизни – категория, охватывающая совокупность устоявшихся, типичных способов жизнедеятельности личности, социальной группы либо общества в целом в конкретно-исторических условиях, которая рассматривается в пределах об-

щего социально-культурного пространства применительно к определенному субъекту деятельности: индивиду, коллективу, семье, деревне, городу, нации, стране» [1]. Он характеризуется особенностями жизни индивида, охватывающими его трудовую деятельность, быт, формы использования свободного времени, удовлетворение материальных и духовных потребностей, участие в общественной жизни, нормы и правила поведения.

Взаимосвязь между образом жизни и здоровьем выражается в понятии «здоровый образ жизни», который объединяет все, что способствует выполнению человеком профессиональных, общественных и бытовых функций в оптимальных для здоровья условиях и выражает ориентированность личности в направлении формирования, сохранения и укрепления как индивидуального, так и социального здоровья. При этом одни авторы при определении здорового образа жизни сосредотачивают внимание на запретительных требованиях: не пить, не курить, не быть неразборчивым в сексуальных связях, не нарушать норм и правил социального поведения и т.д. Другие же (их меньше) призывают следовать принципам, которые позволили бы людям сохранить их здоровье. На наш взгляд, наиболее адекватно сущность здорового образа жизни человека отражает определение, данное Л.И. Лобышевой, считающей, что он представляет собой, прежде всего, культурный образ жизни, цивилизованный, гуманистический [2]. Здоровье по своей сути должно стать первейшей потребностью человека, но удовлетворение этой потребности, доведение ее до определенного уровня носит сложный, своеобразный, часто противоречивый характер и не всегда приводит к необходимому результату. Сколько бы сил не затрачивали медики на лечение, при отсутствии у человека стремления к сохранению здоровья как главному жизненному приоритету, являющемуся основным критерием качества жизни, будут появляться все новые неизлечимые страдания [3].

Введение термина «качество жизни» в число показателей, характеризующих здоровье населения и его основной ключевой фактор – образ жизни, относится ко второй половине XX в., когда были определены политическая и научная концепции нового понятия условий жизни человека. Качество – это интегральная характеристика физического, психологического, эмоционального и социального функционирования человека, основанная на его субъективном восприятии.

Здоровый образ жизни как важная составляющая качества жизни достаточно подробно нами был изучен в предыдущих исследованиях. Мы стремились на основе большого анонимного анкетирования студентов Витебской государственной академии ветеринарной медицины (ВГАВМ) получить, по возможности, обширную информацию об отношении будущих специалистов к постановке физического воспитания в этом вузе, об их физкультурно-спортивных интересах, мотивах физкультурной деятельности, условиях и факторах, способствующих улучшению процесса оздоровления и воспитания студентов с помощью арсенала средств физической культуры.

В настоящей статье мы продолжаем исследовать отношение будущих специалистов к занятиям физическими упражнениями и спортом, но уже во внеурочное время. Автором был проведен очередной социологический мониторинг. При отборе респондентов использовалась квотно-пропорциональная выборка. После проверки на достоверность, полноту заполнения и содержательность ответов к обработке были приняты анкеты 302 студентов. Из них 16% составили юноши и 84% – девушки. Опрашивались респонденты I–IV курсов. Студентам была объяснена цель работы, обращалось особое внимание на необходимость формулировки конкретных ответов на все вопросы.

В исследовании решались следующие задачи:

1. Проанализировать показатели физической активности студентов во внеурочное время.

2. Определить мотивацию респондентов занятиями физическими упражнениями и спортом.

3. Выявить причины, которые не позволяют студентам регулярно заниматься физическими упражнениями и спортом.

Исходя из вышеназванного, респондентам был задан исходный вопрос: «Занимаетесь ли Вы физическими упражнениями и спортом во внеурочное время?» Мнения опрошенных (в процентах) представлены в табл. 1.

Таблица 1

Варианты ответа	юноши	девушки
Да	69	57
Нет	31	43

Как видно из приведенного количественного материала, абсолютное большинство юношей и девушек занимаются физическими упражнениями и спортом во внеурочное время.

В этой связи логически был сформулирован следующий вопрос: «Если занимаетесь, то сколько на это Вы тратите время?» Мнения опрошенных (в процентах) представлены в табл. 2.

Таблица 2

Варианты ответа	Юноши	Девушки
Практически ежедневно	9	26
3–4 раза в неделю	47	21
1–2 раза в неделю	38	34
1–2 раза в месяц	6	19

Данные таблицы примечательны тем, что они позволяют высветить, как регулярно студенты занимаются физическими упражнениями. Физическая активность у девушек на 17% выше, чем у юношей. По сути дела, это есть ежедневная физкультура. Она значима тем, что позволяет молодым людям уже с утра взбодриться, «стряхнуть» с себя сон и активно включиться в учебную деятельность. К сожалению, физзарядка в качестве потребности является лишь для незначительного числа студентов. А как известно, потребность есть источник активности личности, ее важный побудительный мотив. Думается, что физкультурно-преподавательскому составу следует более целенаправленно пропагандировать эту важную составляющую физической культуры как совокупности материальных и духовных ценностей социума, создаваемых и используемых им для физического совершенствования большого количества людей.

Одновременно респондентам задавался уточняющий вопрос: «Где Вы занимаетесь физическими упражнениями и спортом?» (возможно несколько вариантов ответа). Мнения опрошенных (в процентах) приведены в табл. 3.

Сразу заметим, что данные этой таблицы находятся в определенной корреляционной зависимости с материалом табл. 2. Так, 27% девушек (суммарный показатель первых двух индикаторов табл. 3) регулярно занимаются физическими упражнениями в общежитии и на стадионе. Выяснилось и то, что очень мало юношей и девушек занимаются в спортивных секциях. Это можно объяснить тем, что спорт является специфической составляющей физической культуры. Его основа включает особенную соревновательную деятель-

ность, то есть деятельность, характерной формой которой является система состязаний, исторически сложившаяся преимущественно в области физической культуры социума. Посредством спорта происходят сравнения человеческих возможностей. Занятие спортом предполагает наличие отменного здоровья, физических данных и других компонентов. К сожалению, как свидетельствуют данные здравоохранения, здоровье молодежи, в том числе и студенческой, неуклонно ухудшается, что не позволяет ей активно заниматься спортом (в ветеринарной академии каждый четвертый студент имеет отклонения в состоянии здоровья).

Таблица 3

Варианты ответа	Юноши	Девушки
В общежитии (в фойе, комнате)	14	20
На стадионе	9	7
В парковой зоне	14	14
В спортивных секциях	15	11
В физкультурно-оздоровительном комплексе	1,5	4
В фитнес-клубе	1,5	2
В ледовом дворце	3	6
В спортивных залах ветакадемии	30	20

В качестве упущения в работе физкультурно-преподавательского состава отметим недостаточно высокий уровень посещения студентами спортивных залов ветеринарной академии. Их необходимо использовать с максимальной отдачей, они не должны пустовать в свободное от учебы время.

Одним из ключевых был вопрос: «Что побуждает Вас заниматься физическими упражнениями и спортом?» (возможно несколько вариантов ответа). Мнения опрошенных (в процентах) представлены в табл. 4.

Таблица 4

Варианты ответа	Юноши	Девушки
Совершенствование телосложения, сохранение оптимального веса	20	28
Укрепление здоровья, улучшение физического состояния	27	27
Получение эмоциональной разрядки, повышение настроения	16	16
Развитие физической привлекательности	15	10
Желание расширить круг общения, быть в компании друзей	8	7
Научиться давать отпор тем, кто посягает на мою неприкосновенность	11	4
Занимаюсь, чтобы участвовать в различных физкультурно-массовых мероприятиях, спортивных соревнованиях	2	3
Занимаюсь для достижения высоких спортивных результатов	1	2

Эта таблица примечательна тем, что она достаточно четко отслеживает, как студенты оценивают свое здоровье. Так, 71% юношей и 81% девушек

(суммарность первых четырех индикаторов) направляют свои физические усилия на укрепление здоровья, чтобы быть красивыми и привлекательными. Материал данной таблицы позволяет установить, что здоровье выступает необходимым условием для успешной работы в будущем.

В заключение нашего мониторинга респондентам был задан подытоживающий вопрос: «Если Вы не занимаетесь физическими упражнениями и спортом, то почему?». Мнения опрошенных (в процентах) представлены в табл. 5.

Таблица 5

Варианты ответа	Юноши	Девушки
Не занимаюсь спортом, потому что нет времени. Оно все уходит на учебу	53	61
Нет средств для оплаты физкультурно-спортивных услуг	7	7
Отсутствие подходящей компании для занятий	26	8
Мне это не интересно	7	8
Просто ленюсь	7	12

Кроме первого, с ответами респондентов можно согласиться. И вот почему. Их ссылка на нехватку времени не убедительна, поскольку, как мы уже отмечали выше, регулярные занятия физическими упражнениями можно приравнять к заурядной физзарядке, на выполнение которой затрачивается от силы 20–30 минут. И это время всегда можно найти, было бы желание и потребность в ней.

В завершение подведем краткие итоги. В результате социологического мониторинга установлено, что абсолютное большинство студентов занимаются физическими упражнениями и спортом во внеучебное время. Однако для многих они не являются еще потребностью. Это, во-первых.

Во-вторых, физкультурно-преподавательский состав недостаточно эффективно пропагандирует такую важную составляющую физической культуры, как физическую зарядку, выполнение которой не требует больших усилий и времени.

В-третьих, следует более активно использовать спортивные залы ветеринарной академии в деятельности оздоровительно-физкультурных групп, секций, регулярно проводить физкультурные и спортивные вечера, спортландии, дни здоровья, спорта и т.д.

И последнее. Только используя инновационные методы и формы физического воспитания можно сформировать здоровый образ жизни и повысить качество жизни будущих специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Лаптенко, С.Д.** Здоровый образ жизни как условие и цель учебно-воспитательного процесса / С.Д. Лаптенко // Адукацыя і выхаванне. – 2005. – № 4. – С. 74.
2. **Лобышева, Л.И.** Социология физической культуры и спорта: учеб. пособие / Л.И. Лобышева. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 275 с.
3. **Левин, М.Я.** Качество жизни и влияющие на него факторы: учеб. пособие. – 2-е изд., доп. / М.Я. Левин [и др.]. – СПб.: Изд-во «Олимп СПб», 2003. – 360 с.

S U M M A R Y

The article analyses the drawbacks in the work of PT teachers as well as innovative approaches to the development of students' physical education.

Поступила в редакцию 22.02.2008

Политическая оппозиция и терроризм

Под политической оппозицией в государстве понимаются различного рода организации, отстраненные от государственной власти, которые не разделяют политику власти, и, соответственно, ведут деятельность, направленную как против этой политики, так и против самой власти, преследуя основную цель – обретение власти [1, 2]. Политическая оппозиция в борьбе за власть нередко прибегает к террористическим акциям. В последние годы рост терроризма в мире принял угрожающие масштабы. Поэтому изучение роли терроризма в деятельности политической оппозиции приобретает особую актуальность.

Условно принято выделять две основные разновидности политической оппозиции: умеренную (системную) и радикальную (несистемную), каждая из которых отличается степенью противостояния государственной власти, формами и методами своей деятельности [2]. Кроме того, можно выделить еще одну, третью разновидность политической оппозиции – экстремистскую.

Умеренная оппозиция выступает с критикой, как правило, отдельных аспектов политики государственной власти и нацелена, прежде всего, на усиление своего политического влияния в государстве посредством демократических процедур – путем включения представителей оппозиции в парламент, правительство, другие органы государственного управления.

Умеренная оппозиция действует легально и имеет все основания для прихода к государственной власти. Это обусловлено тем, что даже в условиях социальной стабильности в государстве она может располагать довольно большой частью поддерживающего электората, которая увеличивается по мере роста социальной напряженности. Умеренная оппозиция не имеет единой идеологической платформы и в организационном отношении может представлять довольно крупные политические блоки, в которые объединяются различные оппозиционные организации, близкие по своим политическим взглядам [2]. Чаще всего такие блоки создаются в периоды повышенной политической активности оппозиции, например, во время проведения предвыборных кампаний.

Умеренная оппозиция публично осуждает терроризм и не имеет каких-либо взаимоотношений с террористическими структурами, однако на деле она далеко не всегда оказывает противодействие деятельности террористических структур, поскольку эта деятельность приводит к дестабилизации общества, в которой любая оппозиция объективно заинтересована.

Радикальная оппозиция проявляет полное неприятие политики государственной власти. Как правило, в условиях социальной стабильности в государстве она располагает довольно малой частью поддерживающего электората и, как следствие, не имеет реальных шансов на значительное усиление своего политического влияния в государстве и, тем более, на приход к власти в результате демократических процедур [2]. Поэтому для завоевания власти она нуждается в существенной дестабилизации общества. При этом радикальная оппозиция нередко прибегает к экстремистским, террористическим акциям, используя их в качестве эффективного инструмента нагнетания социальной напряженности. Радикальная оппозиция имеет устойчивую идеологическую платформу и если в стране существует несколько радикальных оппозиционных организаций с различными идейными взглядами, то они могут создавать

координирующие органы по достижению своих политических целей [2].

Участие радикальной оппозиции в террористической деятельности может быть как косвенным, так и прямым. В первом случае она оказывает различное содействие сторонним террористическим структурам либо сотрудничает с ними, используя их в своих целях. Во втором случае она создает собственные террористические структуры. При этом радикальная оппозиционная организация имеет в своем составе легальное политическое ядро и нелегальную боевую группировку, которая совершая террористические акции, дестабилизирует общество, в то время как политическое ядро обвиняет государственную власть в неспособности обеспечить порядок в обществе, гарантировать жизнь, здоровье и спокойствие граждан. В зависимости от дальнейшего развития политической ситуации в государстве радикальная оппозиция может прийти к власти в результате демократических процедур, а также осуществить насильственный захват власти с помощью боевой группировки.

Обращение радикальной оппозиции к террористическим методам борьбы, обусловленное стремлением создать крайне напряженную социальную обстановку в государстве, само по себе свидетельствует о политической слабости оппозиции, неспособности прийти к власти законным путем.

Часто радикальная оппозиция старается сохранять в тайне свое участие в террористической деятельности и поэтому «работает в подпольных или полуподпольных условиях, широко использует конспирацию» [2]. Если в состав радикальной оппозиционной организации входит боевая группировка, то последняя часто осуществляет свои террористические акции, не раскрывая собственного авторства [2] (исключения составляют случаи открытого выхода на политическую сцену с целью насильственного захвата власти). Следует заметить, что в последние годы анонимная форма терроризма получает все большее распространение [3, 4].

Стремление радикальной оппозиции обеспечить тайный характер участия в террористической деятельности вызвано тем, что раскрытие ее причастности к терроризму, во-первых, ставит ее вне закона и лишает возможности бороться за власть легально и, во-вторых, существенно уменьшает ее поддержку среди населения, которое в своем большинстве отвергает терроризм как преступное явление. В этой связи уместно привести известное высказывание легендарного кубинского революционера Че Гевары: «Терроризм подрывает то, на чем мы держимся, – контакт с массами» [5]. Подтверждением этих слов являются наблюдаемые в последние годы в мире факты потери исламизмом своего политического потенциала, в том числе в результате поражений в Египте и Алжире, поскольку «террористическое насилие со стороны радикальных исламских групп отталкивает от них население» [4].

В России в начале XX в. многие политические организации делали главную ставку на захват власти в результате массовых беспорядков, спровоцированных террористами. Так, Конституционно-демократическая партия (кадеты), являвшаяся главной партией российской либерально-монархической буржуазии, предприняла максимум усилий для того, чтобы не допустить принятия в Государственной думе резолюции с осуждением терроризма, предложенной премьер-министром П.А. Столыпиным [6].

В Испании в 1960–1970-е гг. проявляла большую активность «Коммунистическая партия Испании» – политическая организация, которая проповедовала марксистско-ленинские идеи, являясь вместе с тем типичным представителем «левого терроризма» [3]. В качестве боевого авангарда этой партии выступали «Революционный патриотический и народный фронт» и «Группа патриотического антифашистского сопротивления первого октября».

На Ближнем Востоке с 1960-х гг. действует Организация освобождения Палестины (ООП), являющаяся законным представителем арабского народа Палестины. ООП формально не использует террористических методов, однако под крылом ООП осуществляют свою деятельность террористические структуры «Хамас» и «Исламский джихад» [3, 4].

В США большую угрозу социальной стабильности создают исламские экстремистские группировки «Исламский круг Северной Америки», «Исламская община Северной Америки», «Мусульманская студенческая организация», которые выступают под началом крупной мусульманской структуры – «Верховный исламский совет Америки» [7].

В Беларуси в 1990-е годы на роль радикальной оппозиции претендовала партия БНФ – Белорусский народный фронт (политическое ядро) с общественным движением «Адраджэньне», молодежной организацией «Малады фронт», подконтрольными «независимыми» профсоюзами и рядом других организаций. БНФ неоднократно осуществлял попытки создания боевых группировок в виде незарегистрированных «союзов военных», «народных дружин», «антифашистских комитетов» и т.п. [2].

Экстремистская оппозиция характеризуется проявлением крайней враждебности к существующей государственной власти и ведет с ней борьбу с использованием всего арсенала методов и средств терроризма. Фактически организации экстремистской оппозиции есть не что иное, как организации политического терроризма. Характерный тому пример – крупнейшая мелкобуржуазная партия в России в начале XX в. – партия социалистов-революционеров (эсеров), которая, осуществляя борьбу за демократические свободы, в качестве главного тактического средства использовала индивидуальный террор и потому находилась на нелегальном положении (до 1917 г.) [4]. В 1970–1980-е гг. в Западной Европе большую активность проявляли террористические организации левого толка, в частности, «Фракция Красной Армии» в ФРГ и «Красные бригады» в Италии [8].

Часто террористические организации с целью получения поддержки среди населения в борьбе за власть пытаются играть на этнических или религиозных чувствах людей. Типичными представителями этнически мотивированного терроризма являются: партия ЭТА – «Страна басков и свобода» в Испании – борется за независимость Басконии [3], Курдская рабочая партия в Турции – борется за независимость Курдистана [4], Ирландская республиканская армия (ИРА) – борется за присоединение к Ирландии Ольстера (Северной Ирландии) [3]. В свою очередь, типичными представителями религиозно мотивированного терроризма являются многочисленные исламские организации [4], которые в 1990-е гг. разожгли очаги исламской террористической войны в Египте, Алжире, Боснии и Герцеговине, Косове, Чечне, Ливане, Йемене, Саудовской Аравии, Таджикистане, Узбекистане и ряде других стран и регионов, где господствует религия ислама. В этот же период радикальные исламисты захватили власть в Судане, Малайзии и Афганистане.

Как радикальная, так и экстремистская оппозиция для развития террористической деятельности активно используют различные механизмы внешней поддержки из-за рубежа, включая военно-техническую, специальную и военную помощь [2]. В период «холодной войны» СССР, ГДР, Куба поддерживали левые террористические организации в ряде стран мира, а также палестинских террористов; в свою очередь, США поддерживали антикоммунистические движения террористического толка, главным образом в Латинской Америке и Афганистане (активную помощь афганским террористам также оказывали Саудовская Аравия и Пакистан) [4]. В 1999 г. США оказали существенную поддержку югославской политической оппозиции при свержении режима

С. Милошевича, включая подготовку боевых группировок для захвата ключевых объектов [2]. В последние годы непосредственную государственную поддержку террористам оказывают Иран, Сирия, Ливия, Судан и некоторые другие страны. В значительной мере благодаря поддержке Пакистана не утихают сепаратистские движения в индийских штатах Пенджаб, Джамму и Кашмир [3]. В настоящее время преступные организации стран СНГ активно сотрудничают с итальянской и североамериканской мафией, колумбийскими наркокартелями, азиатскими преступными группировками, в частности, из стран «Золотого треугольника» (Мьянма, Лаос, Таиланд) и «Золотого полумесяца» (Афганистан, Иран, Пакистан) [9].

Нередко террористы осуществляют свою деятельность под благородными лозунгами борьбы за свободу, демократию, национальную независимость. В этой связи обращает на себя внимание неоднозначность оценок, которые даются боевым действиям исламских вооруженных группировок против коалиционных войск в Ираке: по мнению одних террологов, эти действия являются проявлением актов терроризма [4], по мнению других – национально-освободительной борьбой [5]. Значительную роль в развитии терроризма сыграла доктрина партизанской войны, разработанная в Китае в 1930-е гг. Мао Цзэдуном [4]. В ней, в частности, большое значение придавалось формированию так называемого «партизанского очага», который, как планировалось, мог стать своего рода эпицентром партизанско-террористической деятельности. Практическая реализация этой доктрины способствовала победе коммунистов в гражданской войне в Китае в 1946–1949-х гг. Тактические приемы Мао Цзэдуна были взяты на вооружение левыми террористами Латинской Америки в 1960-е гг., а в последнее время они используются в России чеченскими боевиками [4].

Серьезную озабоченность вызывает то обстоятельство, что, как правило, и радикальная, и экстремистская оппозиция стремятся привлекать в свои организации молодежь. В России довольно большим влиянием среди молодежи пользуется созданная в начале 1990-х гг. экстремистская Национал-большевистская партия, которая, делая ставку на молодое поколение, постоянно «подчеркивает симпатии ко всем неконформистским молодежным движениям – анархистам, панкам, скинхедам, по мере возможности вбирая их в свои ряды» [10]. Активное участие российской молодежи в политической оппозиционной деятельности в 1990-е гг. стало следствием сложившегося в стране глубокого экономического, социального и духовного кризиса, который вызвал большую протестную волну в молодежной среде. В это время в России создаются многочисленные молодежные организации экстремистского толка, среди которых наибольшей активностью отличаются организации левого экстремизма, такие, как Рабоче-крестьянская красная армия, Московское советское антифашистское общество, Российский коммунистический союз молодежи, Революционный военный совет, Новая революционная армия и др. [10]. В последние годы большое беспокойство вызывают террористические действия российских скинхедов, включая разбои, зверские избиения и убийства, совершаемые ими на почве расизма и национализма [11]. В Беларуси в 1990-е гг. молодежь находилась под значительным влиянием БНФ, который всячески стремился втянуть в орбиту своей политической деятельности различные молодежные организации, к числу которых относились, прежде всего, «Малады фронт», а также «Молодое возрождение», «Европейский путь», «Белорусские молодые консерваторы», «Ассоциация молодых предпринимателей», «Компьютерное творчество», «Белорусская музыкальная альтернатива» [2].

Таким образом, политическая оппозиция в государстве характеризуется разнообразием форм и методов своей деятельности, анализ которых позволя-

ет выработать более эффективные меры противодействия оппозиции. Особую опасность представляет террористическая деятельность радикальной и экстремистской оппозиции, борьба с которыми требует принятия государственной властью специальных мер, направленных на прекращение не только этой деятельности, но и причин, ее порождающих. Одним из важнейших факторов усиления государственной власти является стабильность общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Курбанов, А.Р.** Политическая оппозиция: теоретико-методологические аспекты / А.Р. Курбанов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2005. – № 5. – С. 90–93.
2. **Ильин, М.В.** Управление: государство, политика, безопасность: монография / М.В. Ильин [и др.]. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. – 284 с.
3. **Лукашевич, Е.В.** Современный терроризм: новые формы и методы в условиях развития научно-технической революции: дис. ... канд. полит. наук / Е.В. Лукашевич. – М.: Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова, 2005. – 171 с.
4. **Федоров, Ю.** Современный терроризм: особенности и перспективы / Ю. Федоров // Аналитические доклады. Научно-координационный совет по междунар. исследованиям МГИМО (У) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2005. – № 1. – 84 с.
5. **Степанова, Е.** Многообразие и трансформация терроризма: с интернационалом и без / Е. Степанова // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 7. – С. 109–119.
6. **Суворов, А.И.** Политический терроризм в России XIX – начала XX века. Истоки, структура, особенности / А.И. Суворов // Социологические исследования (СОЦИС). – 2002. – № 7. – С. 54–61.
7. **Дюбаева И.** Экстремистские группировки в США: исламский фактор / И. Дюбаева // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2007. – № 1. – С. 107–112.
8. **Требин, М.П.** Терроризм в XXI веке / М.П. Требин. – Минск: Харвест, 2003. – 816 с.
9. **Меркушин, В.В.** Противодействие транснациональной организованной преступности / В.В. Меркушин; под общ. ред. В.Ф. Ермоловича. – М.: Изд-во деловой и учебной литературы, 2005. – 256 с.
10. **Бааль, Н.Б.** Экстремистские молодежные организации в современной России / Н.Б. Бааль // История государства и права. – 2007. – № 17. – С. 4–6.
11. **Тарасов, А.** Экстремисты по вызову / А. Тарасова // Свободная мысль – XXI. – 2003. – № 7. – С. 63–75.

S U M M A R Y

In the article the questions and problems connected with the interpretation and classification of political opposition and terrorism are considered. The given factual material and the authors' interpretation reveal the danger of radical and extremist opposition and modern terrorism for the state power. The contents of the article are bound up with the events in the Middle East, the USA, Spain, Russia and the Republic of Belarus.

Поступила в редакцию 14.03.2008

Г.Г. Краско

Проблемы трансформации системы советских органов государственной безопасности (1943–1960 гг.)

На постсоветском пространстве продолжается сложный процесс переосмысления исторического пути уже суверенных государств. В послевоенные годы одним из инструментов реализации намеченных планов советской власти оставались органы государственной безопасности. На всех этапах развития советского государства органам госбезопасности отводилось центральное место в определении внутренних и внешних угроз, своевременном информировании о них высшего руководства страны.

Период 1943–1960 годов в истории советского государства в целом и органов государственной безопасности в частности был далеко не однозначным. В это время, во-первых, продолжалось формирование основных принципов организации и деятельности отечественной спецслужбы, а во-вторых, определялись ее роль и место в механизме государственного управления и советском обществе.

Детальный анализ и обобщение событий и процессов, происходивших в исследуемый период, актуальны для современной исторической науки и для политической практики. Особенно хотелось бы отметить последнюю, поскольку сотрудники и руководство органов государственной безопасности сегодняшней Республики Беларусь представляют собой качественно новое поколение чекистов. Молодежи нужно знать и эффективно использовать в служебной деятельности накопленный десятилетиями опыт, преумножать традиции белорусской спецслужбы и тем самым обеспечивать преемственность поколений.

К сожалению, в работах ряда современных белорусских исследователей и журналистов преобладает тенденциозное освещение деятельности органов госбезопасности. Это, в свою очередь, не позволяет объективно отразить историческую действительность, способствует формированию ложного представления об истории Беларуси в целом и истории ее спецслужбы в частности. Считаю, даже говорить о белорусских исследованиях деятельности органов НКГБ – МГБ – МВД – КГБ некорректно. Специальных исследований такого рода в нашей стране не проводилось и не проводится. Исключением можно считать лишь опубликованные КГБ Республики Беларусь и некоторыми областными управлениями КГБ материалы, которые носят скорее общепопулярный, чем научный характер [1–3]. По-иному складывается ситуация в Российской Федерации, где, начиная с 90-х годов прошлого столетия, в свет вышло большое количество публикаций, посвященных деятельности советской спецслужбы. Во многом этому содействовало рассекречивание форм и методов деятельности органов государственной безопасности и части материалов архивов КГБ СССР. Однако в этом «потоке» научную ценность пред-

ставляет далеко не каждая работа. Большинство из написанного сразу же после распада СССР, в силу разных обстоятельств, либо отражало субъективное восприятие действительности автором, либо носило ярко выраженный популистский и тенденциозно направленный характер. В российской историографии совершенно иным в этом отношении можно считать период с начала 2000-х гг., когда исследователи, избавившись от излишней эмоциональности, сумели поставить изучение истории спецслужб на научную основу [4–10].

Целью данного исследования является не рассмотрение конкретных многократных изменений системы и структуры отечественных органов госбезопасности, а проведение анализа обширного исторического источниковедческого материала по выбранной проблематике, а также определение причин, условий и результатов многократных трансформаций отечественных органов государственной безопасности.

Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, наступивший после Курской битвы, привел к изменению военной и оперативной обстановки. Руководство государства закономерно ставило перед органами государственной безопасности новые задачи, что и обусловило необходимость их перестройки.

Указом Президиума Верховного Совета от 14 апреля 1943 г. из структуры НКВД СССР был выделен самостоятельный орган обеспечения государственной безопасности – Народный комиссариат государственной безопасности. Народные комиссариаты в союзных и автономных республиках входили в систему НКГБ СССР. В краях и областях образовывались управления НКГБ [11].

На территории нашей республики система органов государственной безопасности была воссоздана во второй половине 1943 г. Формально же процесс образования республиканского Наркомата госбезопасности был закреплен Указом Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 3 декабря 1943 г. (НКГБ БССР временно, до освобождения г. Минска в июле 1944 г., располагался в г. Гомеле). В оккупированных областях организовывались областные оперативно-чекистские группы НКГБ БССР. Основной целью их деятельности была агентурно-оперативная и подрывная работа в тылу противника. Они координировали работу действовавших на территории оккупированной области агентурно-оперативных и диверсионных групп, сами создавали такие группы и руководили ими. К концу 1943 г. на базе таких областных групп были созданы подпольные областные управления НКГБ. Руководство ими осуществляли заместители начальников УНКГБ, которые одновременно возглавляли и конкретные спецгруппы [1, с. 174; 2, с. 135].

По мере освобождения оккупированных территорий республики во всех областных и районных центрах, городах возобновляли свою деятельность подразделения НКГБ. К концу 1944 г. система органов госбезопасности была восстановлена по всей территории республики. Однако мы считаем необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что для нашей республики еще на протяжении практически десятилетия существенным фактором, оказывавшим влияние на оперативную обстановку в регионе, а следовательно, и работу органов госбезопасности, было то, что огромное количество населения на протяжении 1941–1944 гг. проживало в условиях немецкой оккупации. Последствия произошедшей гуманитарной катастрофы усугублялись и тем, что приходилось противостоять террористическим проявлениям как отдельных антисоветски настроенных лиц, так и многочисленных антисоветских вооруженных бандгрупп и формирований.

Вновь созданному самостоятельному ведомству предстояло решать следующие задачи: ведение разведывательной работы за границей; борьба со шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок внутри СССР; борьба со всякого рода антисоветскими элементами

и проявлениями среди различных слоев населения СССР, в системе промышленности, транспорта, сельского хозяйства и т.д.; охрана руководящих кадров партии и правительства [11, с. 622].

Характер поставленных перед НКГБ задач определил и новую структуру ведомства. Было образовано семь самостоятельных управлений, которые соответствовали направлениям работы (1 управление – разведка, 2 – контрразведка, 3 – транспортное, 4 – организация террора и диверсий на занятых немцами территориях, 5 – шифрование-дешифрование и спецсвязь, 6 – охрана руководителей партии и правительства, 7 – административно-хозяйственное финансовое управление), четыре самостоятельных отдела: «А» – учетно-архивный, «Б» – оперативно-технический, «В» – военная цензура и перлюстрация корреспонденции, а также отдел кадров, следственная часть по особо важным делам, секретариат. Аналогичные изменения произошли в союзных и национальных республиках, краях, областях СССР [12]. Данная структура НКГБ оставалась практически неизменной до конца Великой Отечественной войны.

Окончание Второй мировой войны привело к изменению политической карты мира и скорому началу «холодной войны». В атмосфере биполярного мира деятельность спецслужб поднялась до уровня внешней политики государств. И государства-победители, и проигравшие извлекали для себя уроки войны. Органы разведки и контрразведки ведущих мировых государств трансформировались, реорганизовывались, перестраивались и вновь создавались с единой целью – обеспечить эффективность своей работы в новых геополитических условиях. В первые послевоенные годы произошла трансформация спецслужб Великобритании, были созданы новые разведывательные органы США, ФРГ, Франции, такие, как ЦРУ, БНД, СДЕСЕ [13–16]. Кроме того, получила развитие и новая тенденция в их деятельности: специальные службы западных государств стремились к объединению своих усилий по главному приоритетному направлению разведывательной работы – Советский Союз и его союзники.

Система советских, а следовательно, и белорусских органов государственной безопасности также не оставалась в стороне. Победа в войне, переход к мирной жизни, а в значительной степени и необходимость эффективного противодействия разведывательной и иной противоправной деятельности специальных служб иностранных государств потребовали изменений в организации работы органов НКГБ.

Первым шагом в этом направлении стало упразднение института военной цензуры и других подразделений, созданных исключительно для работы в условиях военного времени.

В марте 1946 г. в связи с преобразованием народных комиссариатов в министерства НКГБ был переименован в Министерство государственной безопасности СССР, аналогичные изменения произошли и в его органах на местах [17]. Приказом НКГБ СССР от 22 марта 1946 г. НКГБ БССР был переименован в Министерство государственной безопасности. Этот приказ был продублирован Указом Президиума Верховного Совета БССР от 26 марта 1946 г. МГБ БССР являлось частью системы органов госбезопасности СССР и имело в своем подчинении 12 управлений МГБ по областям. Общая численность сотрудников МГБ БССР составляла около 5,5 тысячи [1, с. 174]. Однако коренных переломов в структуре ведомства не произошло, сохранялась традиционная иерархия: основную работу вели линейные управления, а эффективность их деятельности обеспечивали профильные отделы.

Особенностью органов госбезопасности БССР (в т.ч. и Витебской области в ее современных границах) было то, что на протяжении практически десяти-

летия, наряду с основными направлениями оперативно-розыскной деятельности (разведкой и контрразведкой), белорусские чекисты выполняли задачу по ликвидации антисоветского вооруженного подполья (белорусского, литовского, латышского и польского). Более того, это направление для белорусских чекистов на протяжении первых послевоенных лет было наиболее приоритетным.

В результате анализа архивных материалов КГБ Республики Беларусь, управления КГБ Республики Беларусь по Витебской области, у нас сложилось убеждение, что для данного региона в первые послевоенные годы характерной особенностью было и то, что в качестве второго по значимости направления оперативно-розыскной деятельности (после борьбы с вооруженным антисоветским подпольем) выступал далеко не политический сыск и связанная с ним репрессивная работа, а розыск государственных преступников (немецких пособников, карателей, агентов иностранных разведывательных и контрразведывательных служб).

Знаковыми событиями в развитии структуры органов госбезопасности стали введение в структуру МГБ Главного управления пограничных войск и Главного управления милиции, реорганизации 1947–1948 гг. разведывательного управления, появление в 1946–1950 гг. отделов «Т» (борьба с терроризмом), «ДР» (служба террора и диверсий), «О» (оперативная работа среди духовенства), отдела оперативной техники, 7-го управления (организация наружного наблюдения), а также ряда других специализированных подразделений, деятельность каждого из которых достойна стать объектом самостоятельного исследования [18].

Смерть И.В. Сталина привела к большим переменам во всех сферах жизнедеятельности советского общества и государства. Не стали исключением и органы госбезопасности. Уже 5 марта 1953 г. руководством страны было принято решение об объединении МГБ с МВД. Структура объединенного ведомства, просуществовавшего менее года, была громоздкой, малоэффективной и не способной обеспечить необходимую оперативность в работе. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г. органы государственной безопасности были выделены в самостоятельное ведомство – Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР (союзно-республиканский государственный комитет, действовавший на правах министерства) [3, с. 375–376].

Преодолев тяжелые последствия войны, решив в значительной степени внутривнутриполитические проблемы, советская спецслужба, наконец, смогла заняться в полной мере решением своих непосредственных задач – разведкой и контрразведкой.

В качестве еще одного приоритетного направления выступала деятельность по контролю за политической лояльностью населения (отдельные авторы используют другой термин – «политический сыск»). С 1954 г. началось проведение серьезной кадровой работы (прошла реорганизация системы подготовки руководящего и оперативного состава, существенно изменились требования к кандидатам на службу), были предприняты определенные меры по укреплению законности в деятельности спецслужбы. Результатом работы в этом направлении стало принятие в январе 1959 г. Положения о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах, которое действовало до 1991 г. Данный нормативно-правовой акт впервые определил систему и принципы деятельности, роль и место органов государственной безопасности в государственном механизме, правовое положение сотрудников.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что существование советского государства в послевоенный период в значительной

степени было связано с деятельностью достаточно эффективной системы государственной безопасности, обеспечивавшей защиту страны от внутренних и внешних угроз. Органы госбезопасности на территории БССР в целом и Витебской области в частности функционировали в соответствии с общесоюзными установками и тенденциями развития советской спецслужбы. Но, вместе с тем, характер их деятельности в исследуемый период зависел и от конкретных особенностей региона: в частности, проживания в 1941–1944 гг. на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории большого количества гражданского населения, а также значительного по своему масштабу антисоветского вооруженного подполья. Безусловно, эволюция этой системы в период с 1943 по 1960 г. зависела, прежде всего, от политической системы советского государства и тех задач, которые ставились перед спецслужбой. в большинстве своем, партийным руководством. В свою очередь, изучение деятельности самой системы госбезопасности и ее трансформации представляет интерес в плане исследования механизмов адаптации институтов самого государства на разных этапах исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Щит и меч Отечества* / В.И. Дементей [и др.]; под общ. ред. С.Н. Сухоренко. – Минск: Междунар. центр интеграц. информ. обществ. Пресс-центр Дома прессы, 2006. – 340 с.
2. *На службе Родине: страницы истории* / В.И. Дементей [и др.]; под общ. ред. В.И. Дементя. – Витебск: Витебская областная типография, 2004. – 352 с.
3. *Каминский В.* Без права на славу / В. Каминский. – Могилев: УПКП «Могилевская областная типография им. С. Соболя», 2005. – 304 с.
4. *Воронцов, С.А.* Спецслужбы России / С. Воронцов. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 512 с.
5. *Хлобустов, О.* Госбезопасность от Александра I до Путина / О. Хлобустов. – М.: ЭКСМО, Яуза, 2005. – 480 с.
6. *Сулейманов, С.И.* Органы государственной безопасности в 1920–1953 годы: на материалах Дагестанской АССР: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / С.И. Сулейманов; Центр истории Дагестана, Ин-т ИАЭДИЦ РАН. – Махачкала, 2003. – 51 с.
7. *Герасимов, А.В.* Органы государственной безопасности в механизме правового государства: теорет.-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / А.В. Герасимов; Краснодар. акад. МВД России. – Краснодар, 2004. – 25 с.
8. *Шустин, В.В.* КГБ СССР в борьбе с протестными проявлениями внутри советского общества в конце 1950–1980-е гг. (по материалам Мордовии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.В. Шустин; Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева. – Саранск. 2006. – 34 с.
9. *Энциклопедия секретных служб России* / авт.-сост. А.И. Калпакиди. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», ООО «Транзиткнига», 2004. – 800 с.
10. *Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946* / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М.: МФД; Материк, 2006. – 640 с.
11. *Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации Народного комиссариата государственной безопасности» от 14 апреля 1943 г.* // Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ, 1917–1991: справочник / под ред. А.Н. Яковлева; авт.-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: Междунар. фонд «Демократия», 2003. – С. 622–623.
12. *Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ, 1917–1960:* справочник / сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров; науч. ред. Р.Г. Пихоя. – М.: Междунар. фонд «Демократия», 1997. – С. 34.
13. *Faligot R., Krop P.* La Piscine: les services secrets français 1944–1984. – Paris: Editions du seuil, 1985. – 431 с.
14. *Назаренко, С.В.* Специальные службы Франции / С.В. Назаренко. – Минск: ИНБ Республики Беларусь, 2005. – 27 с.

15. *Энциклопедия шпионажа. Центральное разведывательное управление США.* [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://spy.hwworld.ru/usa.html>. Дата доступа: 29.11.2007
16. *Энциклопедия шпионажа. Секретная служба Франции.* [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://spy.hwworld.ru/france.html>. Дата доступа: 29.11.2007
17. *Приказ МГБ СССР № 00107 «О переименовании органов НКГБ» от 22 марта 1946 г.* // Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ, 1917–1991: справочник / под ред. А.Н. Яковлева; авт.-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: Междунар. фонд «Демократия», 2003. – С. 634–635.
18. *Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ, 1917–1991:* справочник / под ред. акад. А.Н. Яковлева; авт.-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: Междунар. фонд «Демократия», 2003. – С. 207–214.

S U M M A R Y

The end of the Great Patriotic War, the transition to the peaceful time, the need to counteract effectively the actions of foreign countries' intelligence services made the transformation of the state security agencies in the Soviet system necessary. This process began in 1943 with the foundation of the independent structure called NKGB. This organization and further reformation of the whole system of the Soviet special services were connected with the beginning of the «cold war» and the necessity to fulfill new tasks given by the country's authorities.

Поступила в редакцию 12.11.2007

УДК 947.6«1944–1961»(476)

А.А. Гаравая

Рэфармаванне вышэйшай філалагічнай адукацыі ў Беларусі ў сярэдзіне 50-х – пачатку 60-х гг. ХХ ст.

3 сярэдзіны 1950-х гг. пачынаюцца грунтоўныя змены ў структуры падрыхтоўкі спецыялістаў-філолагаў. Рэфармаванне вышэйшай школы ішло ва ўмовах лібералізацыі грамадска-палітычнага жыцця краіны пасля «начнога дакладу» М.С. Хрушчова.

У абсалютнай большасці сярэдніх школ Беларусі да сярэдзіны 1950-х гг. настаўнікі, якія мелі толькі адну педагагічную спецыяльнасць (філолагі, гісторыкі, географы...), не маглі ў перспектыве атрымаць вучэбную нагрузку ў межах стаўкі. Таму яны былі вымушаны выкладаць у школе тыя вучэбныя дысцыпліны, якія ў ВНУ увогуле імі не вывучаліся ў межах спецыяльнасці. Такая сітуацыя стварала вялікія цяжкасці ў размеркаванні выпускнікоў педагагічных ВНУ і прыводзіла да непатрэбных перастановак педкадраў у сярэдніх агульнаадукацыйных установах.

Акрамя таго, у ВНУ прысутнічала вучэбная перанагрузка студэнтаў і было празмерным здрабненне дысцыплін і спецыяльнасцей. Таму Савет Міністраў СССР у маі 1955 г. зацвердзіў пастанову, па якой устанавіліся пералік спе-

цыяльнасцей, па якіх уводзілася двухпрофільная падрыхтоўка маладых спецыялістаў, у тым ліку і па філалагічным накірунку.

Міністэрства адукацыі СССР радыкальна змяніла ўсю наменклатуру педагагічных спецыяльнасцей для саюзных рэспублік, у тым ліку і БССР. Міністэрству асветы БССР на аснове Пастановы Савета Міністраў СССР (1956 г., жнівень) было прапанавана з 1956/1957 навучальнага года пачаць перабудову сваёй працы на аснове ўвядзення новых вучэбных планаў па педагагічных спецыяльнасцях так званых «шырокага профілю»: «руская мова, літаратура і гісторыя», «беларуская мова, літаратура і гісторыя»... [1].

Змены ў наменклатуры спецыяльнасцей афіцыйна былі абгрунтаваны, па-першае, неабходнасцю рацыянальнага выкарыстання настаўніцкіх кадраў; па-другое, хутчэйшым рашэннем праблемы забеспячэння малакамплектных вясковых школ кваліфікаванымі кадрамі настаўнікаў-прадметнікаў; па-трэцяе, неабходнасцю палітэхнізацыі ўсіх сфер вышэйшай адукацыі.

У 1956 г. педагагічныя інстытуты СССР былі пераведзены на пяцігадовы тэрмін навучання, што прывяло да рэарганізацыі факультэтаў педагагічных інстытутаў у рэспубліцы. Так, у Гродзенскім, Мінскім дзяржаўных педагагічных інстытутах былі адчынены новыя спецыяльнасці: «руская мова, літаратура, гісторыя»; «беларуская мова, літаратура, гісторыя». Аднак у Магілёўскім і Віцебскім педагагічных інстытутах філалагічныя аддзяленні шырокага профілю адчынены так і не былі. Архіўныя крыніцы не даюць тлумачэння прычыны адсутнасці тут філалагічных факультэтаў.

У студзені 1957 г. адбылося пасяджэнне калегіі Міністэрства асветы БССР. На павестцы дня стаяла пытанне: зацверджэнне вучэбных планаў педагагічных інстытутаў у сувязі з пераходам на пяцігадовы тэрмін навучання. Былі адзначаны супярэчлівыя пазіцыі. Па-першае, аб'яднанне двух факультэтаў (гістарычнага і філалагічнага) – не вельмі ўдалая ідэя, бо студэнты атрымліваюць вялікую перагрузку. Таму рацыянальна было б аб'яднаць гістарычны і геаграфічны факультэты, а філалагічны пакінуць асобным факультэтам. Па-другое, прынята пастанова Савета Міністраў БССР аб стварэнні гісторыка-філалагічнага факультэта, а значыць не павінна быць дыскусій, неабходна проста выканаць дадзенае даручэнне. Міністр асветы БССР І.М. Ільошын адзначыў, што не супраць пакінуць аб'яднаным гісторыка-філалагічны факультэт, аднак пры такім падыходзе не ў поўнай ступені будуць выкарыстаны кваліфікаваныя спецыялісты. З другога боку, студэнты такога факультэта будуць менш падрыхтаваны, у параўнанні з выпускнікамі Гомельскага інстытута, дзе ёсць толькі філалагічны факультэт і, адпаведна, у яго вучэбным плане больш гадзін на спецыяльныя дысцыпліны [1, спр. 18, арк. 58–60]. У выніку былі прааналізаваны погляды супрацоўнікаў Міністэрства асветы і выкладчыкаў ВНУ, але кіруючыся пастановамі ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР прынялі рашэнне аб стварэнні гісторыка-філалагічнага факультэта.

Змяненне наменклатуры спецыяльнасцей адбілася на якасці падрыхтоўкі спецыялістаў. У гэтым плане паказальна перапіска паміж Гродзенскім педінстытутам і Міністэрствам асветы БССР. У Гродзенскім інстытуце з двух факультэтаў – філалагічнага і гістарычнага – быў створаны адзін факультэт – гісторыка-філалагічны з двума аддзяленнямі. Загад Міністэрства асветы БССР прадугледжваў стварэнне вучэбных груп на аддзяленнях: «гісторыя, руская мова і літаратура» і «гісторыя, беларуская мова і літаратура». Колькасць груп па аддзяленнях была вызначана такім чынам, што ў абавязковым парадку акадэмічныя групы былога гістарычнага факультэта аўтаматычна пераводзіліся на адно з філалагічных аддзяленняў: рускае ці беларускае па ўсіх курсах, з першага па чацвёрты. Такім чынам, студэнты-гісторыкі павінны

былі атрымаць філалагічную адукацыю на IV курсе і дапоўніць яе на V курсе. У выніку склалася сітуацыя, калі на II, III, IV курсах гісторыка-філалагічнага факультэта неабходна было працаваць на кожным курсе па чатырох вучэбных планах. Акрамя таго, частка студэнтаў гістарычнага факультэта (на першым курсе – 15, на другім – 12, на трэцім – 15 чалавек) ніколі не вывучалі беларускую мову. Улічваючы ўсё гэта, кіраўніцтва Гродзенскага педагагічнага інстытута звярнулася з просьбай да Міністэрства асветы БССР аб адмене перавода студэнтаў гістфака на спецыяльнасці «гісторыя, руская мова і літаратура» і «гісторыя, беларуская мова і літаратура». У адказ было атрымана тлумачэнне, што кіраўніцтву інстытута неабходна дакладна кантраляваць ход вучэбнага працэсу, «... уважліва падысці да складання раскладу, бо новыя вучэбныя планы даюць магчымасць арганізаваць паточныя лекцыі для ўсяго курса па агульнаінстытуцкіх дысцыплінах; для ўсяго былога філалагічнага факультэта – па дысцыплінах гістарычнага цыклу, для ўсяго былога гістарычнага факультэта – па агульных мовазнаўчых і літаратуразнаўчых курсах», а ў далейшым – «строга кіравацца загадам Міністэрства асветы БССР № 235 ад 18 кастрычніка 1956 г.» [2]. Неабходна адзначыць, што ў час рэфармавання арганізацыйнай структуры педагагічных ВНУ ні ў выкладчыкаў, ні, тым больш, у студэнтаў не пыталіся, дзе яны жадаюць вучыцца і працаваць, якую спецыяльнасць атрымаць. Прасцей – чалавечы і прафесійны фактары практычна ігнараваліся.

З увядзеннем факультэтаў «шырокага профілю» па структуры і зместу змяніліся вучэбныя планы. Узрасла аўдыторная нагрузка на студэнтаў. Аднак грамадска-палітычны (504 гадзіны) і псіхалага-педагагічны (706 гадзін) цыклы фактычна засталіся без змен. У той час як вызначальнай асаблівасцю гісторыка-філалагічных дысцыплін спецыяльнасцей «беларуская мова і літаратура, гісторыя», «руская мова і літаратура, гісторыя» ў вучэбных планах ВНУ было змяншэнне колькасці гадзін у параўнанні з папярэднімі вучэбнымі планамі для аднапрофільных факультэтаў (на 10–25%). Так, па вучэбным планам спецыяльнасцей: «беларуская мова, літаратура, гісторыя» агульная колькасць складала 4824 гадзіны: з іх на прадметы філалагічнага цыклу адводзілася 1957 гадзін, а на прадметы гістарычнага цыклу – 1262 гадзіны; «руская мова, літаратура, гісторыя» агульная колькасць гадзін складала 4434 гадзіны, з іх 1800 гадзін – на філалагічныя дысцыпліны і 1202 гадзіны – прадметы гістарычнага цыклу; «руская мова і літаратура, замежная мова» аб'ём вучэбнай нагрузкі – 4574 гадзіны, з іх 3510 (77%) па спецыяльнасці (1628 – руская філалогія і 1942 – замежная мова); «беларуская мова і літаратура, руская мова і літаратура» агульная колькасць гадзін складала 4058, з іх 1286 – на беларускую філалогію і 1028 – на рускую філалогію. У цэлым, у вучэбных планах факультэтаў «шырокага профілю» педагагічных ВНУ па колькасным паказчыку дысцыпліны філалагічнага цыклу складалі прыкладна 65%, у параўнанні з гістарычнымі дысцыплінамі. У адпаведнасці з рэформай, у вышэйшай школе былі перагледжаны філалагічныя праграмы – на сучасную беларускую мову адводзілася 440 гадзін, параўнальную граматыку рускай і беларускай мовы – 90 гадзін, дыялекталогію беларускай мовы – 80 гадзін, гістарычную граматыку беларускай мовы – 152 гадзіны (для філалагічных факультэтаў). А для гісторыка-філалагічных факультэтаў на вывучэнне сучаснай беларускай мовы – 310 гадзін (што на 30% менш), гісторыі беларускай мовы – 118 гадзін. Скарачэнне колькасці гадзін на вывучэнне мовы было выклікана ўвядзеннем блоку дысцыплін гістарычнага зместу [1, спр. 376, арк. 7–7 аб., 38–38 аб.].

У канцы 1950-х гг. стала відавочным паступовае звужэнне сферы выкарыстання беларускай мовы ў педагагічных інстытутах і БДУ. Курс на камуністычнае «будаўніцтва» зусім не спрыяў развіццю нацыянальных

асаблівасцей, у тым ліку і мовы. Афіцыйныя адносіны да развіцця беларускай мовы прадэманстравалі М.С. Хрушчоў у час прыезду ў Мінск на святкаванні 40-й гадавіны БССР. На прыступках БДУ ён выказаўся выразна: «Чем быстрее все мы будем разговаривать по-русски, тем быстрее построим коммунизм...» [1, ф. 5 п, воп. 81, спр. 1428, арк. 78–79].

Найвышэйшым уздымам у рэфармаванні ўсёй сістэмы народнай адукацыі ў Беларусі, уключаючы і вышэйшую школу, стала прыняцце Вярхоўным Саветам СССР у снежні 1958 г. Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Прыняцце гэтага закону ў сферы адукацыі стала рэальным адлюстраваннем ходу тых новых складаных унутрыпалітычных і сацыяльна-эканамічных працэсаў у жыцці савецкага грамадства, пачатак якому паклаў у 1956 г. XX з'езд КПСС. Адначасова падкрэслівалася і неабходнасць канкрэтных дзеянняў па рашэнні складаных праблем, з якімі сутыкнулася грамадства ў сярэдзіне 1950-х гг., у тым ліку і ў сферы адукацыі [3]. У законе адзначалася, што вышэйшая школа не паспявала за дасягненнямі ў навуцы і тэхніцы, яна аддалялася ад патрабаванняў жыцця, перадача ведаў часцей за ўсё ішла праз «готовыя» палажэнні без актыўнага ўдзелу аўдыторыі.

Гэты закон стаў новай афіцыйнай партыйна-дзяржаўнай дактрынай у галіне адукацыі. Галоўнымі задачамі ВНУ СССР, адпаведна і БССР, былі аб'яўлены: «падрыхтоўка высокакваліфікаваных спецыялістаў, выхаваных на аснове марксісцка-ленінскага вучэння, авалодаўшых навіейшымі дасягненнямі айчыннай і замежнай тэхнікі, якія добра ведаюць практыку справы камуністычнага будаўніцтва». Уся сістэма вышэйшай школы павінна была прыняць актыўны ўдзел у разгорнутым будаўніцтве камунізму ў СССР, уведзіліся зусім іншыя прынцыпы камплектавання ВНУ, абвешчаныя ўжо на нечарговым XXI з'ездзе КПСС, зноў новы віток набыло рэфармаванне іх арганізацыйнай структуры, форм і метадаў навучання і выхавання студэнцтва [3, с. 271–272].

У форму і змест падрыхтоўкі спецыялістаў філалагічных спецыяльнасцей, на аснове закону аб сувязі школы з жыццём, у хуткім часе былі ўнесены значныя змены. Абітурыенты, якія здолелі паступіць адразу пасля заканчэння сярэдняй школы на філалагічны факультэт БДУ, аўтаматычна былі пераведзены на завочную форму, дзе праходзілі навучанне ўвесь першы курс. Своеасаблівае «паляпшэнне» арганізацыі вучэбнага працэсу будучых спецыялістаў-філолагаў вядучага гуманітарнага ВНУ было вызначана адпаведнымі дырэктывамі і нарматыўнымі дакументамі агульнасаюзнага і, у прыватнасці, рэспубліканскага ўзроўня – Пастановай Савета Міністраў СССР «О формах и сроках обучения в вузах и о производственной работе и практике студентов» (1959 г., красавік) і выдадзенай у 1960 г. Міністэрствам вышэйшай, сярэдняй спецыяльнай і прафесійнай адукацыі БССР пастановай аб вытворчай рабоце і вытворчай практыцы студэнтаў ВНУ рэспублікі. З прычыны прыёму на дзённае аддзяленне ўсіх вышэйшых школ, у тым ліку ва ўніверсітэт і педагагічныя інстытуты, толькі асоб, у якіх меўся стаж работы не менш за два гады ці якія закончылі службу ў арміі, адпаведна астатнія студэнты першага курса, якія паступілі без стажу работы, павінны былі прайсці так званую «вытворчую практыку» ці адпрацаваць не менш аднаго года на прадпрыемстве, ва ўстанове ці арганізацыі [1, ф. 1220, воп. 1, спр. 1, арк. 33]. З пункту гледжання спецыялістамі-філолагамі такі падыход не садзейнічаў павышэнню ўзроўня якасці іх падрыхтоўкі. Напрыклад, БДУ не меў на той час адпаведнай сваёй вучэбна-вытворчай базы, якая б магла дазволіць арганізаваць набыццё аднагодовага працоўнага стажу студэнтамі-першакурснікамі гуманітарных факультэтаў з улікам профілю іх будучай спецыяльнасці, што з'яўлялася не-

абходнай умовай для далейшага навучання на II–V курсах дзённага аддзялення. Студэнты-першакурснікі, не перарываючы вучобу, павінны былі прайсці чатыры месяцы навучання будучай прафесіі, атрымаць адпаведную кваліфікацыю, катэгорыю, што фіксавалася адзнакай у заліковай кніжцы. Па заканчэнні перыяду працы студэнт прадстаўляў у ВНУ станоўчую характарыстыку ад адміністрацыі ўстанова, без наяўнасці якой нават не ставілася пытанне аб пераводзе на другі курс навучання.

На першым курсе дзённага філалагічнага аддзялення педагагічных інстытутаў пастанова аб пераводзе на завочную форму навучання не дзейнічала, бо там падрыхтоўка вялася па падвоенай педагагічнай спецыяльнасці. Дастаткова было ў рамках рэалізацыі патрабаванняў закона аб умацаванні сувязі школы з жыццём арганізаваць праходжанне вучэбнай «непарыўнай» педагагічнай практыкі студэнтамі малодшых курсаў паралельна з вучэбнымі заняткамі. Для студэнтаў старэйшых курсаў прадугледжвалася абавязковае праходжанне вытворчай практыкі ў якасці выкладчыкаў-прадметнікаў тэрмінам не менш за шэсць месяцаў. Акрамя таго, за ўсімі педагагічнымі інстытутаў замацоўваліся базавыя гарадскія і вясковыя школы, на базе якіх павінны былі ажыццяўляцца ўсе практыкі і набыццё студэнтамі педагагічных ВНУ прафесійных навыкаў у па-за навучальны час [1, ф. 1220, воп. 1, спр. 1, арк. 32–33].

Аднак у 1958/1959 навучальным годзе па распараджэнні ЦК КП(б)Б быў прыпынены набор абітурыентаў на філалагічны факультэт Гомельскага педагагічнага інстытута імя В.П. Чкалава: у сувязі з перанасычэннем спецыялістаў дадзенага профілю. Адміністрацыя інстытута знайшла смеласць паставіць пытанне перад ЦК КП(б)Б аб неабходнасці захавання філалагічнага факультэта. Адзначалася грунтоўная праца прафесарска-выкладчыцкага саставу. Так, з 31 выкладчыкаў-філолагаў ВНУ – 17 (55%) кандыдатаў навук і дацэнтаў, 1(3%) доктар філалагічных навук (за пасляваенны перыяд былі абаронены 1 доктарская і 10 кандыдацкіх дысертацый і інш.) [1, ф. 4 п, воп. 17, спр. 186, арк. 79–81]. Разам з тым з мэтай узбуйнення ВНУ у 1959 г. быў зачынены Полацкі педагагічны інстытут. Яго фізіка-матэматычны факультэт перавялі ў Віцебскі педінстытут, а філалагічны – перадалі Магілёўскаму і Брэсцкаму педінстытутам (з той нагоды, што філалагічнага факультэта не было ў Віцебскім педінстытуце) [1, спр. 43, арк. 37]. Гэтыя факты сведчылі аб адсутнасці ў рэспубліцы дакладнага кантролю і ўліку за колькасным і якасным працэсам падрыхтоўкі спецыялістаў-філолагаў з вышэйшай адукацыяй. І, як вынік, саветскае кіраўніцтва прымала найбольш лёгкі варыянт вырашэння падобнай сітуацыі. Замест таго, каб прааналізаваць прычыны цяжкасцей у сістэме адукацыі і прадухіліць далейшае іх з'яўленне, адбываўся працэс «пазбягання» канкрэтнай праблемы шляхам ліквідацыі «лішніх» структурных адзінак.

У сувязі са зменамі ў сферы вышэйшай адукацыі і ў мэтах развіцця і ўдасканалення сістэмы вышэйшай сярэдняй спецыяльнай і прафесійнай адукацыі ў рэспубліцы ў жніўні 1959 г. выйшаў загад Міністэрства асветы БССР па рашэнні ўрада аб ліквідацыі з 1 верасня 1959 г. аддзела педагагічных ВНУ і перадачы яго Міністэрству вышэйшай, сярэдняй спецыяльнай і прафесійнай адукацыі БССР. БДУ таксама ў 1959 г. перайшоў у падпарадкаванне дадзенага Міністэрства (да жніўня 1959 г. быў у падпарадкаванні Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР).

На пачатку 1960-х гг. сталі відавочнымі першыя вынікі ўвядзення факультэтаў «шырокага профілю». Гісторыка-філалагічны факультэт Гродзенскага інстытута склаў справаздачу за 1960/1961 навучальны год, дзе была прадстаўлена разгорнутая і вельмі супярэчлівая характарыстыка дзейнасці такога факультэта. З аднаго боку, веды выпускнікамі спецыяльных прадметаў,

іх агульнаадукацыйная і ідэйна-палітычная падрыхтоўка штогод павышаліся. Гісторыя і літаратура як бы ўзаемна дапаўнялі адна адну, бо немагчыма зразумець літаратуру па-за часу і прасторы, па-за дакладных гістарычных працэсаў – па-за гісторыі. З другога боку, літаратурнымі сродкамі, мастацкімі вобразамі ствараецца большая выразнасць і значнасць гістарычных працэсаў. Аднак гэтыя агульныя міждысцыплінарныя ўзаемасувязі пры арганізацыі навучальнага працэсу ставілі ў ВНУ шмат нявырашаных пытанняў. Хутка навучальны працэс паказаў, што праграмы гісторыка-філалагічных факультэтаў нездавальняючыя, бо яны былі складзены для факультэтаў «вузкай» спецыялізацыі. У выніку на факультэтах «шырокага профілю» вучэбны план перанагружаўся не зусім неабходным матэрыялам, некаторыя пытанні сумежных дысцыплін дубліраваліся і г.д. [2, спр. 495, арк. 30–36].

Арганізацыйна-структурнае рэфармаванне вышэйшай філалагічнай адукацыі сярэдзіны 1950-х – пачатку 1960-х гг. унесла вельмі супярэчлівыя карэктывы ў падрыхтоўку спецыялістаў-філолагаў. З аднаго боку, міжпрадметныя сувязі і вытворчая практыка спрыялі больш глыбокаму асэнсаванню і засваенню спецыяльных прадметаў, фарміраванню прафесійных навыкаў. З другога боку, рэформы праводзіліся без папярэдняй падрыхтоўкі, што выклікала цяжкасці ў арганізацыі працэсу навучання ў ВНУ. Узрасла вучэбная нагрузка на студэнтаў і прафесарска-выкладчыцкі састаў, асобныя тэмы і пытанні дысцыплін дубліраваліся і інш. Відавочна, што «шырокі профіль» у ВНУ сябе не апраўдаў. І ў 1963 г. выйшла пастанова калегіі Міністэрства вышэйшай сярэдняй спецыяльнай і прафесійнай адукацыі БССР аб пераводзе педагагічных інстытутаў з 5-гадовага на 4-гадовы тэрмін навучання з раздзяленнем спецыяльнасцей. І ўжо ў гэтым жа годзе прыкладна 40% ВНУ БССР былі пераведзены на 4-гадовы тэрмін навучання. Аднак такія новаўвядзенні як непарыўная педагагічная і вытворчая практыкі, у рамках закону аб умацаванні сувязі школы з жыццём, заставаліся прыярытэтнымі для ВНУ.

ЛІТАРАТУРА

1. *Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь*. – Фонд 42. – Воп. 5. – Спр. 354. – Арк. 20.
2. *Научно-методическое учреждение «Государственный архив Гродненской области»*. – Фонд 991. – Воп. 1. – Спр. 372. – Арк. 2.
3. *Коммунистическая партия Советского Союза. В резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986)*: в 15 т. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1983–1989. – Т. 9: 1956–1960 гг. / С.В. Решетова [и др.]. – 1986. – С. 437.

S U M M A R Y

From the middle of the 1950s till the beginning of the 1960s the first main reforms in higher philological education in the BSSR took place. The organizational and structural changes (introducing the faculties of «wide profile», realization of the law «about fortifying the connection between school and life and about further development of the system of national education in the USSR») were caused by social, political and cultural changes in the society.

Поступила в редакцию 28.02.2008

Ливия и США: проблемы и перспективы двусторонних отношений

Дипломатические отношения между Ливией и США были установлены еще при королевской власти в 1954 г. Известно, что Италия в 1947 г. отказалась от всех своих монополистических прав в отношении Ливии, а решение о дальнейшей ее судьбе было передано на рассмотрение ООН. 24 декабря 1952 г. Ливия была провозглашена независимым государством во главе с королем Идрисом Альсануси. Этот период длился до 1969 г. [1]. Когда 1 сентября 1969 г. молодые ливийские офицеры совершили революцию «Альфатех», в ходе которой был свергнут королевский режим, а затем провозглашена Ливийская Арабская Республика, мало кто мог предположить, что эти события станут началом революционного процесса, который приведет не только к перераспределению власти и собственности в стране, но и вызовет к жизни необычный социальный эксперимент по созданию государства «прямой народной демократии» – Джамахирии. Революция была организована таким образом, что стала загадкой для западных аналитиков и руководителей.

Спустя считанные недели после революции постоянный представитель Ливии при ООН заявил о намерении ливийцев ликвидировать все иностранные базы на своей территории. Вслед за этим ливийское руководство официально информировало послов США и Великобритании о расторжении соответствующих договоров. Эти шаги Ливии по защите национального суверенитета привели США и Запад в целом к началу антиливийской кампании.

Тем более, что новое руководство Ливии выразило свое негодование по поводу позиции США в арабо-израильском конфликте и их полной поддержки израильских агрессоров. С помощью США и их благословения Израиль создал атомное оружие. По некоторым сведениям, число атомных боеголовок у Израиля насчитывает сегодня две сотни [2].

Отношения Ливии со странами Запада ухудшались день за днем вплоть до закрытия посольства США в мае 1972 г. В течение последних 30-ти лет XX века отношения между Ливией и США отсутствовали. Однако это не означало прекращения экономических связей между двумя странами. Американские компании продолжали свою деятельность в Ливии, особенно в области нефтеперерабатывающей промышленности. Они работали под флагом Канады и некоторых других стран Запада. Ливийское руководство достойно оценило это: сегодня они владеют львиной долей в области разведки и добычи национальной нефти. Прекращение же дипломатических отношений между Ливией и США последние обосновывают обвинениями в том, что Ливия поддерживает террористические организации в некоторых странах мира, в том числе в Латинской Америке, Африке, Северной Ирландии и даже в самих США. Парадокс отношений между Ливией, с одной стороны, США и западных стран – с другой, состоит в том, что эти проблемы не решались долгое время потому, что не было принято никаких конкретных конструктивных и перспективных шагов ни с одной, ни с другой стороны. После распада СССР потеряла значение биполярная политика, которая была основана на методах противостояния времен «холодной войны». Поэтому можно однозначно сделать

вывод о том, что по причине небольших размеров Ливия не могла и не сможет угрожать «жизненно важным интересам США» [1, с. 71]. Руководство Джамахирии изъявило желание решить проблему вокруг Локкерби и выплатить компенсацию семьям погибших в результате взрыва самолета «Пан Америка» в размере 2,7 миллиарда долларов США. Выплаты компенсаций не означали признания Ливией своей причастности к «международному терроризму». Страна остро нуждалась в выходе из политической изоляции.

Следующим смелым шагом Триполи было заявление о том, что Ливия добровольно решила прекратить программу разработки ядерных технологий. С сентября 2003 г. начались встречи и переговоры по этому вопросу Муаммара Каддафи с лидерами ряда европейских стран [1, с. 79]. Он просил страны Запада содействовать отмене санкций ООН против Ливии, заявив, что страна своими решениями надеется перевернуть страницу во взаимоотношениях с США [3]. Соглашение между Ливией и США, которое было заключено в марте 2003 г. и касалось закрытия «дела Локкерби», не стало неожиданностью. Двусторонние отношения начали постепенно, но очень медленно улучшаться в последние годы, а именно с 1999 г. США проявили намерение наладить диалог с Ливийской Джамахирией. Для начала США исключили Ливию из списка стран «оси зла», и это было озвучено президентом Дж. Бушем [4–5].

После событий 11 сентября 2001 г. в отчетах госдепартамента США касательно Ливии говорилось о том, что эта страна предприняла серьезные шаги для того, чтобы улучшить свою репутацию на международной арене, она приостановила свою поддержку организациям с антиамериканской направленностью [6].

Ливийская Джамахирия на практике доказала свои намерения избавиться от программ оружия массового поражения. Она подписала все международные договоры по этим вопросам, открыла свои специализированные лаборатории, заводы и хранилища перед инспекторами МАГАТЭ, а также перед американскими и английскими специалистами. Представитель МИДа США Ричард Баучер вынужден был заявить: «Поскольку Ливийское правительство приняло эти основные решения и доказало свою серьезность, то США начнут переговоры по поводу нормализации отношений между двумя странами» [7].

В свою очередь, Муаммар Каддафи, выступая на очередной сессии Всеобщего народного конгресса 2 марта 2004 г., подчеркнул, что «парламентские делегации разных стран проявляют интерес к Ливии, в том числе и тех стран, которые в свое время накладывали на нас санкции. Это свидетельствует о том, что именно здесь происходят судьбоносные перемены. Каддафи понял, что политика Ливии в современных условиях должна кардинально поменяться. Конфронтация должна уступить место диалогу. Глобализация как объективный процесс требует совместного поиска решений злободневных проблем в мире [5].

Динамическое развитие событий на дипломатическом фронте Ливия–Великобритания–США – это без преувеличения экстраординарное явление. Из выступлений Муаммара Каддафи видно, что в Триполи принято решение повернуться лицом к США и Великобритании, искать пути сотрудничества, созидания и совместной борьбы против действительного терроризма, бедности и отсталости. Он заявил о Ливии как о лояльнейшем партнере, готовом на самые радикальные шаги [6].

Ливия по своей доброй воле, словами М. Каддафи, заявила о готовности передать данные о сотнях исламских террористов в руки спецслужб США и Великобритании. В ходе переговоров с ними ливийские представители выразили готовность передать всю имеющуюся в ее распоряжении информацию относительно организации «Аль-Каида» и прочих боевиков [8]. Этот акт доброй воли не остался незамеченным на Западе. Например, министр иностран-

ных дел Франции Доминик Фильбан заявил, что его страна поддерживает постепенную нормализацию отношений между Европейским союзом и Ливией, и добавил, что его страна решила оказать Ливии содействие в осуществлении ряда национальных проектов [9].

В свою очередь, министр иностранных дел Ливии Абдурахман Шальгам Джамахири заявил о том, что его страна предпринятыми конкретными шагами доказывает, что она содействует диалогу арабских стран, исламского мира и Запада. Он выразил стремление создать систему экономического и культурного партнерства с Францией во имя цивилизованного выбора, мирного существования, лояльности друг к другу и прогресса [10].

Решительность Джамахирии покончить с многолетними проблемами была расценена лидерами США и Великобритании как свой дипломатический триумф. Они высказали оптимистические предположения относительно дальнейшего развития событий на Ближнем Востоке. По их мнению, пример Ливии, выразившей готовность решить все вопросы мирным путем, есть безусловный ответ на усилия США и Великобритании. Оценивая определенные подвижки в улучшении отношений стран Запада и Ливии, необходимо отметить, что лидеры западных стран были вынуждены смягчить свой жесткий антиливийский курс. К этому их подтолкнули сохраняющиеся высокие цены на энергоносители и антизападная линия поведения стран Ближнего и Среднего Востока, особенно Ирака. Стремление выбить одно из главных звеньев в антизападном альянсе – Ливию в преддверии возникшей конфронтации с Ираком и подтолкнуло страны Запада к смягчению критики Триполи. Ярким примером этому является постоянное присутствие представителя госдепартамента США в Ливии «для облегчения работ американских специалистов, которые помогают стране», и в скором будущем начнется работа по нормализации отношений между Ливией и США, несмотря на то, что Кондольза Райс заявила о том, что «мы на данном этапе пока не готовы восстановить постоянные дипломатические отношения». Но визит премьер-министра Великобритании Тони Блэра в Ливию стал наглядным свидетельством успеха дипломатии. Следует подчеркнуть, что последний визит премьер-министра этой страны в Триполи был в 1943 г. (Уинстон Черчилль). Прибытие Блэра в Ливию, его встреча под бедуинским шатром с полковником Каддафи после десятилетней вражды – это необыкновенно смелый шаг в мировой политической практике. На наш взгляд, мир становится свидетелем рождения новых мировых лидеров, которые готовы многое сделать ради сохранения мира и светлого будущего детей [11].

Премьер-министр Великобритании Тони Блэр на встрече с М. Каддафи подчеркнул: «Понимаю Вашу позицию, и прошу Вас заявить об этом открыто, что Великобритания очень хотела бы выступить посредником между Вами и Президентом США. Джордж Буш ждет этого заявления для начала диалога и развития новых благоприятных отношений с Ливией» [12]. Конечно, такое соглашение отвечало бы интересам Ливии и ее народа, все государственные деятели страны понимают это. Ливийские руководители подчеркивают, что этот регион и африканский континент будут свободными от оружия массового уничтожения. Хассуна Шауш, помощник секретаря по культуре и информации в Ливии, заявил, что в эпоху глобализации надо стремиться к запрету такого оружия, подчеркнув, что Ливия ранее уже участвовала в переговорах о запрещении баллистических ракет. Это создавало более благоприятные условия сохранения и укрепления мира. Такое заявление ответственного работника ливийского МИДа не могло быть сделано без одобрения лидера революции. Поэтому не случайно президент США Джордж Буш отметил, что «когда лидеры принимают такие ответственные решения, как это сделал полковник Каддафи, они этим служат интересам своих народов и мира во всем мире» [12].

Таким образом, после того как «дело Локкерби» было закрыто, началось явное улучшение отношений. Переговоры между Ливией, США и странами Западной Европы убедили Вашингтон в серьезности и конкретности ливийских предложений, тем более что Триполи на практике и в установленные сроки открыла для инспекторов все свои лаборатории и предпринятия по разработке оружия массового уничтожения и заявила о своей готовности полностью сотрудничать с мировым сообществом в деле борьбы с международным терроризмом. Американская администрация не спешила с улучшением отношений с Ливией. Тем не менее, Джордж Буш подчеркнул, что «Ливия чем больше подтверждает свой миролюбивый курс, она сможет стать участником международной безопасности и равновесия в Африке и на Ближнем Востоке». Он отметил, что США готова оказать посильную помощь ливийскому народу в строительстве более благополучной и свободной страны [13]. Тем не менее, к началу 2004 г., по решению американского президента, продлевались санкции против Ливии. С чем это было связано? По мнению экспертов, Вашингтон усомнился в действительной роли Триполи в борьбе против «международного терроризма». Далее следовали обвинения в нарушениях прав человека. Подоплека такого поведения США заключается, видимо, в том, что американские позиции включают два исключаящих аспекта. Первый из них – ливийская нефть, ради которой некоторые круги в американской администрации готовы отойти от своих жестких позиций. А второй аспект – сугубо политический, который используется как повод для давления и вмешательства во внутренние дела Ливии. Обвинять любую страну в терроризме, во зле, в чем угодно – это было и остается сутью американской внешней политики [14].

Анализируя нынешний кризис в мире, в связи с терроризмом руководитель ливийской революции Муаммар Каддафи отметил два момента: «Первый момент – нападение на США: на политическую столицу Вашингтон, и на экономическую – Нью-Йорк. Это была ужасная, преднамеренная, злоумышленная акция. Настолько хорошо спланированная и организованная, что походила на какое-то шоу. Второй момент – это терроризм в общем» [7].

Каддафи подтвердил, что «в наше время мы должны быть особо прозрачными и искренними. Борьба против терроризма действительно требует международного сотрудничества, продолжительности и новой мировой политики» [15]. Таким образом, полковник Каддафи конкретно и четко обозначил основные принципы ливийской Джамахирии на современном этапе международных отношений.

Министр иностранных дел Ливии Абдурахман Шальгам подтвердил, что связи США и Ливии продолжают развиваться удовлетворительно. «Это началось после судебного процесса по проблеме Локкерби, у нас есть еще политические разногласия с США по ряду вопросов», но, по его словам, Ливия готова к взаимному пониманию с США [16].

Ответственные лица Джамахирии отмечали с оптимизмом, что Соединенные Штаты Америки понимают важность геополитического положения Ливии и роль полковника М. Каддафи. Так, например, во время своего первого официального визита в Брюссель в 2003 г. Муаммар Каддафи заявил, что «Ливия берет на себя обязательства играть роль в деле обеспечения мира на планете», – и добавил: «Ливия – это мост между Европой и Африкой, и она должна быть мостом мира и сотрудничества. Приглашаем американские и европейские деловые круги к сотрудничеству во всех экономических областях, особенно в области нефтегазодобычи и газовой промышленности» [15].

Шаги Ливии на пути усовершенствования некоторых сложившихся своей внешней политики стали необходимыми в результате сложившихся новых условий на международной арене. Они заключались в следующем.

Взаимодействие страны с Советом Безопасности ООН и США для оптимального разрешения «проблемы Локкерби» выразилось в том, что Ливия согласилась выдать подозреваемых в этом деле при условии – судить их Международный суд должен в соответствии с законодательством Шотландии. После этого Совет Безопасности ООН принял решение о приостановке санкций против Ливии, но не без их полного снятия [17]. Однако США настаивали на том, чтобы Ливия официально признала свою ответственность за взрыв американского самолета над Локкерби, в качестве условия для полного снятия санкций и ее исключения из «черного списка». Такое требование было отклонено Ливией, и стало препятствием для проведения переговоров в марте 2003 г. в Лондоне между представителями Ливии и США. Тогда Ливия признала виновность своих граждан во взрыве самолета. США согласились с такой позицией, после чего Ливия выплатила компенсацию семьям погибших в этой катастрофе в размере 2,7 миллиарда долларов [18].

Ливийская Джамахирия прекратила оказывать политическую и материальную поддержку многим организациям, в том числе палестинским, которые выступают против мирного урегулирования конфликта на Ближнем Востоке. Муаммар Каддафи еще в своей «Зеленой книге» отмечал, что «в подобной ситуации наилучшим решением этой проблемы является создание единого Еврейско-Арабского государства на всей территории Палестины под общим названием». Эта идея недавно была озвучена снова премьер-министром Палестинской администрации Ахмадом Крином, в связи с тем, что Израиль решил строить так называемую «стену безопасности» [2, с. 211].

В результате в июле 1999 г. были восстановлены дипломатические отношения между Ливией и Великобританией и правительство Тони Блэра согласилось расследовать деятельность оппозиционных ливийских организаций на своей территории, таких, как «Национальный фронт спасения Ливии», «Ливийское движение за изменения и реформы», члены которых неоднократно пытались покушаться на жизнь Муаммара Каддафи [13].

В это же время Ливия восстановила свои дипломатические отношения с Францией, после выплаты компенсаций семьям жертв французского самолета, который взорвался в 1989 г. в воздушном пространстве Нигера.

Эти факты доказывали серьезность устремлений Ливии улучшить свои отношения с Западом, в связи с чем М. Каддафи высказал мнение о том, что все «разногласия между Ливией и США будут ликвидированы и в скором будущем начнется новая эпоха совместного сотрудничества» [9].

События 11 сентября 2001 г. стали одними из тех, которые существенно сблизили обе страны. Муаммар Каддафи выступил с заявлением, в котором резко осудил терроризм и выразил свое соболезнование американскому народу. Через некоторое время с официальным визитом в Ливию прибыли несколько американских делегаций, в том числе и помощник секретаря госдепартамента США по делам Африки Кона Хермана.

16 марта 2001 г. в Триполи прибыл один из высокопоставленных чиновников США с целью изучения возможности пересмотра решения США о запрете пребывания американских граждан в Ливии. Надо отметить, что такое решение было принято еще в 1981 г. В составе делегации были высокопоставленные сотрудники ЦРУ и ФБР и также представители госдепартамента США. Делегация обсудила с ливийской стороной некоторые вопросы, которые еще не нашли своего решения, а именно:

✓ восстановление экспорта ливийской нефти в США, для чего следует разрешить американским нефтяным компаниям возобновить свою деятельность. Аналитики-эксперты мировой политики говорят о том, что смягчение американских санкций против Ливии поможет ей осуществлять успешное раз-

витие в области инноваций, авиации, нефтедобычи и ее переработки, а США получают большие возможности и привилегии в области инвестиций и новых технологий [6];

✓ вопросы американских инвестиций в экономику Ливии, особенно в область нефте- и газодобычи, а также в области туризма и коммуникаций. Ливия заявила о своей готовности разрешить американским торговым компаниям осуществлять свою деятельность в свободных экономических зонах вдоль ливийских границ [6];

✓ вопросы сотрудничества между Ливией и США в области борьбы с терроризмом. В этой связи М. Каддафи подчеркнул готовность Ливии сотрудничать с США в деле борьбы против международного терроризма, а также о готовности преследовать членов организации «Аль-Каида» в Ливии и других странах мира. Ливия заявила, что она согласна предоставить специальным органам безопасности США всю имеющуюся информацию о террористических организациях [6].

В связи с наличием и решением такого круга вопросов помощник секретаря США по ближневосточным делам Вильям Бернс, выступая перед конгрессом, отметил: «Действия Ливии были дополнены беспрецедентным публичным отказом от поддержки террористических групп и противостояния США». В своей речи 2 марта, на которой присутствовали 7 членов Палаты представителей США, ливийский лидер публично подтвердил свою приверженность к ликвидации всего оружия массового поражения, которое он охарактеризовал как источник нестабильности и угроз в сегодняшнем мире. Бернс также добавил: «Наша политика по отношению к Ливии зависела и будет зависеть от конкретных результатов и не будет регулироваться искусственно установленными сроками. Наша способность продолжать двигаться по пути улучшения отношений будет зависеть от выработанного нами доверия к выполнению ливийским режимом своих обязательств по отказу от своей прошлой поддержки терроризма и от своего стремления приобрести оружие массового поражения» [7].

Ливийская Джамахирия способна сегодня играть руководящую роль в укреплении европейских и африканских отношений, поскольку современная Ливия – это «ворота» Северной Африки, она является мостом между африканским и европейским континентами.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что в борьбе за национальную независимость ливийское руководство выработало свою модель поведения в отношении с США. Эта модель отличается определенной эволюцией, позволяющей наладить серьезные контакты с одной из ведущих держав мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Мустафа Багри.** Ливия и Запад. – Каир: Альнаджах, 1999. – С. 54.
2. **Ахмед Аль-Асюти.** Израиль: избалованный сын Соединенных Штатов Америки. – Каир: Университет Эйн Шамс, 1999. – 17 с.
3. **Ливия требует немедленно отменить все санкции против нее и согласна выплатить компенсацию.** www.eco-pravda.km.ru 03.05.2000. – С. 3.
4. **Свершилось дело в Локерби: один обвиняемый осужден, один отпущен** // www.BBCarabic.com 31.01.01. – С. 1.
5. **Ливия направила ООН письмо с признанием за взрыв самолета над Локкерби** // www.CNN.com 23.05.2000. – С. 3.
6. **США и Ливия постепенно нормализуют свои двухсторонние отношения** // www.usinfo.state.gov 15.03.04. – С. 7.
7. **Каддафи готов покончить с ОМУ и выдать террористов** // www.rg.ru 22.12.03. – С. 5.
8. **Ливия будет бороться с терроризмом** // www.libyanews.com 25.01.03. – С. 1.

9. *Франция простила Ливию* // www.albayan.co.ae 08.10.01. – С. 2.
10. *Франция стремится к хорошим отношениям с Ливией* // www.aljazeera.net 10.01.04. – С. 3.
11. *Самиловский, Л.В.* Экспансия американского империализма на Ближнем и Среднем Востоке / Л.В. Самиловский. – М.: МГУ, 1978. – С. 195.
12. *Блэр сегодня встречается с полковником Каддафи в Триполи* // *Индепендент*. – Лондон, 2004, 30 марта. – С. 3.
13. *Соревнование в улучшении отношений. Казем Махмуд* // *Ж. «Аль-Ватан»*. – Кувейт, 2004, 1 февраля. – С. 22.
14. *Запад очаровывает Ливийского льва* // www.lenty.ru 23.03.01. – С. 3.
15. *Полковник Каддафи совершил исторический визит в Брюссель* // www.aljazeera.net 28.04.04. – С. 1.
16. *Министр иностранных дел Ливии совершил исторический визит в Англию* // www.al-hakika.com 05.02.04. – С. 2.
17. *В Нидерландах начался судебный процесс по делу Локкерби* // www.washingtonpost.com 06.05.99. – С. 1.
18. *Ливия признала ответственность за Локкерби* // www.utro.ru 25.05.2000. – С. 2.
19. *Ливия присоединяется к организации по запрещению химического оружия*. www.utro.ru 15.01.01. – С. 3.

S U M M A R Y

The problems and perspectives of bilateral relations between Libya and the USA since the establishment of diplomatic contacts are considered in the article. The directions and forms of their collaboration on different questions are emphasized.

Поступила в редакцию 23.06.2007

УДК 94(47+57)«1941/45»+930(476)

У.В. Здановіч

Акупацыйны рэжым на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны: гістарыяграфія праблемы (1940–1980-я гг.)

За гады, якія прайшлі пасля Вялікай Айчыннай вайны, беларускімі навукоўцамі падрыхтавана вялікая колькасць прац самых разнастайных жанраў, прысвечаных акупацыйнаму рэжыму на тэрыторыі нашай краіны. Разам з тым, многія пытанні патрабуюць дадатковага вывучэння. Каштоўную дапамогу навукоўцам у вырашэнні новых задач можа аказаць гістарыяграфічны аналіз праблемы. У шэрагу прац беларускіх даследчыкаў па гістарыяграфіі дадзенай тэмы, пераважна артыкулаў, матэрыялаў канферэнцый адлюстраваны некаторыя пытанні вывучэння гісторыі Беларусі перыяду акупацыі [1–2].

Аднак, выдадзеныя ў разглядаемы перыяд працы не даюць поўнага ўяўлення аб аб'ёме і сутнасці літаратуры па пытаннях акупацыі. Аналіз апублікаваных гістарыяграфічных крыніц па праблеме, з'яўляецца мэтай дадзенага артыкула.

Некаторыя аспекты акупацыйнай палітыкі германскіх улад на тэрыторыі Беларусі ўтрымліваліся ў навукова-папулярных працах, публіцыстычных артыкулах, у першую чаргу, партыйных і дзяржаўных кіраўнікоў рэспублікі. Так,

у працы П.К. Панамарэнкі «Партызанскі рух у Вялікай Айчыннай вайне» прыводзяцца канкрэтныя факты злачынстваў акупантаў, вызначаецца колькасць знішчанага насельніцтва на май 1942 г. – больш за 700 тысяч чалавек [3].

У гады вайны з'явіліся першыя абагульненыя дадзеныя аб рэалізацыі палітыкі нацысцкай Германіі на тэрыторыі Беларусі, якія ўтрымліваліся ў матэрыялах Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі. Паводле звестак НДзК, у Беларусі захопнікі знішчылі больш за 2 млн 200 тыс савецкіх грамадзян, разбурылі і спалілі 209 гарадоў, гарадскіх пасёлкаў, 9200 вёсак, вывезлі ў Германію каля 380 тысяч чалавек [4]. Камісія працавала па гарачых слядах падзей і, па сутнасці, узяла на ўлік тыя факты, якія ляжалі на паверхні. Таму дадзеныя, атрыманыя камісіяй, з'яўляюцца прыблізнымі. Аб тым, што названыя лічбы не з'яўляюцца канчатковымі, дарэчы, гаворыцца ў матэрыялах НДзК. Аднак, нягледзячы на гэта, такое меркаванне заставалася пануючым у савецкай і айчыннай гістарыяграфіі да сённяшняга часу.

Літаратура, якая выходзіла ў часы вайны, мела ў асноўным палітыка-агітацыйны характар і была накіравана на паказ насельніцтву сутнасці акупацыйнай палітыкі, мабілізацыю насельніцтва на барацьбу супраць захопнікаў. Навукова-даследчыя прац у гэты перыяд створана не было. У гады вайны былі закладзены асновы партыйна-дзяржаўнай канцэпцыі асвятлення гісторыі Беларусі перыяду нямецкай акупацыі – характарыстыка акупацыйнага рэжыму, у першую чаргу, злачынстваў, здзейсненых захопнікамі, з'яўлялася фонам для паказу арганізаванага Камуністычнай партыяй шырокага супраціўлення на акупіраванай тэрыторыі.

У першае пасляваеннае дзесяцігоддзе дадзеная канцэпцыя атрымала абгрунтаванне ў манаграфіі Л.Ф. Цанавы [5]. Канцэптually накіраванасць узмацняла і структурная пабудова працы. Характар акупацыйнага рэжыму паказаны ў загаловах параграфу трэцяга раздзела: «Партызаны героічэска адбіваюць ожесточенные контратаки крупных сил фашистских оккупантов, очищая от них новые районы», «Партызаны прижали гитлеровцев к линиям коммуникаций», «Партызаны громят врага и сковывают его силы» і іншае.

Гістарыяграфія па праблемах гісторыі Беларусі перыяду вайны стала заўважна папаўняцца пасля XX з'езда КПСС. Большая даступнасць да архіўных крыніц, увядзенне ў навуковы ўжытак раней невядомых дакументаў садзейнічалі з'яўленню новых даследаванняў па праблеме. У пэўнай ступені актывізацыі навуковых даследаванняў па тэме спрыяла мемарыялізацыя падзей мінулай вайны. Так, у ходзе стварэння мемарыяльнага комплексу «Хатынь» навукоўцамі, краязнаўцамі, відавочцамі быў сабраны багаты фактычны матэрыял, які істотна дапаўняў звесткі Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі. На жаль, абмежаваны доступ да дакументаў, акцэнтацыя ўвагі гісторыкаў на паказе пераважна партызанскага руху і падпольнай барацьбы не дазволілі даследчыкам у поўнай меры выкарыстаць каштоўныя дакументы і матэрыялы. Тым не менш, частка з сабранага ўбачыла свет у выглядзе артыкулаў, выступленняў на канферэнцыях. У прыватнасці, на міжнароднай канферэнцыі «Акупацыйны рэжым нацыстаў у Еўропе: яго формы, метады і развіццё», якая адбылася ў 1963 г. у г. Карлавы Вары, з прыцягненнем новых дадзеных, раней невядомых даследчыкам, аб сутнасці і праяўленнях акупацыйнага рэжыму на тэрыторыі Беларусі паведамлілі беларускія гісторыкі І.С. Краўчанка, А.І. Залескі, Н.В. Каменская, П.П. Ліпіла, В.Ф. Раманоўскі, І.П. Хаўратовіч, А.Л. Манаенкаў, А.В. Сямёнава. У выступленнях навукоўцаў прыводзіліся канкрэтныя факты аб дзейнасці некаторых воінскіх часцей, падраздзяленняў СС, гвалтоўным вывазе насельніцтва Беларусі на працу ў Германію, знішчэнні насельніцтва, у тым ліку і грамадзян другіх краін, аб парушэннях нацыстамі міжнародных законаў у адносінах да ваеннапалонных, умовах утрымання людзей у канцлагерах [6].

На базе дакументальных крыніц з'явіліся новыя навуковыя працы, сярод якіх неабходна выдзеліць манаграфіі В.П. Раманоўскага. У кнізе «Саўдзельнікі ў злачынствах» найбольш поўна на той перыяд быў дакументальна асветлены нямецкі акупацыйны рэжым і яго наступствы ў рэспубліцы. Аўтар раскрывае мэты акупацыйнай палітыкі, паказвае сістэму ўлады і кіравання на захопленых тэрыторыях. Як сродак масавага знішчэння насельніцтва В.П. Раманоўскі разглядае нямецкія лагеры і турмы. Пацвярджэннем навуковых высноў аўтара служаць прыведзеныя факты аб масавых расстрэлах, карных экспедыцыях разнастайных родаў нямецкіх войск, аб канкрэтных месцах утрымання грамадзянскага насельніцтва і ваеннапалонных, некаторыя вынікі эканамічнай і сельскагаспадарчай палітыкі акупантаў. Каштоўнасць манаграфіі павялічваюць фотаматэрыялы, у першую чаргу фотакопіі некаторых дакументаў акупацыйных улад і калабарантаў. Упершыню ў беларускай гістарыяграфіі даследчык прыводзіць дадзеныя аб колькасці людскіх страт па ўсіх абласцях Беларусі. Як паведамляе аўтар, «усяго было знішчана 2219316 чалавек, у тым ліку 1409225 мірных жыхароў і 810091 ваеннапалонных, 377776 чалавек было вывезена ў Германію [7]. Прыведзеныя з колькасцю да аднаго чалавека лічбавыя дадзеныя выклікаюць пэўны недавер. На наш погляд, правесці такія дакладны падлік немагчыма. Праца значна выйграла б, калі б гісторык пракаменціраваў табліцы і адзначыў прыблізны характар прыведзеных паказчыкаў.

У 1970–1980-я гг. асноўная частка беларускіх навукоўцаў пайшла па шляху асвятлення асобных аспектаў акупацыйнай палітыкі германскіх улад у адрозненне ад В.П. Раманоўскага, які правёў комплекснае даследаванне акупацыйнага рэжыму. Важным накірункам становіцца вывучэнне аграрнай палітыкі акупантаў. Асаблівае значэнне ў рэчышчы дадзенай тэмы мае манаграфія А.А. Фактаровіча «Крах аграрнай палітыкі немецка-фашыстскіх акупантаў у Беларусі», асновай для напісання якой сталі матэрыялы, выяўленыя аўтарам у партыйных, дзяржаўных, ведамасных архівах розных гарадоў і рэспублік СССР. Асноўная ўвага ў працы надаецца пытанням рабавання сельскай гаспадаркі Беларусі, вывазу аграрнай прадукцыі, дзейнасці партызан і падпольшчыкаў. Аналізуючы аграрную палітыку акупацыйных улад, аўтар выдзяляе тры яе асноўныя этапы – з лета 1941 г. да пачатку вясны 1942 г., з вясны 1942 г. да лета 1943 г., з лета 1943 г. да поўнага вызвалення Беларусі. Несумненную каштоўнасць уяўляюць характарыстыкі і функцыі мясцовых органаў кіравання па правядзенні аграрных мерапрыемстваў акупантаў. Значнасць даследавання павялічвае аналіз аграрнай акупацыйнай палітыкі на тэрыторыі Беларусі, якая была ўключана германскімі ўладамі ў склад іншых адміністрацыйных структур. Так, у акрузе «Беласток» разглядаецца дзейнасць Гродзенскага і Ваўкавыскага крайкамісарыятаў, падзеленых на амсткамісарыяты. Скрупулёзны аналіз структуры акупацыйнага рэжыму, яго аграрнай палітыкі дазволіў аўтару вызначыць асноўныя тыпы ваенна-эканамічных фарміраванняў, устанавіць іх прамую сувязь з акупацыйнымі адміністрацыйнымі органамі, вызначыць ваенна-эканамічны характар іх дзейнасці, накіраваны на ваенна-каланіяльную эксплуатацыю і рабаванне беларускай вёскі [8]. Аднак, як справядліва падкрэслівае А.А. Фактаровіч, нягледзячы на прапагандысцкае забеспячэнне, лавіраванне, гвалт і тэрор, акупанты не атрымалі больш паловы разлічываемай сельскагаспадарчай прадукцыі. Асноўнымі фактарамі правалу аграрнай палітыкі нямецкіх улад былі негатыўнае стаўленне насельніцтва да захопнікаў, супраціўленне акупацыйным мерапрыемствам, пастаянна ўзрастаючы партызанскі рух. Акцэнтуючы асноўную ўвагу на паказе палітыкі рабавання сельскай гаспадаркі Беларусі, вывазе аграрнай прадукцыі, дзейнасці партызанскіх сіл па зрыву планаў акупантаў, аўтар фрагментарна асвятляе непасрэдна сельскагаспадарчыя мерапрыемствы акупацыйных улад. Па-за ўвагай даследчыка заста-

лася і дзейнасць некаторых эканамічных структур захопнікаў, у прыватнасці, фарміраванняў Тодта, якія з самага пачатку дзейнічалі ў складзе групы армій «Цэнтр».

Становішча гаспадаркі Беларусі ў перыяд германскай акупацыі раскрываецца ў спецыяльным раздзеле манаграфіі Г.І. Аляхновіч [9]. Асвятляючы планы нацысцкага кіраўніцтва па выкарыстанні прыродных рэсурсаў рэспублікі, аўтар у агульным плане характарызуе асноўныя накірункі аграрнай акупацыйнай палітыкі, не раскрываючы ўсіх яе форм і сродкаў. У кнізе падаецца перыядызацыя эканамічнай палітыкі захопнікаў на тэрыторыі Беларусі, якая неістотна адрозніваецца ад перыядызацыі А.А. Фактаровіча.

Агульная характарыстыка акупацыйнага рэжыму на тэрыторыі Беларусі змяшчаецца ў абагульняючых працах «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии (1921–1966)», «Гісторыя Беларускай ССР» (Т. 4). Хоць у названых выданнях асноўнае месца адводзілася раскрыццю ролі партыйных органаў у станаўленні і развіцці партызанскага руху і падпольнай барацьбы, пэўная ўвага ўдзялялася і пытанням палітыкі германскіх улад на акупіраванай тэрыторыі [10]. Так, у 4-м томе «Гісторыі Беларускай ССР» выдзелены асобныя параграфы, прысвечаныя акупацыйнаму рэжыму. Падрыхтаваныя рознымі аўтарамі, яны адрозніваюцца крыніцазнаўчай базай, навізнай падаваемага матэрыялу. Так, у параграфх, падрыхтаваных В.П. Раманоўскім («Устанаўленне акупацыйнага рэжыму») [10, с. 177–184], І.С. Краўчанкам і Р.Р. Кручком («Фашысцкі новы парадак – рэжым крывавага тэрору») [10, с. 250–263] у асноўным прыведзены абагульненыя звесткі, раней апублікаваныя ў разнастайных крыніцах. Увядзеннем новых звестак характарызуецца параграф К.І. Дамарада «Зрыў нямецка-фашысцкай мабілізацыі ў Беларускаю краёвую абарону», пабудаваны пераважна на архіўных крыніцах.

Нацысцкая акупацыйная палітыка ўключала ў сябе разнастайныя мерапрыемствы, як доўгатэрміновыя, перспектыўныя, так і кароткачасовыя, якія выкарыстоўваліся пэўны прамежак часу. Мерапрыемствы, якія праводзілі акупанты, былі накіраваны на выкананне ваенна-палітычных і гаспадарчых мэтаў. Немалаважнае значэнне мелі і спецыфічныя задачы, якія выцякалі з сутнасці нацысцкай ідэалогіі. Састаўной часткай акупацыйнай палітыкі ў адносінах да беларускага народа была палітыка генацыду, тэрэтычнай асновай для абгрунтавання якой з’яўлялася расісцкая тэорыя аб непаўнацэннасці іншых народаў і выключнай ролі германскай нацыі. Асноўнымі метадамі знішчэння былі сістэматычныя акцыі масавых расстрэлаў камуністаў, камсамольцаў, кіруючых работнікаў, прадстаўнікоў яўрэйскай нацыянальнасці, мірнага насельніцтва пад лозунгам барацьбы з партызанамі. Галоўную ролю ў барацьбе за «жыццёвую прастору» акупацыйныя ўлады адводзілі спецыяльным лагерам, якія ў сістэме кіравання захопленымі тэрыторыямі Беларусі з’яўляліся асноўным сродкам падаўлення ўсіх апазіцыйных элементаў, рэпрэсій і генацыду.

У 1984 г. убачыла свет буйная калектыўная праца беларускіх навукоўцаў, непасрэдна прысвечаная разглядаемай тэматыцы, – «Нацистская политика геноцида и выжженной земли в Белоруссии» [11]. У выніку карпатлівай працы аўтарскаму калектыву пад кіраўніцтвам В.П. Раманоўскага ўдалося прааналізаваць і абагульніць вялікую колькасць матэрыялаў, фактаў, звестак. Аснову кнігі склалі матэрыялы Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі па расследаванні злачынстваў нямецка-фашысцкіх захопнікаў і іх саўдзельнікаў на тэрыторыі Беларусі, архіўныя матэрыялы, а таксама матэрыялы спецыяльнай рэспубліканскай камісіі, створанай з нагоды ўзвядзення мемарыяльна-

га комплексу «Хатынь». Навуковы характар выдання ўзмацняюць уступныя артыкулы да раздзелаў, у якіх раскрываецца сутнасць акупацыйнага рэжыму, паказваецца практычнае ажыццяўленне планаў германскага камандавання ў дачыненні да тэрыторыі Беларусі. Злачынныя дзеянні акупантаў ілюструюць змешчаныя ў кнізе фотаматэрыялы. У спецыяльным раздзеле даследавання прыводзіцца пералік найбольш буйных нацысцкіх лагераў, без вызначэння іх тыпалогіі, асаблівасцей функцыянавання, раскрываецца механізм знішчэння ў іх савецкіх людзей.

Акупацыйны рэжым, сутнасць нацысцкай палітыкі ў дачыненні да беларускага народа раскрыты ў трохтомніку «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны». Аб'яднаныя намаганні гісторыкаў – ветэранаў вайны і навукоўцаў маладзёнай генерацыі дазволілі падрабязна, з разбіўкай на перыяды, прааналізаваць структуру акупацыйных улад, мерапрыемствы, якія праводзілі акупанты, іх асноўныя вынікі. У прыватнасці, характарызуючы акупацыйны апарат, навукоўцы выдзяляюць ваенныя і грамадзянскія органы кіравання, якія абаліраліся на ваенна-паліцэйскія сілы агульнай колькасцю ў 1942 г. каля 160 тысяч чалавек, без уліку рэгулярных часцей, выклікаемых з фронту [12]. Як справядліва падкрэсліваюць аўтары, аснову акупацыйнай стратэгіі складала палітыка генацыду, накіраваная на фізічнае знішчэнне савецкіх людзей, эксплуатацыю прамысловасці і сельскай гаспадаркі, працоўных рэсурсаў Беларусі, у тым ліку і вываз беларускага насельніцтва ў Германію. Ваенна-адміністрацыйныя функцыі на тэрыторыі, кантралюемай групай армій «Цэнтр», выконвалі створаныя вермахтам палявыя і мясцовыя камендатуры. У 1942 г. налічвалася 11 палявых, 23 мясцовыя камендатуры, 8 груп тайнай палявой паліцыі (БГПФ), 20 перыферычных каманд, а таксама разгалінаваны паліцэйскі апарат [12]. Аналізуючы палітыку акупантаў у 1943 г. гісторыкі адзначаюць узмацненне акупацыйнага рэжыму.

Пасля захопу Германіяй Беларусі пад акупацыяй апынулася шматмільённае насельніцтва рэспублікі, сацыяльна-эканамічнае і прававое становішча якога рэзка змянілася. Усталявалася сістэма непасрэднага кантакту жыхароў Беларусі з акупацыйнымі ўладамі праз знаходжанне ў населеных пунктах ваенных камендатур, паліцэйскіх гарнізонаў, раённых і гарадскіх упраў і г.д. Палітыка акупантаў у дачыненні да беларускага насельніцтва мела шматвектарны характар і закранала розныя сферы эканомікі, адукацыі, аховы здароўя, культуры і рэлігіі. Аднак, нягледзячы на тое, што праблема, штодзённага жыцця насельніцтва ва ўмовах акупацыі дазволіла больш глыбока ацаніць глабальныя працэсы і іх трансфармацыю на лакальным узроўні, тэма не стала прыярытэтным накірункам у даследаваннях гісторыкаў. Згодна з партыйнымі ўстаноўкамі, жыццё розных катэгорый насельніцтва на акупіраванай тэрыторыі разглядалася ў савецкай гістарыяграфіі як штодзённае змаганне з ворагам. Характэрнай рысай у савецкай ваеннай гістарыяграфіі сталі паказ становішча вопыту насельніцтва і ідэалізацыя партызанскага жыцця. Прыкладам такога падыходу служаць працы А.І. Залескага, прысвечаныя побыту сялян у гады Вялікай Айчыннай вайны. Некаторыя вынікі даследаванняў былі выкладзены аўтарам у асобных артыкулах. У 1960 г. гісторык апублікаваў манаграфію «Быт беларускіх сялян у партызанскім краі», у якой на прыкладзе аднаго сельсавета характарызуе працэсы, якія развіваліся па ўсіх накірунках матэрыяльнага грамадскага сямейнага быту на акупіраванай тэрыторыі. Крыніцавую базу кнігі склалі матэ-

рыялы, сабраныя ў час экспедыцыі. Вынікам дадатковага даследавання праблемы сталі выдадзеныя аўтарам у 1962 г. манаграфія «В партизанских краях и зонах» і абароненая ў 1963 г. доктарская дысертацыя [13].

Дзейнасць у гады акупацыі устаноў адукацыі разглядаецца ў шэрагу прац П.М. Кабынца [14]. Тэма функцыянавання легальных навучальных устаноў, адкрытых акупацыйнымі ўладамі, закраналася ім толькі ў сувязі з даследаваннем гісторыі савецкай школы ў партызанскіх зонах. Згодна з існаваўшымі метадалагічнымі падыходамі дзейнасць акупацыйных структур у сферы адукацыі характарызавалася толькі негатыўна. Пры аналізе адукацыйнай сітуацыі на беларускіх землях у гады Вялікай Айчыннай вайны звяртае на сябе ўвагу манаграфія С.А. Умрэйкі, А.І. Залескага, П.М. Кабынца «Патриотизм учителей и школьников Белоруссии в борьбе против немецко-фашистских оккупантов». Грунтоўна раскрываючы дзейнасць савецкай школы ва ўмовах акупацыі, аўтары звярнулі ўвагу і на школьную палітыку акупантаў, асвятлілі працэс знішчэння савецкіх школьных устаноў, забойства настаўнікаў і вучняў, прапагандысцкія мерапрыемствы захопнікаў. Аднак, высновы аўтараў не даюць поўнага ўяўлення аб усёй складанасці станаўлення і развіцця адукацыйнай сістэмы на тэрыторыі Беларусі ў гады вайны. У першую чаргу гэта датычыцца асаблівасцей школьнай палітыкі германскіх улад у розных зонах акупацыі. У манаграфіі на яе паказ адведзена ўсяго 12 старонак.

Істотным дапаўненнем для разумення сутнасці рэжыму, устаноўленага акупантамі, з'яўляюцца артыкулы, змешчаныя ў энцыклапедычных выданнях. Напрыклад, у Энцыклапедыі «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 гг.» утрымліваецца больш за 50 артыкулаў. Па падліках К.І. Козака больш паловы з іх прысвечаны карным экспедыцыям, 20% – лагерам прымусявага ўтрымання і толькі 7% раскрываюць структуру акупацыйнага рэжыму [2, с. 27].

Такім чынам, у савецкі перыяд айчыннымі гісторыкамі была праведзена значная праца па вывучэнні акупацыйнага рэжыму. Аналіз літаратуры паказвае, што асноўная ўвага даследчыкамі надавалася раскрыццю сутнасці акупацыйнай палітыкі, накіраванай на рабаванне народнай гаспадаркі, фізічнае знішчэнне насельніцтва акупіраваных тэрыторый. У рэчывы існуючай у савецкай гістарыяграфіі канцэпцыі асвятлення гісторыі Беларусі перыяду нямецкай акупацыі характарыстыка акупацыйнага рэжыму, у першую чаргу, злачынстваў, здзейсненых захопнікамі, з'яўлялася фонам для паказу арганізаванага Камуністычнай партыяй шырокага супраціўлення на акупіраванай тэрыторыі. Канкрэтныя формы акупацыйнага рэжыму, асаблівасці палітыкі захопнікаў у розных сферах асвятляліся лаканічна і не давалі поўнага ўяўлення аб складаных працэсах акупацыі. Па-за ўвагай даследчыкаў заставалася праблема генацыду яўрэйскага насельніцтва, прававога становішча беларусаў, гісторыя асобных лагераў і іншыя пытанні.

ЛІТАРАТУРА

1. *Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства*: зб. артыкулаў / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; навук. рэд. Я.С. Паўлаў, А.М. Літвін. – Мінск: Бел. навука, 1999. – 253 с.
2. *Козак, К.И.* Германский оккупационный режим на территории Беларуси. 1941–1944 гг.: Историография и источники / К.И. Козак; под ред. А.А. Ковалени. – Минск: БГУ, 2006. – 268 с.
3. *Панамарэнка, П.К.* Партизанскі рух у Вялікай Айчыннай вайне / П.К. Панамарэнка. – М.: Савецкая Беларусь, 1943. – С. 88.

4. *Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 ноября 1946 г.)*. – Минск: Госиздат БССР, 1947. – С. 6, 461.
5. *Цанава, Л.Ф.* Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков / Л.Ф. Цанава. – Минск: Госиздат БССР, 1950. – 1053 с.
6. *Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.)*: сб. статей / под общ. ред. Е.А. Болтина. – М.: Политиздат, 1965. – 388 с.
7. *Раманоўскі, В.П.* Саўдзельнікі ў злачынствах / В.П. Раманоўскі. – Мінск: Беларусь, 1964. – С. 41–75.
8. *Факторович, А.А.* Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии / А.А. Факторович. – Минск: Наука и техника, 1979. – С. 17, 19, 24–28, 54–58.
9. *Олехнович, Г.И.* Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945) / Г.И. Олехнович. – Минск: БГУ, 1982. – 174 с.
10. *Гісторыя Беларускай ССР*. у 5 т. / Акад. навук БССР. Ін-т гісторыі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975 гг. – Т. 4: Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.) / рэдкал.: І.М. Ігнаценка (старшыня) і інш. – 1975. – 640 с.
11. *Нацистская политика геноцида и выжженной земли в Белоруссии. 1941–1944* / Ин-т истории партии при ЦК КПБ; авт. В.Ф. Романовский и др. – Минск: Беларусь, 1984. – 271 с.
12. *Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны*: в 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; гл. редкол.: А.Т. Кузьмин (пред.) и др. – Минск: Беларусь, 1983–1985. – Т. 1. – 1983. – С. 173.
13. *Залесский, А.И.* В партизанских краях и зонах. Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага (1941–1944 гг.) / А.И. Залесский. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 397 с.
14. *Кобринец, П.Н.* Школа, учитель и учащийся Белоруссии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. ... дис. канд. пед. наук: 13.00.01 / П.Н. Кобринец; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1972. – 20 с.

S U M M A R Y

The author analyses the works of home historians dealing with the history of the occupation regime and its consequences on the territory of Belarus in 1941–1944. The analysis carried out testifies to the fact that major attention of the researchers during the Soviet period was paid to the revealing of the main point of the occupation policy, constituent part of which was to plunder the national economy and destroy the population physically. The character of the occupation regime was a background to show wide resistance organized by the Communist Party at the rear of the German troops. Specific forms of the regime, peculiarities of its manifestation in different spheres were covered fragmentarily. Many aspects of the problem including genocide of the Jewish population, legal status of the population of the occupied regions, the history of some concentration camps did not interest Belarusian scientists.

Поступила в редакцию 18.11.2007

А.А. Лукашенко

Понятие и сущность местного налогообложения

Местные налоги и сборы являются необходимым элементом налоговой системы Республики Беларусь. Они оказывают непосредственное влияние на формирование доходной части бюджетов органов местного самоуправления.

С переходом к рыночным условиям хозяйствования возросло внимание ученых к проблеме изучения сущности и роли налогов. Это вполне закономерно, так как налоги были и являются важнейшим регулятором экономических отношений общества и государства.

При этом понятие «налог» отличается значительным многообразием и отсутствием единого подхода к его дефиниции. Неоднозначно дается определение налога и в законодательствах различных государств. Так, все российские учебники по финансовому и налоговому праву дают определение налога в соответствии с п. 1 ст. 8 Налогового кодекса Российской Федерации: «Под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж с организаций и физических лиц в форме отчуждения ими на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств, в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципального образования» [1–5].

Законодатель Республики Беларусь в п. 1 ст. 6 Налогового кодекса, по существу, дал аналогичное определение понятия «налог». При этом конкретно указывается, куда поступают отчуждаемые денежные средства – в республиканский и (или) местный бюджет [6].

Это во многом обусловлено тем, как справедливо отмечает Л.А. Николаева, что налог является категорией комплексной, имеющей как экономическое, так и юридическое значение [7].

В то же время отечественная юридическая наука все еще не уделяет должного внимания теоретическим исследованиям категории «местные налоги».

Сама жизнь и практика организации налоговой системы постсоветских государств настоятельно требуют раскрытия определения понятий «местный налог» и «местный сбор». С одной стороны, выявление их специфики, а с другой – понимание особенностей местных налогов и сборов в условиях совершенствования налогового, да и бюджетного законодательства будет способствовать формированию эффективной, стабильной и справедливой системы местного налогообложения.

Поскольку рассмотрение вопроса о сущности налогообложения является важнейшим направлением данного исследования, отметим, что все признаки категории «налог» присущи и местным налогам, и сборам. Для более подробного изучения этой проблемы необходимо определить и исследовать специфические признаки местных налогов и сборов, выделить их в особую группу, а в итоге – понять их отличия от общереспубликанских налогов.

Мировой практикой налогообложения выработаны два подхода к решению проблемы юридического определения налога: первый – расширенный, когда к понятию «налог» относят любые изъятия средств для финансирования публичных расходов. При таком подходе любой обязательный взнос, платеж, отчисление, сбор, тариф подпадает под понятие налогов; второй, более узкий подход позволяет рассматривать налог как одну из разновидностей фискальных платежей, отвечающих определенным требованиям [8].

В законодательстве Республики Беларусь утвердился второй подход в рассмотрении понятия «налог». Это в полной мере относится и к категории «местный налог». Именно с этой точки зрения мы намерены рассмотреть его сущность и особенности.

В Законе Республики Беларусь 1991 года «О налогах и сборах, взимаемых в бюджет Республики Беларусь» [9] содержалась, на наш взгляд, весьма неудачная дефиниция местного налога: «...местные советы народных депутатов в пределах предоставленных им законодательством прав могут устанавливать взимаемые на их территории местные налоги, сборы, пошлины».

Наша оценка определяется тем, что, во-первых, местные советы не были обязаны, а могли устанавливать систему местного налогообложения (следовательно, могли и не устанавливать), чем нарушали принцип единой налоговой политики нашего государства; во-вторых, отсутствовал признак обязательности уплаты местных налогов и сборов; в-третьих, весьма расплывчато давалось понятие «законодательство», которое и по сей день трактуется в юридической науке Беларуси неоднозначно.

Более точное определение «местным налогам» дается в Налоговом кодексе Республики Беларусь. Пункт 3 ст. 7 Кодекса гласит: «Местными признаются налоги и сборы, устанавливаемые нормативно-правовыми актами (решениями) местных советов депутатов в соответствии с настоящим Кодексом и обязательные к уплате на соответствующих территориях».

Правда, и такое определение также не отражает всех признаков, которые присущи местному налогу. В связи с этим, категорию «местный налог» целесообразно рассматривать через призму категории «налог», которая дается в п. 1 ст. 6 Налогового кодекса Республики Беларусь.

Хотя и при рассмотрении данной дефиниции многие авторы высказывают ряд справедливых замечаний. К примеру, В.А. Соловьев указывает, что это – платеж (добавим от себя – плата за что-то), взимаемый с организаций и физических лиц [10]. Но ведь платеж – это активное действие плательщика, который при этом проявляет свою волю, а взимание – это уже активное действие публичного субъекта, проявляющего свою волю по отношению к частному субъекту. Отсюда вывод – платеж и взимание одних и тех же средств не могут происходить одновременно. Если плательщик осуществил платеж, тогда уже и взимать нечего, и наоборот, если произошло взимание, то уже нет необходимости платить.

Если же исходить из детального анализа ст.ст. 6, 7 Налогового кодекса Республики Беларусь, то главным признаком местного налога является его обязательность. При этом она возведена в конституционный принцип. К тому же, обязательность исполнения местных налогов гарантируется установленной не только налоговой, но и административной, и уголовной ответственностью.

Вторым важным признаком местного налога является его индивидуальная определенность. Это значит, что плательщик местных налогов не вправе переложить налоговое бремя на других лиц, а должен исполнить эту обязанность самостоятельно.

Третий признак – это безвозмездный характер. Он означает, что уплата местного налога не порождает встречной обязанности у местного совета де-

путатов совершать в пользу налогоплательщика определенные действия или предоставлять ему какие-либо материальные блага.

Проявлением безвозмездности выступает также безвозвратность местного налога. Надо иметь в виду, что признак безвозмездности относится исключительно к местному налогу, но не является признаком местного сбора и особенно местной пошлины.

Четвертый признак – это денежный характер местного налога. Никаким имуществом нельзя заменить его уплату.

Пятый признак – публично-нецелевой характер. Нечелевой характер местного налога означает, что «налог» не закрепляется за конкретными расходами. Если он не несет целевого характера, то некоторые местные сборы в соответствии с законодательством могут носить полностью целевой или частично целевой характер. Так, в соответствии с п. 2 ст. 7 Закона Республики Беларусь от 26 декабря 2007 г. «О бюджете Республики Беларусь на 2008 год» [11] установлен сбор с владельцев собак, который частично идет на нужды собаководства. Полностью расходуются взимаемые местные, так называемые, «целевые сборы» в строго целевом предназначении (сбор на содержание и развитие инфраструктуры города (района).

Шестой признак – это уплата местного налога, которая должна производиться исключительно за счет собственных денежных средств плательщиков, то есть физические или юридические лица производят ее за счет отчуждения своей части собственности либо за счет средств, находящихся в их хозяйственном ведении и оперативном управлении.

Данный признак характеризуется тем, что налогоплательщик не имеет права распоряжаться по своему усмотрению той частью принадлежащего ему имущества (деньгами), которая в виде определенной денежной суммы подлежит внесению в местную бюджетную систему.

Седьмым признаком налога является то, что местный налог – это важнейший, постоянно закрепленный источник дохода местного бюджета, который является дополнительным обеспечением самостоятельности финансовой базы местного самоуправления.

Помимо этих признаков, которые свойственны местному налогу в целом, категория «местный налог» обладает определенной спецификой.

И восьмым, отличительным от других признаком местного налога, является орган, в компетенцию которого входит право установления и введения местных налогов и сборов. Следовательно, к местным налогам и сборам должны относиться те налоги и сборы, которые установлены и введены соответствующими местными советами депутатов на основании Налогового кодекса Республики Беларусь, а также нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь или Национального собрания Республики Беларусь.

Прежде всего, следует отметить, что органы местного самоуправления существенно ограничены в правах, касающихся установления местного налога. Объясняется это, прежде всего, тем, что налогообложение является ущемлением права собственности. А такое ограничение права собственности возможно только через закон. Поэтому установление перечня местных налогов и сборов ст. 9 Налогового кодекса Республики Беларусь не направлено на ограничение прав местных советов депутатов, а призвано обеспечить защиту конституционных прав налогоплательщика.

Девятый признак местного налога – уплата его на территории того местного совета депутатов, который установил и ввел тот или иной местный налог или сбор. Данный признак означает, что объект налогообложения должен находиться именно на данной территории и налогоплательщик не вправе отказаться от исполнения налоговой обязанности по причине проживания на тер-

ритории другой административно-территориальной единицы Республики Беларусь или за ее пределами.

Десятый признак – зачисление местного налога и местного сбора исключительно в местную бюджетную систему. Это означает, что ни один местный налог, ни один местный сбор не может быть зачислен в республиканский бюджет.

Таковы основные признаки местных налогов и сборов, которые отражают их сущность по сравнению с республиканскими налогами.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Мандрица, В.М.** Финансовое право России / В.М. Мандрица, И.В. Рукавишникова, Д.Н. Дружинин. – Ростов н/Д, 1999. – С. 151.
2. **Финансовое право.** – М.: ЮНИТИ, 2001. – С. 117.
3. **Эриашвили, Н.Д.** Финансовое право: учеб. для вузов / Н.Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТИ, 2000. – С. 219.
4. **Финансовое право.** – М., 2002. – С. 321.
5. **Финансовое право России.** – М.: Былина, 2002. – С. 183.
6. **Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть):** Кодекс Респ. Беларусь, 19 дек. 2002 г., № 166-З; Принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г.: Одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г.: В ред. Закона Респ. Беларусь от 26.12.2007 г., № 302-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
7. **Николаева, Л.А.** Конституционные основы налоговых правоотношений: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02 / Л.А. Николаева. – М., 2001.
8. **Финансовое право Российской Федерации** / отв. ред. Н.В. Карасева. – М., 2002. – С. 320–321.
9. **О налогах и сборах, взимаемых в бюджет Республики Беларусь:** Закон Респ. Беларусь, 20 дек. 1991 г., № 1323-XII // Вед. Верх. Совета. Респ. Беларусь. – 1992. – № 4. – Ст. 75.
10. **Соловьев, В.А.** Правовая природа налога / В.А. Соловьев // Журнал Российского права. – 2002. – № 3. – С. 22–29.
11. **О бюджете Республики Беларусь на 2008 год:** Закон Респ. Беларусь, 26 дек. 2007 г., № 303-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 4. – 2/1400.

S U M M A R Y

The essence and the conception of local taxation are examined. Its typical characteristics which distinguish local taxation from the system of phenomenon «tax» are analyzed.

Поступила в редакцию 14.03.2008

УДК 37.035.3+37(476)(091)

А.П. Орлова, В.В. Тетерин, В.В. Тетерина

Разработка теоретических основ трудового воспитания учащихся в советской школе (70-е – конец 80-х гг. XX века)

Переход Беларуси в новые социально-экономические условия хозяйствования требует пересмотра содержательных основ подготовки молодежи к труду. В связи с этим ретроспективный анализ развития теории трудового воспитания школьников в истории советской школы в 70-х – конце 80-х годов поможет глубже осмыслить и оценить состояние проблемы в современной общеобразовательной школе Беларуси, разработать новые подходы с сохранением бесспорных достижений советской системы трудового воспитания молодежи.

70-е годы XX столетия характеризовались быстрыми темпами развития народного хозяйства. В материалах XXIV, XXV съездов КПСС намечалось обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов динамичного и пропорционального развития общественного производства, повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса и роста производительности труда. Для этого в качестве первоочередной задачи ставилось улучшение уровня образования и квалификации трудящихся, осуществление необходимых мер по подготовке высококвалифицированных специалистов и рабочих, вызванное внедрением новой техники и совершенствованием организации производства.

Государство целенаправленно повышало роль общеобразовательной школы в подготовке выпускников к квалифицированному труду, прежде всего, в материальном производстве. Эта задача решалась двумя взаимосвязанными, дополняющими друг друга путями: первый – завершение перехода ко всеобщему среднему образованию, второй – развитие общеобразовательной школы как трудовой и политехнической. Этому способствовало принятие руководящими органами страны соответствующих постановлений: «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы» (1972), «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы» (1973), «Об организации межшкольных УПК трудового обучения и профориентации» (1974), «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовке к труду» (1977), «О мерах по дальнейшему укреплению учебно-материальной базы общеобразовательных школ для улучшения трудового обучения учащихся» (1978) и другие. В этих документах, разработанных при непосредственном участии ученых, были сформулированы принципиальные положения, определяющие стратегию развития трудовой подготовки школьников; направленные на укрепление связи общеобразовательной школы с жизнью, практикой, производством; рас-

смотрение трудовой подготовки школьников как средства удовлетворения потребности народного хозяйства в трудовых ресурсах и фактора формирования личности. В связи с тем, что была отменена обязательная профессиональная подготовка учащихся и средняя общеобразовательная школа начала развиваться как трудовая и политехническая, проводился пересмотр концептуальных подходов к решению проблемы подготовки подрастающего поколения к труду и осуществлялась разработка новых теоретических основ, явившихся результатом научно-исследовательской работы многих ученых, главным образом из АПН РСФСР, АПН СССР. Характерной особенностью проводимых научных исследований российскими и белорусскими учеными в период с 70-х годов до начала 90-х годов явился единый теоретико-методологический фундамент, позволивший многоаспектно раскрыть цель, содержание и структурные компоненты трудового воспитания школьников, определить пути, смоделировать процесс и выявить условия эффективной подготовки учащихся к труду в соответствии с политико-экономическими условиями развития страны и задачами, поставленными перед общеобразовательной школой.

С.Я. Батышевым, Е.С. Зайцевым, Э.Г. Костяшкиным, М.Н. Скаткиным, Л.Ф. Спириным, И.Д. Чернышенко и др. было разработано несколько трактовок понятия «трудовое воспитание». Все они, отличаясь определенными особенностями, были схожи в том, что трудовое воспитание – это целенаправленное формирование качеств личности школьника как будущего труженика социалистического общества. К числу важнейших его качеств ученые-исследователи относили прежде всего коммунистическое отношение к труду, которое, по их мнению, включает в себя потребность в труде, трудолюбие, понимание общественной значимости труда, отношение к труду как к главному средству развития своих способностей, творческий подход к труду, психологическую готовность к перемене трудовых функций, к овладению новейшей техникой и технологией, добросовестность, сознательность, привычку систематически трудиться, бережное отношение к общественной собственности, стремление к изобретательской деятельности.

Особое значение в исследуемой проблеме придавалось определению структурных компонентов содержания трудового воспитания. Несмотря на многообразие подходов, в качестве основных элементов ученые выделили: потребности и общественно значимые мотивы участия в труде; знания и убеждения, составляющие основу социально-трудовой культуры и систему соответствующих навыков и умений; нормы отношений к труду и его результатам; нравственно-трудовые и нравственно-психологические качества труженика общества; опыт трудовой, рационализаторской, изобретательской деятельности.

Важную роль в определении стратегии дальнейших теоретических разработок в области трудового воспитания молодежи сыграло наличие в Основах законодательства следующей записи: «Политехническое образование, трудовое воспитание и профессиональная ориентация осуществляются в процессе изучения основ наук, трудового обучения, организации разнообразной внеклассной деятельности, общественно полезного труда учащихся».

В разные годы этого периода П.Р. Атутовым, В.Г. Зубовым, К.А. Ивановичем, В.А. Поляковым, М.Н. Скаткиным, Н.К. Степаненковым, А.А. Шибановым, Д.А. Эпштейном и др. было разработано несколько подходов к определению роли политехнического образования в подготовке молодежи к труду.

П.Р. Атутов (1971) предложил концепцию функциональной природы политехнических знаний, согласно которой политехнический принцип в обучении понимался как совокупность дидактических средств, обеспечивающих раскрытие и усвоение школьниками политехнического содержания объектов и средств познавательной и трудовой деятельности.

Цели и задачи политехнического образования, как считали К.А. Иванович и Д.А. Эпштейн (1972), не могут быть решены каким-либо одним учебным предметом или одним из многих направлений деятельности школы. Они достигаются только в результате согласованных усилий через всю систему учебно-воспитательной работы: общеобразовательные предметы, трудовое обучение, общественно полезный труд учащихся, внеклассную и внешкольную работу.

Политехнический принцип в содержании образования состоял, по мнению М.Н. Скаткина (1973), в раскрытии научных законов и принципов техники, технологии, организации и экономики современного производства, в вооружении учащихся обобщенными политехническими умениями, легко переносимыми в новые ситуации, в развитии гибкого, подвижного, технического, творческого мышления. Эту же точку зрения разделял П.И. Ставский, но он ограничивал сферу политехнического образования рамками деятельности рабочего-индустриала.

Под политехническим В.Г. Зубов (1974) понимал такое образование, которое формирует важнейшие качества всесторонне развитой личности, способной ориентироваться в системе общественного производства, создает фундамент для последующей профессиональной подготовки. Для достижения этих целей необходимо знакомить учащихся в теории и на практике с основными научными принципами современного производства, формировать у них начальные общетрудовые умения и навыки.

В качестве теоретической основы для решения проблем политехнического образования А.А. Шибанов (1974) предложил две взаимосвязанные концепции – производственно-техническую и антропогенную. Согласно второй концепции, ученик рассматривался не только как объект, но и как субъект политехнического образования.

В.А. Поляков (1977) был убежден, что политехническое образование способствует формированию у учащихся качеств личности передовых тружеников производства, знаний и умений, позволяющих ориентироваться во всей системе общественного производства, облегчающих сознательный выбор профессии, быстрее овладение ею, а в случае необходимости, и смежными профессиями.

Таким образом, ученые-политехники единодушно сходились в том, что политехническое образование выступает важнейшим средством воспитания личности, формирования в соответствии с объективными требованиями экономики работников, способных ориентироваться во всей системе производства.

В 70–80-е годы был подготовлен и научно обоснован теоретико-методологический фундамент понимания сущности соединения обучения с производительным трудом, его роли в формировании личности труженика. Опыт реализации соединения обучения с производительным трудом, как отмечалось во многих исследованиях, показал, каким не должно быть обучение (низкий теоретический уровень) и не должен быть производительный труд (узкоспециализированный и ремесленный).

Было общепризнано, что соединение обучения с производительным трудом является целостным педагогическим процессом, который включает в себя связь общеобразовательных знаний учащихся с их трудом, процессы умственного, трудового, нравственного, физического, эстетического воспитания, политехнического и профессионального образования, профессиональной ориентации молодого поколения.

Теоретические исследования доказали, что для успешного решения этой задачи необходимо включать школьников в реальные трудовые отношения. Труд учащихся должен осуществляться по логике и законам настоящего производственного процесса и сопровождаться выпуском материальных и духовных ценностей, имеющих потребительскую стоимость.

Ученые-исследователи проблемы трудового воспитания в советской педагогике единодушно сходились во мнении о том, что труд является главным средством формирования качеств будущего труженика. В 70–80-х годах были проведены крупномасштабные исследования в данном направлении. При этом первостепенное значение предавалось поиску эффективных в воспитательном отношении форм организации общественно полезного, производительного труда школьников.

П.Р. Атутов, В.А. Кальней, С.У. Калюга, И.Д. Чечель сконцентрировали свое внимание на разработке условий организации труда учащихся на базе школьных мастерских. Ими доказано, что результативность трудового воспитания повышается, если форма организации производительного труда школьников по структуре приближается к промышленному предприятию, применяются методы морального и материального стимулирования учащихся. Н.К. Степаненков на фактическом материале школ Беларуси раскрыл пути формирования политехнических знаний, умений и навыков, формы связи обучения с трудом и современным производством.

В 1974 году Совет Министров СССР принял постановление о повсеместном создании учебно-производственных комбинатов с целью улучшения трудового воспитания, политехнического образования и профессиональной подготовки старшеклассников. В эти годы ведут исследования Н.А. Томин, Н.И. Бабкин, С.Я. Батышев, В.И. Ширинский, Н.М. Истратова, П.Р. Сырбу, А.А. Сухарева, А.В. Пахомов и др. Вышеназванные ученые приходят к выводу, что наиболее перспективными и педагогически целесообразными формами трудовой деятельности учащихся могут стать учебно-производственные комбинаты, учебные цеха, школьные заводы на предприятиях при условии, если в организации производительного труда школьников будет осуществляться аттестация и рационализация рабочих мест, учащиеся будут представлять конечную цель труда.

Л.Ф. Спиринов, Е.С. Зайцев, П.П. Костенков, А.В. Пахомов, Н.М. Гаджиева, А.Г. Шаталов и другие сосредоточили усилия на разработке теоретических основ и методики организации опытнической работы учащихся на пришкольных участках и в производственных бригадах. В своих научных работах они неоднократно подчеркивали, что тематика опытов должна определяться не только целями закрепления учебного материала, но и запросами сельскохозяйственного производства. Ученые пришли к выводу, что ученическая бригада лишь в том случае формирует у учащихся высоко нравственные отношения, если организация труда позволяет познакомить школьников с основами планирования и предоставляет им возможность практически применять свои знания, умения и навыки, их труд тесно связан с техническим творчеством, сельскохозяйственным опытничеством, деятельность бригады строится на самоуправлении, осуществляется круглогодично, соблюдается НОТ в планировании трудовой деятельности членов ученической бригады.

Весьма ценной явилась рекомендация о привлечении школьников к рационализации и конструированию сельскохозяйственной техники. Экспериментально было доказано, что указанные выше факторы способствуют воспитанию у сельских школьников любви к технике и творческому сельскохозяйственному труду, к людям труда и, что особенно важно, помогают решить весьма острую социально-экономическую проблему: обеспечение совхозов и колхозов всесторонне развитыми, культурными и политехнически образованными механизаторами.

Особое внимание советскими исследователями было уделено научной разработке педагогических основ организации общественно полезного, производительного труда школьников. Проблеме содержания и отбора объектов

труда посвящены работы В.И. Ширинского, Н.М. Истратова, В.А. Нуржановой, Н.А. Томина, Б.С. Садыкова, М.И. Изотова, М.Н. Скаткина, Э.Г. Костяшкина. П.Р. Агутовым, С.У. Калюга и др. доказано, что объект труда школьников может быть дидактическим средством, если он служит сферой применения и закрепления ранее полученных знаний, стимулирует потребность в новых знаниях. Воспитательным средством объект труда выступает при условии соответствия его уровню знаний и умений учащихся, их возрастным особенностям. При этом, как констатируют ученые, воспитательная эффективность производительного труда учащихся повышается при условии четкого определения цели трудовой деятельности, правильного планирования, расстановки учащихся, распределения их функций в трудовом процессе, учета и оценки результатов, индивидуального подхода, требующего, чтобы воспитатель всегда старался приводить содержание труда в соответствие с постоянно изменяющимся уровнем их нравственной подготовленности, физическими и интеллектуальными возможностями. Важно, чтобы создавалось определенное эмоциональное настроение, осуществлялось педагогическое руководство производительным трудом школьников.

П.П. Костенков обращает внимание на принципы организации производительного труда школьников: соединение обучения с трудом, политехническая направленность трудовой деятельности, систематичность и последовательность, сочетание педагогического руководства и широкой инициативы учащихся в их трудовой деятельности, посильность труда.

Для того, чтобы производительный труд школьников был эффективным средством формирования знаний, умений и качеств личности, считают ученые, он должен отвечать ряду требований: быть экономически целесообразным; объекты труда должны иметь четко выраженный общественно полезный характер; виды выполняемых трудовых операций надо систематически менять, чередовать с тем, чтобы производительный труд вызывал интерес у школьников.

А.А. Любар, И.Г. Любар, В.И. Коваленко в качестве важнейших требований выдвигают постоянство трудовой деятельности, непрерывность, содружество школы и производства, социалистическое соревнование, постепенное возрастание трудовых усилий школьников, раннее привлечение к ОПТ, разнообразие видов труда, участие школьников в обсуждении вопросов организации труда.

«Красной нитью» через творчество И.Д. Чернышенко проходит задача воспитания гражданина-труженика, хозяина-коллективиста, лучшими средствами в осуществлении этих воспитательных задач, по его мнению, являются обучение, внеклассная деятельность, общественно полезный производительный труд.

Экспериментально было доказано, что эффективность трудового воспитания учащихся зависит не только от правильного определения и отбора содержания и форм труда, но и используемых методов и приемов: воспитание на положительном примере и трудовых традициях советского народа, организация социалистического соревнования.

В 70–80-х годах XX века особое внимание уделяется разработке проблемы трудового воспитания учащихся во внеурочной работе (М.Н. Скаткин, Э.Г. Костяшкин). Важным звеном, по их мнению, в системе трудового обучения и воспитания являются кружки бытового труда, сельскохозяйственные, технические кружки, прикладные, а также техническое творчество учащихся. При правильной организации технического творчества учащихся создаются благоприятные условия для воспитания таких ценных качеств личности, какими являются наблюдательность, трудолюбие, целеустремленность, коллективизм, стремление к красоте, а главное, самостоятельное решение технических задач. Эти качества личности школьника могут быть сформированы при условии, если этот труд будет отвечать основным педагогическим требо-

ваниям: он будет общественно мотивирован и иметь политехнический характер, что предусматривает ознакомление учащихся с новейшими техническими достижениями как в области технологии материалов, технологических процессов, так и оборудования, инструментов, способов конструирования и др. Ученик должен знать, что создаваемое им техническое устройство призвано решать в настоящем и будущем. Важно установить систему подчинения и руководства, осуществлять связь и товарищескую взаимопомощь в коллективной работе, проводить учет работы и широко информировать о ее результатах.

В исследованиях указанного периода акцентируется внимание на наиболее эффективных формах трудового воспитания школьников во внеклассной работе: викторины; устные журналы, посвященные трудовой, производственно-технической, профориентационной тематике; составление летописей родного завода; трудовые десанты; школьное лесничество; ученические строительные отряды. В работах ученых подчеркивается, что процесс трудового воспитания не может осуществляться без педагогического предвидения, прогнозирования и планирования.

Во второй половине 70-х годов увеличилась сеть лагерей труда и отдыха для старшеклассников городских школ. Эффективности их работы во многом способствовали некоторые научные исследования (Р.Г. Степанян, А.Н. Тубельский и др.).

Вместе с тем задачи, которые выдвигались в исследуемый исторический период в области экономического развития страны и воспитания подрастающего поколения, требовали детальной разработки отдельных аспектов трудового воспитания школьников. В этот период ученые искали пути формирования у учащихся сознательного, коммунистического отношения к труду (А.Ф. Ахматова, П.П. Костенков и др.). Во многих работах подчеркивалось, что воспитание у школьников готовности к производительному труду имеет наибольший положительный эффект, если учителя школ умело сочетают формы учебной работы с внеклассной и внешкольной деятельностью, если в этом процессе активно участвуют шефствующие над школами предприятия. А.И. Кочетов убежден, что трудовое воспитание становится эффективным в рамках воспитания всесторонне развитой личности.

Разработке проблемы совместной работы школы, производства и семьи по трудовому воспитанию посвящены исследования М.И. Богатова, Н.Г. Свирина, П.П. Костенкова, С. Кенжибаева, А.М. Овчинникова и др.

Утвержденное Советом Министров СССР 30 августа 1984 г. Положение «О базовом предприятии общеобразовательной школы» поставило задачу перед производственными и педагогическими коллективами не только создать материально-техническую базу для политехнического образования, профессионального обучения и организации общественно полезного, производительного труда учащихся, но и проводить совместную работу по их идейно-политическому, трудовому, экономическому и нравственному воспитанию, привлекать к этой работе наставников, ветеранов, передовиков производства, активно вовлекать школьников в общественную и производственную жизнь трудового коллектива, приобщать к рационализаторству и изобретательству. Решение этой задачи во многом зависело от ее теоретической разработки, поскольку ни школа, ни базовые предприятия не были готовы к ее реализации. Поиск максимально эффективного содружества рабочих и старшеклассников, исходя из тех условий, которые можно было создать на предприятии для производственного обучения, производительного труда и общественной работы, осуществлялся С. Кенжибаевым, Н.Г. Свириной, А.А. Сухаревым, В.В. Тетериной, А.Б. Холоденко и др.

Таким образом, разработка теоретических основ трудового воспитания школьников, проводимая советскими учеными, отвечала потребностям развивающейся экономики и тем задачам, которые выдвигались перед школой в партийных и государственных документах, материалах по народному образованию, что позволило на практике получить максимальный педагогический эффект в подготовке молодежи к труду в указанный исторический период.

Учитывая востребованность решения данной проблемы в новых экономических условиях Республики Беларусь и в свете нормативных и правовых документов, принятых по средней общеобразовательной школе в 2006–2007 гг., научные разработки вышеназванных ученых могут стать основополагающими и рассматриваться как «золотой фонд» педагогической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воспитание школьников в труде* / под ред. А.А. Шибанова. – М., 1976. – 103 с.
2. *Кочетов, А.И.* Основы трудового воспитания / А.И. Кочетов. – Минск, 1989. – 223 с.
3. *Матюша, И.К.* Трудовое воспитание учащихся в средней общеобразовательной школе / И.К. Матюша. – Чернигов, 1972. – 183 с.
4. *Скаткин, М.Н.* Трудовое воспитание и профориентация школьников / М.Н. Скаткин, Э.Г. Костяшкин. – М., 1984. – 190 с.
5. *Система трудового воспитания школьников* / сост. П.Р. Атутов и др. – М., 1981. – 102 с.
6. *Трудовая подготовка школьников* / под ред. П.Р. Атутова и др. – Киев, 1987. – 224 с.
7. *Трудовое воспитание в сельской школе* / Л.Ф. Спирин, Е.С. Зайцев. – М., 1974. – 223 с.
8. *Чернышенко, И.Д.* Воспитание юного гражданина-труженика / И.Д. Чернышенко. – Минск, 1990. – 253 с.

S U M M A R Y

This article deals with the analysis of the theory development of schoolchildren labor education in the history of the Soviet school in the 70s – late 80s. The labor education structural components, forms and contents are under consideration.

Поступила в редакцию 14.12.2007

УДК 378.046.4(476)

Ю.А. Русецкий

Институт повышения квалификации в формирующемся социально- инновационном пространстве

Современная система образования Республики Беларусь сталкивается с целым рядом проблем, среди которых следует особо выделить ее отставание от требований рынка труда. Подтверждением чему является то, что подготовка специалистов в высшей школе не всегда соответствует потребностям работодателей по содержанию, по численности выпускников остродефицитных профессий и специальностей, по оперативности внесения изменений в необходимые компетенции по профессиям, о чем свидетельствует «Соглашение о сотрудничестве в сфере повышения квалификации и профессиональной под-

готовки специалистов стран-участниц Содружества Независимых Государств», подписанное в Ялте 25 мая 2007 г. и утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.01.2008 г. № 92. Мысли, созвучные нашему тезису, находим в публикациях членов правительства [1], ученых республики [2–4], выступлениях участников Первого съезда ученых Республики Беларусь, состоявшегося в г. Минске 1–2 ноября 2007 г. [5].

О том, что молодые специалисты постоянно испытывают потребность в обновлении знаний и расширении информационного пространства личности, свидетельствует и мониторинг качества процесса обучения, регулярно проводимый в нашем ИПК и ПК [6–9], и постоянное общение работников Института с директорами предприятий всех форм собственности, руководителями производственных подразделений, банковских структур, учебных заведений, деканатами и учебным отделом УО «ВГУ им. П.М. Машерова». Отмечая, что университетская подготовка обеспечивает фундаментальное изучение теоретических положений и концепций, составляющих основу знаний по различным предметным направлениям, все единодушны в том, что в условиях реализации Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко № 136 от 26 марта 2007 г., необходим, **во-первых**, переход к сознательному получению и усвоению информации с большей ориентацией на ее практическое использование в профессиональной деятельности, **во-вторых**, мобильность и динамичность образовательного процесса, с учетом того обстоятельства, что процесс учения для взрослых выступает как вспомогательная составляющая по отношению к их трудовой деятельности и, **в-третьих**, учет запросов работодателей, формирующих рынок труда и заказ на подготовку необходимых специалистов (то, что в последнее время получило определение «практико-ориентированное образование»). В этой связи отметим лишь два важнейших (на наш взгляд) обстоятельства, подтверждающих актуальность обозначенных посылок.

Первое. В течение 90-х годов XX ст. в ходе социальных трансформаций отлаженная в советское время система практического обучения, в т.ч. и обеспечение профессионального образования новейшими образцами машин, механизмов и изучение передовых технологий (не случайно же первый заместитель главы Администрации Президента Республики Беларусь, академик А. Рубинов признает, что «особенно нужна помощь по части переоснащения вузов лабораторными и иным оборудованием. В большинстве случаев оно безнадежно устарело, а собственного производства необходимой номенклатуры в стране, к сожалению, не налажено») [10], потеряла системную государственную направленность и осуществлялась лишь благодаря личным контактам производителей (учебные заведения) и потребителей (социально-гуманитарная и производственная сфера) высококвалифицированного и интеллектуального продукта.

Второе. Уже первое десятилетие XXI в. привело к неожиданным потерям социальной ориентации как минимум в трех средах: *преподавательской* (столь активное насыщение учебного процесса информационными технологиями высветило неготовность (а иногда и нежелание!) многих преподавателей к переходу на обогащение своего предмета электронными средствами преподавания (это, вроде того, чего по началу боялись в 70-е годы прошлого века – внедрение в процесс обучения технических средств); *родительской* («плавание» детей по Интернету в наше время для них стало столь распространенным, что теряется (очень часто!) контроль за расходованием *учебного, студенческого времени* (выделено нами – Ю.Р.). («Ну, пропустил занятия, так я же был в Интернете», – читаем мы в анкетах социологических опросов, проводимых в «ВГУ им. П.М. Машерова»), *личностной* (оказывается, по мес-

ту распределения часто ждут не специалиста с фундаментальным университетским образованием, а работника для выполнения узкопрактических производственных задач).

Сошлемся на одно высказывание, которое, несомненно, может быть постоянным эпиграфом ко всякой работе по повышению квалификации и переподготовке кадров: «Количество перемен, – подчеркивает известный футуролог Э. Тоффлер, – которое способен выдержать человеческий организм, ограничено. Если мы будем бесконечно ускорять темп перемен, не определив предварительно границу допустимого, предъявляемые этой лавиной перемен требования, возможно, окажутся для людей просто-напросто непосильными. Мы рискуем довести их до тяжелого расстройства, которое я назвал шоком от столкновения с будущим» [11].

Чтобы не остаться на «обочине» происходящих изменений, человек должен научиться расходовать свой интеллектуальный потенциал на получение новых знаний, доучивание, переучивание, адаптацию к инновациям; процесс «стирания», смены старого знания новым должен проходить менее болезненно и давать максимальную профессиональную отдачу при минимальных личностных потерях [2].

Определив для Института повышения квалификации и переподготовки кадров УО «ВГУ им. П.М. Машерова» стратегическую задачу – помочь обучающемуся взрослому получить необходимые ему знания и быть готовым к ответу на общественные вызовы, руководство ИПК вместе с проректорами университета по дневному и заочному обучению сделало упор на удовлетворение потребностей людей, сознательно ориентирующихся на самоутверждение, самореализацию и социальную защищенность. В своей работе мы исходим из понимания сложившихся социально-экономических реалий, в которых переподготовка кадров и повышение их квалификации рассматривается как актуальная и наиболее активная часть формирования личностного человеческого капитала (и это хорошо понимают сами люди; руководителей же предприятий, на которых они работают, к сожалению, это меньше всего волнует), содействующая наращиванию его конкурентных преимуществ. Кроме разработки и реализации учебных планов и программ, обеспечивающих переподготовку специалистов (т.е. присвоение новой специальности), ведется работа по открытию краткосрочных курсов повышения квалификации, как это предусмотрено нормативными документами Министерства образования. Отметим, что такие курсы, прежде всего, предлагаются преподавателям и сотрудникам ВГУ (хотя мы готовы работать и с коллегами из других учебных заведений г. Витебска и Витебской области).

Внося постоянные коррективы в организацию учебного процесса, сотрудники Института исходят из двух взаимосвязанных направлений.

Первое, основополагающее, базируется на востребованности дополнительного образования и максимальном учете запросов и потребностей граждан, желающих пройти переподготовку и повысить квалификацию в ИПК и предусматривает развитие и совершенствование форм и методов работы по повышению компетентности слушателей, главными элементами которой в современных условиях выступают: вариативность повышения квалификации, владение современными информационными технологиями, лично ориентированный, деятельностный подход, формирование способности к саморазвитию и постоянному повышению квалификации, самостоятельности в получении знаний, мобильности, конкурентоспособности и адаптированности на рынке труда и т.п.

Второе является определяющим для сотрудников Института, связано с обеспечением качества учебного процесса и обеспечивает разработку дина-

мичных, практико-ориентированных принципов обучения, осуществляемых с использованием информационно-коммуникационных технологий и инновационных педагогических методов. Подобный подход позволил определить наиболее перспективные специальности переподготовки, пользующиеся в Витебском регионе постоянным спросом и популярностью у лиц с высшим образованием и студентов выпускных курсов витебских вузов. Сейчас желающим пройти переподготовку и получить новую специальность предлагаются такие специальности, как 1–23 01 71 «Психология», 1–21 06 74 «Современные иностранные языки», 1–40 01 73 «Программное обеспечение информационных систем», 1–24 01 71 «Правоведение», 1–03 03 71 «Логопедия», 1–25 01 75 «Экономика и управление на предприятии промышленности», 1–25 01 75 «Бухгалтерский учет и контроль в промышленности», 1–25 03 71 «Бухгалтерский учет и контроль в банках», 1–03 03 74 «Олигофренопедагогика». Кроме того, специалистам с высшим и специальным образованием предлагаются программы повышения квалификации по профилям I Техника и технологии (направление образования «Вычислительная техника»); E Коммуникации. Право. Экономика. Управление. Экономика и организация производства (направление образования «Экономика»).

Здесь уместно заметить, что Институт повышения квалификации и переподготовки кадров УО «ВГУ им. П.М. Машерова» работает на условиях полного самофинансирования и хозрасчета. В его штате работает 20 человек административно-управленческого, профессорско-преподавательского и учебно-вспомогательного, 4 человека хозяйственно-обслуживающего персонала. По состоянию на 1 февраля 2008 г. в ИПК и ПК обучается на специальностях переподготовки по заочной форме 456 человек и вечерней – 72 человека, что соответствует лицензионным требованиям. И еще несколько цифр, характеризующих динамику развития Института. Если в 2001 г. количество слушателей в среднегодовом исчислении составляло 338 человек, то на начало 2008 г. оно выросло до 491 человека. Это значительно превосходит требования, предъявляемые к ИПК и ПК (150 человек) нормативными документами.

Расширение спектра образовательных услуг, конечно же, потребовало уточнения целей и задач деятельности ИПК. Сейчас они выглядят следующим образом:

- изучение потребностей (в рамках общеуниверситетских исследований) Витебского региона в профессиональных кадрах необходимой квалификации или переподготовке ныне действующих для работы на более узких направлениях реального сектора производства и образования. Отметим следующее: здесь мы предоставлены сами себе, так как плановая переподготовка кадров областными органами управления для нашего Института не проводится. И каждый человек решает свои вопросы лично, как показывает практика, чаще всего в зависимости от трех определяющих факторов – производственной необходимости (по принципу «Хочешь у нас работать – получай нужную квалификацию»), наличия денежных средств для оплаты за обучение и согласия руководства по месту работы или учебы на участие в учебных сессиях;

- совершенствование учебной, учебно-методической и информационно-коммуникационной обеспеченности (в т.ч. и через дистанционное обучение) слушателей ИПК и ПК (заметим, что эта работа ведется в тесном сотрудничестве с Научной библиотекой (директор А.М. Мицкевич) и Центром информационных технологий «ВГУ им. П.М. Машерова» (начальник Н.М. Чирвоный);

- продолжение разработки критериев эффективности процесса обучения в системе переподготовки и повышения квалификации, стремление в определении качественных уровней дополнительного образования слушателей ис-

ходить из их практико-ориентированной деятельности и возможностей дальнейшего саморазвития;

- усиление учебного и научно-методического влияния руководства ИПК и ПК (Совет Института, деканат, кафедра, учебный отдел) на ориентацию, с одной стороны, преподавателей на творческое овладение инновационными педагогическими образовательными технологиями и техниками конструктивного общения со слушателями в связи с усилением практической направленности их обучения (ситуационные задачи, проблемные решения, прогнозирование и т.п.), формирования у них постоянной потребности в самостоятельном обновлении знаний в соответствии с современными задачами и тенденциями социально-экономического развития и, с другой, на использование профессионального и социального опыта слушателей в целях обогащения занятий конкретикой практического опыта;

- решение мероприятий учебно-организующего порядка (график занятий, консультации преподавателей, индивидуальные встречи с ними) и социального плана (обеспечение, по возможности, местами в университетских общежитиях или в гостиницах Витебска) и т.д.;

- решение проблем укрепления учебно-материальной базы ИПК (в рамках подготовки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» к празднованию 100-летнего юбилея со дня основания) через реконструкцию бывшего студенческого общежития (из-за аварийности выведенного из жилого фонда) в учебный корпус современного типа (кстати, с наличием небольшого общежития гостиничного типа);

- формирование стоимости обучения только в пределах рекомендаций Министерства образования Республики Беларусь, т.е. рост не более 0,5% в месяц, чтобы обучение было рентабельным для вуза и экономически привлекательным для слушателей.

Для более оперативного и качественного решения обозначенных проблем в Институте создана кафедра социально-экономических и гуманитарных дисциплин (заведующий кафедрой – кандидат психологических наук, доцент Н.В. Кухтова), организованы учебно-методическая и научно-исследовательская секции, внесены изменения в работу учебно-методического отдела ИПК и ПК. Создание кафедры позволило упорядочить работу с преподавательским составом, сделать более системным их участие в разработке учебных планов и программ, организации практик, участия в учебном процессе высокопрофессиональных практических работников и т.д. Постоянно в работе Государственных экзаменационных комиссий участвуют председатель Витебского городского совета депутатов Г.П. Грицкевич; председатель Витебского областного суда Т.В. Воронович; директор Центра информационных технологий Белгосуниверситета, кандидат физико-математических наук, доцент Ю.И. Воротницкий; начальник сектора кассовых операций ОАО «Банк «Москва–Минск», экономист высшей квалификации Д.А. Воривода и др.

Что касается преподавательского состава университета, то здесь эффективность сотрудничества определяют кафедры психологии (заведующий кафедрой доцент С.Л. Богомаз), философии (заведующий кафедрой доцент Э.И. Рудковский), экономической теории (заведующий кафедрой доцент С.В. Шахнович), деканаты факультетов – юридического (декан доцент А.А. Бочков), исторического (декан профессор В.А. Космач), филологического (декан доцент Л.М. Вардомацкий), математического (декан доцент Н.Е. Большаков) и др.

Подобное взаимодействие позволяет руководству ИПК формировать в преподавательском коллективе чувство повышенной личной ответственности за достижение максимального результата за работу в специфичной обучающейся среде (позиция взрослого, занимающегося с взрослыми). И главным

звеном такой ответственности является складывание позиции партнерства, сотворчества, совместной созидательной активности. Свидетельство тому – социологические опросы, показывающие, что наша взрослая (слушательская) аудитория больше всего ценит в преподавателе:

а) проблемность обучения, умение связать теорию с проблемами отрасли, с тенденциями и перспективами ее развития через узнаваемые прикладные (практические) ситуации;

б) диалогичность и работа с группой с учетом уровня общеобразовательной и профессиональной подготовленности слушателей;

в) умение и желание органично сочетать требования учебного процесса, инноваций социального контекста и личностных компетенций студентов;

г) учет в общении со слушателями их трудовой деятельности, их готовность к формированию новых знаний, умений, навыков.

Справедливости ради заметим: не часто, но высказываются мнения, что не все преподаватели, занятые в работе со взрослыми, способны овладеть новым для себя педагогическим качеством – учесть специфику аудиторий, чтобы использовать особые методы воздействия, позволяющие слушателям занимать свою позицию, быть проводником знаний, способствовать, содействовать слушателям в постижении за короткий срок обучения пусть не секретов, но важных элементов мастерства новой специальности, а иногда и игнорированием потребностей и мотивации образовательной деятельности слушателей.

Не будет преувеличением, если сказать, что именно благодаря творческой работе преподавательского состава (совершенствование идет постоянно), ориентированного на системный, лично ориентированный, деятельностный подход к обучению, Институт как организующе-обучающая система взрослых не получил за 8 лет своей деятельности ни одной рекламации (независимо от того, что каждый обучающийся проходит переподготовку или повышение квалификации за собственные средства) от работодателей и нареканий слушателей. В средствах массовой информации Витебской области можно прочесть отзывы окончивших ИПК и ПК – директора УО «Витебский государственный профессионально-технический колледж А.М. Лосякина, ведущего специалиста отдела аукционов и конкурсов Витебского областного территориального фонда госимущества Д.Ю. Луковникова, заместителя начальника кредитно-экономического отдела «Белгазпромбанка» Л.В. Лукашенко, дефектолога, заместителя директора по воспитательной работе СШ № 31 г. Витебска Н.А. Харкевич и др. Отметим, что наш Институт дважды (в 2002 и 2008 гг.) успешно прошел аттестацию и аккредитацию специальностей, проводимых Департаментом контроля качества знаний Министерства образования Республики Беларусь.

Обобщая, хотелось бы обратить внимание (в первую очередь, интересующихся проблемами повышения квалификации и переподготовки кадров) на несколько позиций, от положительного решения которых качество проводимой работы значительно выиграло бы.

И главная состоит в создании в Витебском областном исполнительском комитете научно-исследовательского подразделения (может быть, на базе областного центра занятости, в связи со снижением уровня нетрудоспособности и сокращением объема работы), которое могло бы стать Центром мониторинга потребности отраслей области в кадрах новых специальностей и специализаций. Такая работа могла бы стать перспективным, координирующим направлением в реализации областной социальной программы и позволила бы упорядочить траекторию обучения взрослых людей (и на основе переподготовки, и на основе повышения квалификации), прекратить стихийность и хаотичность в этих процессах и определить для них стратегические направления.

Создание подобной структуры также позволило бы гражданам более убедительно понять тезис Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко «Государство – для народа» (читай: «Человек – главная ценность!»): создание упорядоченной структуры работы по непрерывному образованию взрослых позволило бы иметь в обществе возможности не только для профессионального, но и для личностного роста, общекультурного развития. Иначе говоря, система ИПК и ПК непрерывного или дополнительного, даже дистанционного образования должна быть культуросообразным (учитывать и соответствовать сложившейся системе культурно-художественных ценностей региона) образованием, дающим слушателю национально-культурные определенные знания (хотя бы в рамках развития туристического бизнеса в Беларуси).

И еще. В Республике Беларусь в системе повышения квалификации и переподготовки кадров определяющими до последнего времени являлись четыре документа: Закон Республики Беларусь «Об образовании» [3], Положение Совета Министров Республики Беларусь «О непрерывном профессиональном обучении руководящих работников и специалистов» № 1177 от 25 октября 2005 г. и др. 12 марта 2008 г. Совет Министров Республики Беларусь принял новое «Положение о порядке осуществления повышения квалификации, стажировки и переподготовки работников», утвердившее основные виды профессионального обучения руководящих работников и специалистов – повышение их квалификации, стажировка и переподготовка (исключены из практики дополнительного образования практиковавшиеся ранее самообразование, обучение в организациях по месту работы и виды профессионального обучения, сроки и формы которых не регламентировались нормативными правовыми актами, а могли определяться работниками или организациями самостоятельно). Для нас особенно важным в новом «Положении...» является оптимизация общего количества часов в учебных планах переподготовки для слушателей с высшим и средним специальным образованием: для лиц с высшим образованием, проходящим переподготовку, определено не менее 1000 учебных часов (раньше было не менее 600) и для слушателей со средним специальным образованием – не менее 600 учебных часов (раньше было не менее 400).

В новом «Положении...», казалось бы, прописано все, содержатся рекомендации для решения самых разных объективно существующих ситуаций. Но в своих размышлениях хотелось бы обратить внимание на следующее. Если с требованиями «Закона...» все ясно, то в новом «Положении...» снова не учтена специфика деятельности ИПК и ПК. Мы говорим о том, что для каждого учебного заведения, занимающегося повышением квалификации кадров и их переподготовкой, должны быть свои правила игры. Если, скажем, есть бюджетное финансирование, плановый набор и плановый выпуск специалистов, значит выполнение государственных требований, в рамках правительственного «Положения...», должно быть обязательным. Иначе нельзя: ведь речь идет о контроле за расходованием бюджетных средств. А нужны ли все структурные подразделения (кафедры, библиотека и т.п.) в хозрасчетном коллективе, работающем в условиях государственного вуза, без права юридического лица, и обеспечивающем учебный процесс с помощью его деканатов и кафедр (к примеру, 25 штатных работников нашего ИПК и ПК ежегодно привносят в кассу университета 750–850 миллионов рублей, расходуемых на общеуниверситетские цели). Несмотря на то, что практика свидетельствует об эффективности работы по расходованию зарабатываемых средств, различного рода инспекции требуют неукоснительного выполнения буквы «Положения...».

На наш взгляд, нуждается в конкретизации и следующая позиция. В Республике Беларусь до последнего времени обучение взрослых и повышение

их квалификации велось в трех формах: *Институты повышения квалификации и переподготовки кадров*, Институты *непрерывного* образования, Академия *последипломного* образования. Сейчас высказывается мнение о необходимости открытия Институтов *дополнительного* образования и Институты *развития образования* [12]. Может быть, и не надо единообразия? Может быть, это и есть тот случай, когда разносторонне направленный поиск приведет к положительному «единству многообразия» и позволит определить стратегические приоритеты в области обучения взрослых? Но тогда следовало бы предоставить государственным университетам, отвечающим за работу включенных в их состав ИПК и ПК, право на творческий поиск, не загоняя систему переподготовки кадров и повышения их квалификации в жесткие требования упомянутых нами «Положений...».

Подытоживая вышесказанное, хотелось бы подчеркнуть, что, обучая взрослых, без отрыва и с частичным отрывом от производства, система повышения квалификации и переподготовки кадров, представляет живой, постоянно развивающийся организм, а поэтому и внимание к ней должно быть постоянным и действенным.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Косинец, А.Н.** Инновационное образование – главный ресурс конкурентоспособной экономики государства / А.Н. Косинец // Вышэйшая школа. – 2007. – № 6.
2. **Жук, А.И.** Высшей школе – достойное кадровое обеспечение / А.И. Жук // Вышэйшая школа. – 2007. – № 1.
3. **Закон Республики Беларусь «О высшем образовании» от 11.02.2007.** Принят Палатой представителей 14 июня 2007 г., одобрен Советом Республики 22.06.2007 г.
4. **Титаренко, Л.Г.** Инновационная составляющая в высшей школе / Л.Г. Титаренко // Вышэйшая школа. – 2007. – № 6.
5. **Материалы первого съезда ученых Беларуси.** – Минск, 2008.
6. **Русецкий, Ю.А.** Повышение квалификации и переподготовка специалистов как важнейший фактор их социализации / Ю.А. Русецкий, Л.А. Гащенко // Веснік ВДУ. – 2003. – № 4.
7. **Русецкий, Ю.А.** Ценностно-мотивационные детерминанты получения второго высшего образования / Ю.А. Русецкий, Л.А. Гащенко // Веснік ВДУ. – 2004. – № 3.
8. **Русецкий, Ю.А.** К вопросу о качестве повышения квалификации и переподготовки специалистов / Ю.А. Русецкий, Л.А. Гащенко // Веснік ВДУ. – 2005. – № 3.
9. **Русецкий, Ю.А.** К вопросу о мотивации обучающихся в ИПК и ПК УО «ВГУ им. П.М. Машерова» / Ю.А. Русецкий, Л.А. Гащенко // Веснік ВДУ. – 2006. – № 4.
10. **Рубинов, А.** Педагогический зуд реформаторства / А. Рубинов // СБ Беларусь сегодня. – 2008. – 6 марта.
11. **Тоффлер, Э.** Футуршок / Э. Тоффлер. – М., 1973.
12. **Клюйко, А.** Займацца павышэннем кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў могуць толькі тыя ўстановы адукацыі, якія маюць ліцэнзію / А. Клюйко // Настаўніцкая газета. – 2008. – 27 сак.

S U M M A R Y

In the article the actual problems of professional skills improvement and further training in the conditions of forming social-innovative sphere in the Republic of Belarus are considered. The article is addressed to people interested in continuous education, university teachers and senior students of higher educational establishments.

Поступила в редакцию 5.02.2008

И.В. Галузо

Педагогические аспекты формирования естественнонаучного мировоззрения школьников в курсе физики

Сразу отметим, что в данной статье мы сознательно делаем акцент только на одну сторону непрерывного учебно-воспитательного процесса – рассматриваем формирование естественнонаучного мировоззрения школьников в аспекте учебной работы.

Любой учебный предмет в школе изучается в соответствии с программой. Пожалуй, не найдется ни одного учителя, который наивно полагает, что все его ученики в полном объеме программы преподаваемого им предмета досконально будут знать все то, что они «проходили» в школе, и неограниченно долго будут сохранять в памяти множество фактов, содержащихся в учебниках. Так что же конкретно должно остаться в памяти школьников через определенное время, после того как будет закончено изучение курса физики, химии или биологии и т.д.? Какова конечная цель работы учителя, организующего учебный процесс со школьниками? [1].

В общей формулировке ответ на поставленные вопросы можно найти во всех учебниках педагогики, в методиках преподавания предметов, пояснительных записках к учебным программам, различных педагогических справочниках – независимо от года издания и авторов. При этом желаемый «остаток», т.е. **цель преподавания, это – формирование научного мировоззрения школьников и студенческой молодежи** [2, 3].

В сжатой формулировке термин *мировоззрение* означает: *совокупность взглядов и убеждений на объективный мир и место человека в нем, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации*. В систему мировоззрения входят философские, **научные**, политические, нравственные и эстетические взгляды. Мировоззрение – это далеко не все взгляды и представления об окружающем мире, а только их предельное обобщение.

Мы выделили в системе мировоззрения «научные взгляды», так как совокупность естественных наук образует естественнонаучную картину мира, а общественных – социально-историческую картину действительности. Создание общей картины мира – задача всех областей знания. Формирование естественнонаучного мировоззрения осуществляется на базе физической картины мира.

Физические знания человека об окружающем мире столь велики и многообразны и к тому же имеют тенденцию непрерывно расширяться. Цель кропотливой работы учителя физики будет достигнута, если в памяти его учеников сохранится определенная часть важнейших научных физических знаний, а именно понимание основных фактов, понятий, законов, принципов и теорий физики, в результате усвоения которых складывается обобщенное научное представление о природе, или, как принято говорить, *физическая картина мира*.

История физики как науки – это история поисков единых начал в природе в рамках физических понятий, явлений и законов, известных науке на определенном этапе ее развития. Например, успехи механики Ньютона и законы Кеплера породили в свое время убеждение в механистичности мира. Для нашего современника ограниченность механической концепции мира очевидна, однако существенным здесь является то, что механическое объяснение природы являлось первой научной физической картиной мира. В настоящее время механическая картина составляет лишь часть огромного «полотна» постоянно развивающейся физической картины мира. Ясно, что законы механики объясняют не все физические явления, а только ограниченную их область.

Изучение электромагнитных явлений и особенно их теоретическое обоснование в рамках электродинамики Максвелла позволило сделать еще один крупный шаг в развитии представлений человека о физической картине мира. Электромагнитные взаимодействия и электромагнитное поле (наряду с механическими представлениями) входят в современную физическую картину мира как важные составные части. Вместе с тем, весь материальный мир не сводится к механическим и электродинамическим представлениям о нем.

Дальнейшее становление физической картины мира происходило с развитием атомизма, когда единство материи стали видеть в небольшом количестве элементарных ее частиц, связанных электромагнитными взаимодействиями. С развитием идей квантовой физики выяснилась ограниченность применимости ньютоновской механики не только к явлениям, связанным с электромагнитным полем, но и к частицам малых размеров. Для физической картины стала характерна иерархия закономерностей, обусловленная иерархией масштабов явлений.

За последние десятилетия единство материального мира предстало с иной стороны: выделено несколько фундаментальных взаимодействий, связанных как с изменением состояния физических объектов, так и строением материи на всех исследованных пространственно-временных уровнях. Фундаментальными взаимодействиями считаются гравитационное, электромагнитное, сильное и слабое. Квантово-полевая, квантово-релятивистская картины мира в настоящее время находятся в состоянии дальнейшего развития и становления. С каждым шагом в развитии физических исследований к ней добавляются новые элементы и выдвигаются гипотезы, создаются и развиваются новые теории.

Как видим, понятие «физическая картина мира» употребляется давно и не является чем-то застывшим и по своему содержанию постоянно определенным. *Физическую картину мира следует рассматривать не только как итог развития физического знания на определенном этапе, но и как особый самостоятельный вид знания – самое общее теоретическое знание в физике (система явлений, понятий, законов, принципов и гипотез), служащее исходной основой для построения новых теорий.*

Физическая картина мира, с одной стороны, обобщает все ранее полученные знания о природе, а с другой – вводит в физику новые идеи и обусловленные ими понятия, принципы и гипотезы, которых до этого не было и которые коренным образом меняют основы физического теоретического знания: старые физические представления уходят, а на их месте возникают новые понятия и принципы, физическая картина мира меняется.

Таким образом, физическая картина мира – это, прежде всего то, что должно остаться в сознании учащихся в результате изучения физики в школе, что входит в научное мировоззрение как важнейшая ее составная часть. Физическая картина мира включает в себя важнейшие понятия,

принципы и закономерности нескольких теорий и поэтому является обобщенным отражением природы на данном этапе развития физики. Те многие частные знания, на базе которых получают общие знания о мире, в дальнейшем могут стереться из памяти.

Понимание физической картины мира – важная, но не единственная сторона естественнонаучного мировоззрения. Физическая наука – это не только система знаний о природе, но и система методов научного познания природы. Поэтому в процессе обучения учащихся необходимо знакомить не только с содержательной стороной познания, но и методами научного познания (методологией) [4].

Ошибочно считать, что естественнонаучное мировоззрение школьников – это стихийно и самопроизвольно совершающийся процесс, идущий параллельно с сообщением конкретных физических знаний или, как упрощенно говорят, «прохождением программного материала». Научное освещение физических явлений, законов и теорий само по себе еще недостаточно для решения задачи формирования естественнонаучного мировоззрения. Нужна еще специальная и систематическая работа по формированию научного миропонимания.

Какая картина мира сложится в сознании ученика, в первую очередь зависит от того, что именно изучается в курсе физики, и от того, как трактуются при этом физические понятия и идеи. Круг вопросов, изучаемых на уроке с учениками, и уровень их изложения во многом определяются программой и учебником, однако роль учителя в процессе формирования мировоззрения неоспорима. Ведь только педагог может выделить наиболее важные стороны материала, которые наиболее необходимы для формирования мировоззрения, и именно на этой стороне вопроса сосредоточить внимание учащихся. Учитель, не формулируя какие-то философские выводы и не употребляя специальные философские термины, может создавать у учащихся определенные материалистические представления. В ряде случаев для формирования мировоззрения достаточно выявлять трудности и заблуждения, которые могут возникнуть у учащихся при изучении основ физики, и предотвращать их возникновение. Приведем пример, весьма типичный для педагогической практики.

Являются ли верными следующие утверждения: «Сила – это причина изменения движения», «Сила – это причина, порождающая движение»? Какое из утверждений соответствует современным научным представлениям? Казалось бы, оба выражения вполне «безобидны» с точки зрения физики и практически одинаково характеризуют понятие силы. В одном случае сила – *причина изменения движения*, а в другом случае сила – *первоисточник движения, его причина*. Часто ученики не придают должного значения точности формулировок и определений, что может привести к заблуждениям и неправильному пониманию сущности изучаемых явлений.

Пример приводим для того, чтобы показать, что аристотелевское понимание силы, навеянное поверхностной оценкой житейского опыта, оказывается крайне живучим. По Аристотелю, естественным состоянием тела является покой; без силы – нет движения, сила – причина движения, сила порождает движение. С этими взглядами, казалось бы, можно вполне согласиться. Согласно учению Аристотеля материя сама по себе лишена движения, и чтобы движение возникло и сохранялось неизменным, необходимо постоянное внешнее воздействие.

Учение Галилея о движении опровергало эти взгляды. На основе опытов Галилей показал, что всякое действие силы изменяет движение, и чем меньше действие, тем меньше меняется движение. Значит, при отсутствии внешних воздействий скорость как вектор должна сохраняться. Свойство сохранять состояние равномерного прямолинейного движения или относительного

покою присуще всем телам. А из этого следует, что естественным состоянием тел является равномерное прямолинейное движение. Материя, следовательно, не нуждается в привнесении движения извне: она просто не может существовать без движения.

Таким образом, в двух нехитрых фразах, приведенных выше, скрывается глубокий философский смысл принципа неразрывности материи и движения, что конкретно в школьном курсе физики раскрывается при изучении закона инерции и принципа относительности Галилея.

Из рассмотренного выше примера следует, что формирование научного мировоззрения учащихся, их материалистических позиций может происходить за счет содержания и трактовки основных вопросов курса физики. Исходя из этого формулируем **первый компонент** естественнонаучного мировоззрения: *сообщение обобщенных знаний об основных понятиях, законах и принципах физики, способствующих созданию у учащихся научного представления о картине мира и процессе научного познания.*

Фундаментальные идеи современной физики все в большем объеме проникают в школьный курс, особенно отчетливо это проявляется при рассмотрении структурных уровней организации материи. Под структурой материи обычно понимается ее строение в микромире, существование в виде молекул, атомов, элементарных частиц и т.д. Это связано с тем, что человек, являясь сам по себе макроскопическим существом, привык к соответствующим масштабам, но если рассматривать материю в целом, то понятие структуры материи будет охватывать также различные макроскопические тела, все системы мегамира. С данной точки зрения структура материи проявляется в существовании бесконечного многообразия целостных систем, тесно взаимосвязанных между собой.

Ответы на вопросы, из чего состоит материя и есть ли конечный предел делимости материи, современная физика ищет на уровне микромира. Эти вопросы «вечные» и они издавна волновали человека. Долгое время атом считался конечным пределом делимости материи, тем элементарным «кирпичиком» вещества, из которого сложены все предметы окружающего мира. Сегодня мы можем констатировать, что процессы, протекающие в микромире, в основном систематизированы, и знания о них представлены в таких теориях, как квантовая механика и квантовая электродинамика. Об основах этих теорий, отражающих современный уровень знаний о строении материи, и необходимо в доступной форме говорить с учащимися. Однако сегодня делать это особенно непросто. Наука в своем развитии ушла так далеко, что современная микрофизика становится все менее понятной даже специалистам (имеем в виду в первую очередь учителей физики). Образование, школьные программы существенно отстают от сегодняшнего состояния физической науки. Поэтому надо пытаться найти такие объяснения сложнейших вопросов микрофизики, которые будут понятны даже школьникам.

Отсюда следует **второй компонент** естественнонаучного мировоззрения: *материалистическое истолкование учащимся основ физики, в процессе которого они знакомятся с самыми современными и прорабатываемыми на перспективу обобщенными физическими теориями.* Здесь вполне правомерно утверждать, что дальнейший прогресс в физическом образовании находится в прямой зависимости от уровня развития у молодежи материалистических взглядов, научного мышления.

Определенная сумма и система научных знаний – это еще не научное мировоззрение. Можно иметь представление о чем-то, но не верить в это. Важно, чтобы индивидуальное знание превратилось в личностное убеждение. У человека должно сложиться определенное отношение к полученным знаниям и окружающей действительности, т.е. должны появиться определенные

жизненные позиции. Таким образом, *третий компонент естественнонаучного мировоззрения: знания, ставшие убеждениями.*

Ученик, изучая физику, должен убедиться в правильности нашего понимания окружающего мира, приобрести уверенность в том, что мир в общих чертах устроен именно так, как установлено наукой. Отсюда сразу же следует дидактическое требование убедительности изложения учебного материала при рассмотрении физических явлений, законов и теорий.

В методике преподавания школьного курса физики выделяют четыре пути обоснования физических положений: экспериментальный, математический, логический и исторический. Выбор того или иного направления всецело зависит от конкретного содержания учебного материала. Если экспериментальный и математический пути при обосновании конкретных физических законов не требуют специфических знаний и усилий, то логический и исторический пути нуждаются в более тщательных подходах и особых знаниях со стороны учителя. В школьных курсах физики и астрономии возможен критический анализ таких концепций и понятий, как «тепловая смерть Вселенной», «теория первотолчка», «эфир» и др. Рассматривая эти и другие ошибочные взгляды, нельзя их просто отвергнуть, сославшись на их неактуальность. Ведь многие из подобных воззрений выдвигались крупнейшими учеными своего времени. Следует не «сокрушая авторитеты» терпеливо и обстоятельно показывать учащимся, что вынудило выдвинуть ту или иную концепцию и почему она не соответствует истине.

Для того, чтобы знания стали достоянием учащихся, недостаточно убедительности при их изложении учителем. Знания станут убеждениями, когда они дополнительно будут самостоятельно осмыслены учениками, а не взяты в готовом виде «на веру». Знания должны пройти некоторый «инкубационный» период и процесс мыслительной обработки. Для этого необходимо обучить школьников приемам мыслительной деятельности. Тогда **четвертым компонентом при формировании естественнонаучного мировоззрения является обучение школьников приемам формально-логического и научного мышления.**

Развитие у школьников всех видов мышления требует разносторонней работы по формированию познавательных способностей школьников.

Уровень трактовки основ физики при ее преподавании должен быть таким, чтобы в процессе приобретения физических знаний у школьников предотвращалась возможность искаженного понимания явлений природы. Анализ ошибочных представлений школьников и студентов первых курсов свидетельствует, что у них нередко отсутствуют четкие научно-материалистические взгляды на мир. Например, часто отождествляются физические величины, характеризующие материальные объекты (заряд, энергия, масса), с самой материей. Чаще всего ошибочно трактуются те физические понятия и идеи, которые получали искаженное истолкование в историческом процессе развития физической науки. Это и понятно, так как школьникам многое приходится для себя первооткрывать. Ошибки, допускаемые школьниками и студентами в объяснении ряда физических понятий и идей, по своему характеру аналогичны тем заблуждениям, которые имели место в трактовке этих понятий при историческом процессе их формирования.

Зная, какие вопросы школьного курса физики понимаются превратно, а также, в чем конкретно ошибались ученые в понимании того или иного положения науки и почему это произошло, вполне имеется реальная возможность не допустить, чтобы в том же самом заблуждались и учащиеся. Для этого при изложении потенциально «опасных» вопросов физики обязательно требуется

рассмотрение отдельных фактов из истории научных открытий, т.е. роль научного историзма вполне существенна. Не случайно в вузах, готовящих педагогов-физиков, изучается специальная дисциплина «История физических идей», а для школьников и учителей-практиков издаются «Хрестоматии по физике» и сборники научной биографики известных ученых. Историю физики, физических идей, научную биографику следует воспринимать как синтез естественнонаучного и гуманитарного подходов к изучению природы и общества.

Ознакомление с творчеством и взглядами выдающихся ученых не только способствует формированию естественнонаучного мировоззрения школьников, но и моральных и личностных качеств молодежи.

Несколько подробнее рассмотрим вопросы ознакомления школьников с методами научного познания, которые способствуют развитию их мышления. В связи с этим не случайно на самом раннем этапе изучения курса физики в школе вопросам методологии научных исследований уделяется самое пристальное внимание. Так, в учебнике физики для 7 класса (авторы Л.А. Исаченкова и Ю.Д. Лещинский) в самом начале школьники знакомятся с основными задачами, которые решает физика как наука. В специальном параграфе («Методы изучения в физике») авторы акцентируют внимание учащихся на том, что задачами физики как науки являются: обнаружение явления, его исследование, а затем объяснение данного явления. Далее с учащимися рассматривают, как решаются эти задачи на практике и какие методы для этого используются в физике. В итоге (на конкретных примерах) учащиеся выходят на алгоритмическую цепочку действий ученого-исследователя: наблюдение → эксперимент → факты → закон → гипотеза → эксперимент → теория. Таким образом, учащиеся в самом начале изучения курса физики получают представление о научном пути познания окружающего мира.

В процессе дальнейшего изучения курса физики школьников постепенно следует знакомить с методологией научных исследований, чтобы они на простейших примерах смогли самостоятельно сформулировать цель, задачи, объект и предмет исследования, опираясь на предмет и цель исследования, смогли самостоятельно выдвигать гипотезы исследований.

Учащиеся должны себе отчетливо представлять, что важнейшая задача физики – объяснить явление природы, т.е. дать ответ на вопрос «Почему это явление происходит именно таким образом, а не иначе?». Физика хотя и исследует реальные объекты и явления, но в большинстве случаев для их объяснения использует модели и идеальные объекты (например, абсолютно черное тело, абсолютно твердое тело, идеальный газ, математический маятник). С учащимися в каждой конкретной ситуации постоянно проговаривается следующий путь введения идеальных объектов:

- выяснение характера поставленной задачи и максимально полное рассмотрение сторон и свойств объектов исследования;

- из выявленного многообразия свойств объектов установить, какие свойства в условиях поставленной задачи являются несущественными, а какие существенно важны;

- несущественные стороны и свойства не учитывают и принимают во внимание только основные, заменяя тем самым реальный объект идеальным;

- определяют условия, при которых реальный объект можно заменить идеальным.

Именно в такой последовательности вводятся идеальные объекты, используемые в физике.

Рассматривая с учащимися методы научного познания, необходимо акцентировать внимание на взаимосвязи эксперимента и теории в научном исследовании. Всякое новое знание обязательно связано с экспериментом. Характерен и обратный процесс – постановка опыта чаще всего связана с теоретическими представлениями, которые вынуждают поставить именно определенный опыт. Физические теории облекаются в математическую форму, а гипотезы высказываются в форме математических зависимостей, уравнений, так или иначе связанных с установленными экспериментально фактами. В современных условиях изменилась и экспериментальная база физики. Исследования проводятся с помощью сложнейших установок, имеющих индустриальный характер (например, синхрофазотроны, космические лаборатории).

Успехи физики имеют прямую связь с техникой, производством, технологиями, а в конечном итоге оказывают влияние на экономику. Интерес к физике, несмотря на некоторое его ослабление в последние годы, остается довольно высоким. Недаром ежегодное присуждение Нобелевских премий по физике на длительное время становится главной новостью в средствах массовой информации.

С 1900–1905 гг. по настоящее время длится эпоха квантовой-релятивистской и субатомной физики. Возможно, уже в ближайшие годы будут сделаны фундаментальные открытия в области строения материи на кварковом и субкварковом уровнях, которые в очередной раз приведут к коренной ломке устоявшихся представлений о таких физических объектах, как материя, масса, пространство, поле и т.д.

Выводы:

1. Как отражение мира мировоззрение выступает в качестве методологии построения общей картины мира. Ни одна конкретная наука сама по себе не есть мировоззрение, хотя каждая из них с необходимостью развивается с помощью мировоззрения, а также содержит в себе мировоззренческое начало, которое выступает в виде ее общих положений и методологических принципов.

2. Физическая картина мира есть необходимый элемент при формировании мировоззрения школьников и составляет основу их научного миропонимания.

3. Физическая картина мира не столько итог и механическая сумма знаний после прохождения всего курса физики, сколько общее направление курса при формировании мировоззрения учащихся, при передаче им современного научного способа мышления.

4. Задачи формирования мировоззрения учащихся могут быть решены при условии, что структура и содержание курса физики будут соответствовать формам теоретических обобщений.

5. Окончив школу, ученик должен отчетливо представлять, что в современной физике, в конечном счете, единственным источником новых знаний является опыт, но постановка этого опыта продиктована теорией.

6. По мере развития науки и углубления наших знаний о мире менее точные теории сменяются более точными теориями, описывающими те же самые формы движения материи, что и прежние теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Симонов, В.П.** Качество образования: что в основе? Как его определить? / В.П. Симонов // Стандарты и качество. – 1994. – № 2. – С. 55–56.
2. **Панкратов, А.В.** Мировоззрение современного молодого человека / А.В. Панкратов, Л.В. Фесенкова, Е.Д. Дерябина // Экология и жизнь. – 2005. – № 3. – С. 32–34.

3. **Кривоносова, Е.Э.** Мировоззрение как духовная основа гражданственности студенческой молодежи / Е.Э. Кривоносова // Формирование гражданской культуры молодежи в условиях интеграции Республики Беларусь в Европейское образовательное пространство: материалы междунар. науч. конференции. Витебск, 8–9 декабря 2004 г. – Витебск, 2004. – С. 152–154.
4. **Редькин, В.П.** Формирование у учащихся физической картины мира / В.П. Редькин, Т.В. Николаенко // Фізика: праблемы выкладання. – 2000. – № 2(19). – С. 53–69.

S U M M A R Y

The article deals with the problems of the forming of pupils' world outlook in the aspect of their understanding of abstract scientific conception about physical picture of the world. The author considers the physical picture of the world to be the most important part of scientific outlook. The components of natural scientific outlook are examined from the point of correlation of scientific character and historical method in the development of physical ideas and theories.

Поступила в редакцию 14.11.2006

УДК 378.2.012

В.И. Турковский, Е.В. Терещенко

Теоретико-методические основы методологической подготовки магистрантов к проведению педагогических исследований

На начальном этапе решения рассматриваемой проблемы выявлялись подходы, обеспечивающие, во-первых, эффективность методологической подготовки магистрантов к проведению педагогических исследований, во-вторых, оптимальное включение данной подготовки в процесс становления и развития исследовательской компетентности личности. Исследовательская компетентность – это интегративное качество магистрантов, выступающее условием и результатом формирования исследовательской направленности личности будущего исследователя. Анализ философской [1–3], педагогической [4–8] и психологической [9–11] литературы, а также обобщение опыта подготовки магистрантов на кафедре педагогики Витебского госуниверситета им. П.М. Машерова позволили установить эвристическую роль следующих подходов.

1. В изучении рассматриваемой проблемы определяющее значение придается системно-структурному подходу. Его применение позволило выявить основные тематические компоненты содержания методологической подготовки магистрантов к проведению педагогических исследований и структурировать эти компоненты.

Введение в рассматриваемую проблему обеспечивают две темы и соответствующие им элементы содержания. Первая – «Наука, научное познание и обучение» (философия о науке и научном познании; понимание и формирование механизма углубленного понимания текстов; обучение и научное познание; показатели качества и эффективности процесса обучения студентов).

Вторая – «Педагогика: предметное поле и актуальные проблемы» (педагогика как знание и деятельность по его производству; понятийно-терминологический аппарат педагогической теории; структура педагогики; компетентность педагога-практика и педагога-исследователя).

Базовой основой для предоставления ключевой информации по рассматриваемой проблеме выступает тема «Методология и методы педагогического исследования», включающая следующие содержательные элементы: функции и сферы реализации методологии педагогики; состав методологического знания; уровни методологии; методология преобразований педагогической деятельности и педагогическая инноватика в школе; философия о методе научного познания; теория и метод, метод и принцип; методы научно-педагогического изучения, их классификация, выбор; методы обучения и методы науки.

Доминирующее значение в содержании методологической подготовки придается следующим темам: «Педагогическое исследование: признаки научности, структура, логика», «Методические основы подготовки научной работы. Магистерская диссертация». Содержание первой темы раскрывается посредством овладения магистрантами следующими ее элементами: структура, логика научного исследования и его методологические принципы; преодоление заблуждений в научном исследовании; основные методологические характеристики исследования; эксперимент в педагогике; творчество как предпосылка исследовательской деятельности учителя. Вторая тема включает: информационное обеспечение научных исследований; методику и технологию педагогического исследования; характеристики магистерской диссертации; методологические требования к результату и основным частям диссертации.

Взаимосвязи между вышеуказанными шестью темами обеспечивают:

1) структура представления каждой темы (основные вопросы, базовые понятия, ключевые компетенции, основные теоретические положения и хрестоматийные тексты, вопросы и задания для самоконтроля);

2) логика развертывания каждой темы (учебное и научное знание, характеристика профессионально-педагогической и научно-исследовательской деятельности, педагогическое творчество и научно-педагогическая деятельность).

Междисциплинарные связи рассмотренных аспектов содержания методологической подготовки реализуются посредством актуализации знаний магистрантов по университетским дисциплинам (философия, этика, социология, педагогика, психология) и взаимодействия с дисциплинами, изучаемыми в магистратуре (философия, психология и педагогика высшей школы).

2. Принадлежность педагогики к социальным наукам, диалектическая сложность педагогических явлений обосновывают сущностную роль уровневого подхода в определении оптимальных путей изучения рассматриваемой проблемы. Его значимость весьма важна в следующих направлениях теоретической и практической деятельности, которые обеспечивают эффективность методологической подготовки магистрантов к проведению педагогических исследований:

- уровневость методологии педагогических исследований;
- уровневость понятийного отражения явлений обучения [7];
- уровневость усвоения понятий, познавательной активности и знаний, умений и навыков (И.П. Подласый, А.В. Усова);
- уровневость продуктивности педагогической деятельности;
- уровневость средств обучения.

3. При подготовке и проведении педагогических исследований необходимо базироваться на общих закономерностях развития наук [2], а также учитывать специфику рассмотрения науки как системы знаний и системы деятельности [11].

Овладение магистрантами содержанием методологической подготовки осуществляется в соответствии с дидактическими закономерностями и на основе психологических механизмов усвоения знаний и формирования умений и навыков. При этом эффективность обучения будущего специалиста базируется [12] на трех его важнейших способностях: порождении научного и дидактического объяснений; порождении научного письменного текста; организации времени жизни и конструировании режимов повседневной жизнедеятельности.

4. Становление педагога-мастера и педагога-исследователя обусловлено спецификой педагогической деятельности. Один из ее отличительных признаков – функционирование исследовательского компонента, выступающего как проявление зрелого уровня творчества педагога и высокого уровня продуктивности его деятельности. Условиями и предпосылками достижения этих уровней учителем выступают: разнообразный и длительный опыт педагогической деятельности, его системное накапливание, теоретический анализ и научно-обоснованное преобразование; эффективное осуществление всех во взаимосвязи компонентов педагогической деятельности при доминировании – на различных этапах профессионального роста – одного или нескольких из этих компонентов; владение учителем исследовательскими методами обучения школьников и опытом подготовки ими исследовательских проектов; сформированность педагогической компетентности и активная деятельность по формированию исследовательской компетентности, что базируется на общности, различиях и преемственности в развитии данных видов компетентностей.

Вышеназванные условия и предпосылки обосновывают значимость дифференциации и индивидуализации обучения магистрантов дневной и заочной форм обучения. Так, для учителей-магистрантов, имеющих опыт педагогической деятельности, актуальна задача, во-первых, повышения уровня теоретизации своей учебно-исследовательской деятельности; во-вторых – становления и развития исследовательских умений и навыков, что реализуется на базе уже сформированных педагогических умений и навыков. У магистрантов-выпускников университета, не имеющих опыта самостоятельной педагогической деятельности, наряду с задачей формирования умений теоретического анализа, необходимо развивать и педагогические и первоначальные исследовательские умения и навыки.

Индивидуализация обучения магистрантов осуществляется, как правило, в форме руководства магистерской диссертацией. Важно, чтобы эта форма дополнялась различными видами теоретико-методической поддержки каждого магистранта: методическая помощь в разработке и реализации индивидуальных учебно-исследовательских траекторий развития; подготовка магистрантами планов и программ самообразования и самовоспитания; обмен опытом работы магистрантов по формированию исследовательских умений и навыков.

Установление подходов, направленных на интенсификацию методологической подготовки магистрантов к проведению педагогических исследований, позволило определить системный фактор, реализация которого обеспечивает непрерывность рассматриваемой подготовки и ее междисциплинарный характер. В роли этого фактора выступает уровневый подход к методологии педагогики.

Именно уровневость обеспечивает целостное понимание педагогических явлений и способствует реализации системно-структурного подхода к их исследованию и практическому преобразованию. В структуре методологического знания вычленяют четыре уровня: философский, общенаучный, конкретно-научный (педагогический) и технологический.

Уровни методологии образуют сложную систему. Они тесно связаны и в то же время характеризуются соподчиненностью. Каждый уровень отличается определенным содержанием и выполняет своеобразную роль в педагогическом исследовании и преобразовании педагогической действительности. При

этом вышележащий уровень для нижележащего формирует программу его понятийного аппарата. Механизм же влияния вышележащего уровня заключается в воздействии его принципов на ориентации, средства и методы нижележащего. Каждый из уровней методологии отличается своей системой методов, их иерархизацией и своей специфической ролью в системе межуровневых связей.

Философия реализует две взаимосвязанные функции – мировоззренческую и методологическую, что выступает результатом ее глубокого постижения. Мировоззренческая функция способствует становлению ценностных ориентаций исследователя, обобщенной системы его взглядов на мир, место в нем человека и свое собственное место в этом мире. Она помогает сформировать позитивно-преобразовательное отношение исследователя к действительности, учитывать многообразие форм бытия и их взаимодействие. Все это актуализирует рефлексию исследователем своих целей, задач, хода и результатов научной деятельности, а также стимулирует развитие и преобразование его ценностных ориентаций и идеалов.

Философия осуществляет специфические, только ей присущие методологические функции в научном познании. Так, она разрабатывает общую картину мира в единстве всех атрибутов и форм движения действительности. И представляет исследователям всеобщие регулятивы научного поиска, знания о самых общих закономерностях познавательного процесса, об истине, формах и методах ее достижения. Реализуя методологические функции, философия может выполнять и функцию вспомогательного, производного от практики критерия истины. В то же время она помогает субъекту познания сформировать сущностные цели деятельности и смысложизненные установки.

В содержание первого, высшего философского уровня входят общие принципы познания и целостный строй философских категорий. При этом все философское знание выполняет методологические функции.

Общенаучный уровень методологии обеспечивает «сплав» философского уровня с конкретно-научным. Этот «сплав» реализуется, во-первых, посредством соединения понятий частных наук и философских категорий, во-вторых, возможностью формализации общенаучных понятий, их уточнения средствами математической теории и символической логики.

В содержание общенаучного уровня включают общенаучные подходы и понятия. К ним относят: системный, структурно-функциональный, кибернетический, вероятностный, моделирование, формализацию. Общенаучные понятия: «структура», «модель», «функция», «система», «элемент», «оптимальность», «вероятность».

Общенаучная методология сможет успешно реализовать свою функцию лишь в том случае, если раскрывающие ее подходы, теории, законы и понятия будут из теоретических положений трансформироваться в ориентационно-деятельностные, регулятивные требования и предписания методов.

В сферу методологии педагогики (конкретно-научный уровень) входит система способов и приемов деятельности в сфере педагогики, а также учение об этой системе. Она обеспечивает получение максимально объективных и системных научных знаний, их приращение и целенаправленное преобразование практики. В состав методологического знания педагогики входят следующие его группы: цели педагогической науки и практики, методы педагогических исследований, педагогические категории и понятия, принципы и методы преобразования педагогической практики.

Владение методологией педагогики означает, прежде всего, понимание и эффективное применение ее понятийной системы и словаря. Это, в свою очередь, предполагает иерархизацию терминов методологии педагогики, их отнесение к категориальным, базовым (основным) и периферийным поняти-

ям. В качестве критериев данной группировки выступают фундаментальность, объем обобщенных в данном понятии явлений педагогической реальности, значимость изменений понятия для отражения прогресса педагогической науки [5].

Содержание методологии педагогики и его такие характеристики, как полнота и оптимальная структурированность словаря методологии, способствуют эффективной реализации этим содержанием основных методологических функций: нормативной, регулятивной, познавательной, диагностической, рефлексивной, организующей, оценочной, преобразующей. Осуществление методологических функций помогает будущему педагогу-исследователю:

1) диагностировать степень разработанности исследуемой проблемы в теории и ее состояние на практике, в повседневной педагогической деятельности;

2) разработать теоретические модели объекта и предмета исследования и на их основе – конструктивную программу исследования;

3) осуществить констатирующий и преобразующий эксперименты, доказать гипотезу, обосновать полученные результаты;

4) провести анализ итогов исследования, оформить и сформулировать их, а также разработать и внедрить практические рекомендации.

Четвертый уровень методологического знания – технологическая методология. Она выступает как методика и техника исследования. Методика исследования зависит от его цели, задач и гипотезы, а также от уровня квалификации исследователя.

Именно методика исследования отражает эффективность разработанного исследователем механизма использования всех уровней методологии: философского, общенаучного, конкретно-научного и технологического. Эвристичность этого механизма обусловлена тем, насколько целенаправленно и оптимально реализовано взаимодействие вышеуказанных уровней методологии, достаточно ли полно учтены специфика каждого уровня методологии на различных этапах исследования и характер его взаимосвязи с другими уровнями.

Методика исследования направлена на отбор, структурирование и систематизацию форм педагогического познания, видов и способов научной деятельности. Она ориентирована на оптимальное вычленение этапов исследования, установление их последовательности и характера взаимосвязи, что должно и на завершающем уровне исследования отразить «движение» и изменение предмета исследования. Ее эффективность определяется, во-первых, обоснованностью и взаимосвязью основных методологических «ступеней» исследования: темой, проблемой, целями и задачами, объектом, предметом, гипотезой. Во-вторых, она обусловлена достижением критериев и показателей динамического развития предмета исследования, взятого в своей собственной системности и во взаимодействии с другими системами. Наконец, существенным фактором эффективной методики выступает разработка оптимальной системы методов, направленных на решение задач констатирующего и преобразующего эксперимента и внедрение результатов исследования. В итоге разрабатывается и реализуется программа исследования, интерпретируются и излагаются его результаты.

Разработка программы исследования – это весьма важный итог осуществления завершающего этапа научной работы, реализующий ее методический замысел. Программа структурирует все виды деятельности, позволяет разработать систему методов, осуществляющих эти деятельности. Она реализует процессуальный характер педагогических явлений, что предполагает обоснованное вычленение циклов их протекания, а также устанавливает внутренние источники целенаправленного развития взаимосвязанных процессов.

Программа базируется на теоретико-содержательной модели исследования, ее концепции. В программе указываются существенные стороны исследуе-

мого явления, критерии и показатели исследования, раскрывается система используемых методических средств.

Завершение научного исследования предполагает изложение его промежуточных и основных результатов. Изложение обусловлено содержанием и логикой исследования, но и обладает своей собственной логикой, обусловленной законами функционирования языка. Формой реализации содержания научной работы выступает его литературное изложение. Но к этому содержанию предъявляются определенные требования. Так, логика изложения содержания во многом зависит от субъекта научной работы. Прежде всего, от глубины постижения им понятийно-терминологической системы педагогики, от уровня освоения культуры научной речи (письменной) и от владения механизмом углубленного понимания текста.

Рассматриваемый этап научной работы (завершающий уровень методологии) проявляет значимость следующих факторов, обеспечивающих динамичное личностно-профессиональное развитие будущего исследователя. Это и становление его теоретической готовности к научной работе, в особенности развитие различных видов мышления (теоретического, творческого, практического), исследовательских умений и навыков и формирование личностной коммуникативной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Берков, В.Ф.** Философия и методология науки: учеб. пособие / В.Ф. Берков. – М.: Новое издание, 2004. – 336 с.
2. **Кохановский, В.П.** Философия и методология науки: учебник для высш. учеб. заведений. – Ростов н/Д: «Феникс», 1999. – 576 с.
3. **Лукашевич, В.К.** Философия и методология науки: учеб. пособие / В.К. Лукашевич. – М.: Современная школа, 2006. – 320 с.
4. **Загвязинский, В.И.** Методология и методы психолого-педагогического исследования: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / В.И. Загвязинский, Р. Атаханов. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
5. **Журавлев, В.И.** Педагогика в системе наук о человеке. – М.: Педагогика, 1990. – 168 с.
6. **Кочетов, А.И.** Культура педагогического исследования. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Редакция журнала «Адукацыя і выхаванне», 1996. – 312 с.
7. **Краевский, В.В.** Общие основы педагогики: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
8. **Скаткин, М.Н.** Методология и методика педагогических исследований: (В помощь начинающему исследователю) / М.Н. Скаткин. – М.: Педагогика, 1986. – 152 с.
9. **Иващенко, Ф.И.** Практикум по методологии психологического исследования: пособие / Ф.И. Иващенко. – М.: «ФУА информ», 2003. – 138 с.
10. **Митина, Л.М.** Психология труда и профессионального развития учителя: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Л.М. Митина. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 320 с.
11. **Петровский, А.В., Ярошевский М.Г.** Основы теоретической психологии. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 528 с.
12. **Формирование учебной деятельности студентов** / под ред. В.Я. Ляудис. – М.: Издательство Моск. ун-та, 1989. – 240 с.

S U M M A R Y

The article is based on the leading role of methodology in training Masters for pedagogical researches. It reveals the contents of methodological training, concerning processing factors of reaching the aims of this training. Moreover, methodical base of preparing students of Master's degree to research is shown in the article.

Поступила в редакцию 10.04.2008

УДК 808.26(091)

Л.М. Вардомацкі

Памятники письменности Верхнего Подвинья в контексте истории белорусского языка

Изучение истории, образа жизни, мировоззрения, материальной и духовной культуры славян на основе изучения их языков имеет уже достаточно богатую традицию, широко представленную в специальной литературе по различным славянским языкам. В российском языкознании здесь можно вспомнить работы О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, Н.И. Толстого, Л.В. Куркиной, В.М. Иллич-Свитыча и мн. др. В белорусском языкознании широко известны работы по этой проблематике А.М. Булыко, А.И. Журавского, А.А. Кривицкого, В.В. Аниченко и многих других исследователей. Значительный интерес к этой проблеме проявляют и польские языковеды. Назовем здесь в качестве примера такие известные (и не только в Польше) имена, как Х. Поповска-Таборска, В. Будишевска, В. Борись, Т. Лехр-Сплавиньски и мн. др.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в последней четверти XX века исследования в этом направлении как бы в целом приостановились, оказавшись в некотором затруднении. Причина этому – та первоначальная глобальная задача, которую вольно или невольно ставили перед собой исследователи: это попытка на основе сравнительно-сопоставительного анализа описать некий исходный общеславянский языковой инвариант, установить прародину древних славянских племен. Но в результате глубоких исследований, базируемых на обширном фактическом материале, языковеды вновь и вновь приходили к выводу, что «...мы не в состоянии однозначно определить локализацию древнейших славянских поселений ни исходя из данных гидронимии, ни в свете анализа славянских этнонимов, ни изучая терминологию ботаническую и зоологическую, ни опираясь на современные славянские лексические системы...» [1]. (*Здесь и далее перевод наш – Л.В.*)

Выраженный в этих словах пессимизм (отметим – вполне оправданный), является, по сути, обобщающим выводом по итогам работы целого языкового направления, что в целом и привело к некоторому угасанию активности ученых в работе по сравнительно-историческому исследованию славянских языков.

Сегодня на базе значительных достижений мирового языкознания и новых экстралингвистических факторов появилась возможность уточнить некоторые базовые историко-лингвистические понятия, которые в той или иной степени приводили к многозначности или неоднозначности лингвистических наблюдений. И в первую очередь нам следует присоединиться к голосам тех языковедов, которые считают необходимым внести четкость и ясность в историческое понимание термина «русский язык».

Историческое содержание термина «русский язык» не равно его современному значению. Это априори определялось всеми историческими грамматиками

XX в. Но, обращаясь к истории русского языка, разные исследователи обращались часто «к корням совершенно различных растений».

В наши дни термин «русский язык» обозначает язык русской нации. Употребляя этот термин, мы отделяем русский язык не только от других родственных и неродственных языков мира, но даже от таких близкородственных языков, как белорусский и украинский. В историческом же понимании термин «русский язык» имеет качественно иное содержание.

Известно, что к началу письменной истории восточных славян (нач. XI в.), и сами восточные славяне, и их соседи Русью называли обширную территорию от Закарпатья на западе до верховьев Оки на востоке и от реки Волхов на севере до нижнего течения Днепра. Таким образом, термином «русский язык» обозначали язык всех восточных славян. Точнее говоря, русский язык этого времени представлял собой совокупность близких друг к другу первоначально племенных, а затем территориальных диалектов восточных славян. Различия между этими диалектами были, вероятно, настолько несущественными при общении, что – интересный факт, на который мало кто обращает внимание – памятники письменности не донесли до нас ни одного указания летописцев или переписчиков на языковые различия Киевской, Полоцкой или, скажем, Новгородской Руси. Временные рамки этого общевосточнославянского языка можно условно определить с распада общеславянского единства – около VI в. н.э. – и приблизительно до XIV в.

С XIV в. начинается политическое и военное возвышение Москвы, первоначально небольшого города Ростово-Суздальского края, благодаря, прежде всего, ее активности в борьбе с Золотой Ордой. В сфере влияния Московского княжества постепенно оказываются другие северо-восточные княжества. Складывается Московское государство. С образованием на северо-востоке восточнославянской территории Московского государства и связано образование новой русской народности и ее языка, за которым волею истории закрепилось название «русский язык». Приблизительно в это же время (первоначально в Московском государстве) за украинскими и белорусскими землями, оказавшимися в сфере влияния западных соседей, закрепляются названия Малая Русь и Белая Русь.

Таким образом, следует считать, что новый русский язык, «непосредственный предок» современного русского языка, начинает формироваться с XIV–XV вв. на основе ростово-суздальского, а затем и московского диалектов. С этого времени и начинается его история.

Параллельно термин «русский язык» еще длительное время продолжает использоваться в своем первоначальном значении: в качестве названия языка территорий ранних древнерусских княжеств (по оси Новгород–Полоцк–Киев). Причем летописцы указывают на существование некоторых, хоть и незначительных, языковых отличий языка этих земель от западных и восточных соседей. Так, в «Kronice świata» («Хронике мира») 1551 г. Мартин Бельский указывает на чрезвычайную близость «русского, московского, сербского, чешского языков» с польским языком того времени. Приблизительно в это же время другой западнославянский автор указывает: «Москва от Руси мало чем отличаются в языке, а Русь от поляков и мазуров». Как видно, авторы разграничивают понятия «русский язык» и «московский язык». А в Статуте Великого княжества Литовского 1566 года, как известно, записано: «А писар земский по руску маеть литэрами и словы рускими вси листы и позвы писати, а не иньшым языком и словы». Таких указаний в текстах XIII–XVI вв. достаточно большое количество. Понятно, что, употребляя выражение «по руску», создатели Статута имели в виду язык, на котором говорили восточные славяне, жившие на территории современной Беларуси.

Таким образом, изучая язык памятников письменности Верхнего Придвинья и Верхнего Приднепровья, мы изучаем исконный русский язык на его исконной территории. И в этом объяснение такой языковой близости (если не идентичности) памятников письменности XI–XIV веков, представляющих обширную территорию с юга на север и с запада на восток. (Известно, что изучая Статут ВКЛ, исследователь пришел к выводу, что язык Статута не отличается от текстов, написанных во Львове).

Немногочисленные дошедшие до нас памятники письменности свидетельствуют, что уже к началу XI века наши далекие предки имели значительно более высокий уровень устройства общественных, экономических и политических отношений, чем мы себе это представляем, употребляя термин «Древняя Русь». Их знания о внешнем мире, географическом положении своей земли были на удивление обширны и точны. Так, уже автору «Повести временных лет» известно, что «...Днѣпръ бо потече из оковьского лѣса и потечеть на полъдне · а двина ис того же лѣса потече^т а и деть на полунощье и внидеть в море варажское · ис того же лѣса потече волга на въстокъ и вътечеть ... в море хвалисьское (Каспийское)...». Такие свидетельства указывают на активность торгово-экономических отношений восточных славян с другими землями, поскольку реки, как известно, являлись основными торговыми дорогами восточных славян. Это одна из главных причин, по которой уже к началу XIII века земли, примыкающие к бассейну Западной Двины (в древнерусском – просто *Двины*), становятся ареной столкновения интересов различных политических центров: Смоленска, Витебска, Полоцка, княжеств Нижнего Придвинья. «Двина была первой и главнейшей исторической дорогой Полоцка, – пишет Н. Ермолович. – И поэтому овладение ею на всем протяжении от верховьев до устья стало его важнейшей жизненной задачей. Поскольку с присоединением Витебска и Усвятов овладение Верхней Двиной было закреплено еще при Брачиславе, то перед Всеславом встала в качестве одной из главнейших задач – овладение Нижним Подвиньем... Подчинение Нижнего Подвинья было в целом закончено к 1065 году» [2]. Таким образом, Витебск и Полоцк достаточно длительное время (более 100 лет) имели возможность прямого выхода в Варяжское (Балтийское) море и – значит – далее в Европу. По свидетельству «Хроники Ливонии», еще в первой половине XIII в. две крепости в Нижнем Придвинье – Герцике и Куккенойс – платили дань Полоцку, были «русскими» городами [3]. Но начиная уже с 1203 года – неудачного похода полочан против Ливонского Ордена и осады ими крепости Икескола (под Ригой) – полоцко-витебские князья постепенно теряют власть над Нижним Подвиньем. Вместе с тем и Рига, и Полоцк, и Витебск крайне нуждались в беспрепятственном передвижении по Двине, которая была важнейшим торговым путем между востоком и западом. Поэтому отношения между Ливонским Орденом и Полоцком, Витебском, Смоленском начинают регулироваться с помощью договорных грамот. Среди таких документов – и Грамота князя Герденя 1264 года.

О самом Гердене известно немного. Вероятно, он был полоцким князем между 1263(?) и 1267 годами [2, с. 296]. Причем Гердень, как можно судить по тексту указанной грамоты, являлся одновременно и князем витебским. Во всяком случае, в полной мере представлял интересы Витебска в отношениях с Ригой, а также с другими славянскими княжествами. При князе Гердене продолжилось ослабление Полоцкого княжества, оказавшегося между набравшим силу Новгородом, Литвой и Псковом [4]. В 1267 году Гердень потерпел очередное поражение в битве с объединенными силами Пскова и Новгорода. Причем в этом бою погиб и сам князь Гердень, а его владение было «много повоевано».

Исследуемая грамота «написана у Риге» в 1264 году «*по рожен бжиу за три дни*». Некоторые исследователи переводят эту фразу как 22 декабря [1, с. 297]. Вместе с тем следует обратить внимание на употребленный здесь предлог *по*, имевший в древнерусском языке значение 'после'. Следовательно, «*по рожен бжиу дни за три дни*» может обозначать 'после дня божьего рождения' (т.е. Рождества) через три дня.

Грамота адресована «*всем темь кто видить сую грамоту*», но прежде всего, вероятно, рижскому магистрату. В первой части документа князь Герденъ подтверждает, что будет выполнять обязательство, данное его предшественником Константином «*што есть лотыгольская земля какъ не вступати ся на тую землю*», т.е. речь идет о том, что Полоцк отказывается от претензий на владение лотыгольской землей. В свою очередь, от Полоцкой земли «*мештеру и братие его отступити*». Вторая часть грамоты – договор о правах полоцких купцов в Риге и немецких купцов в Полоцке и Витебске.

Для языковедов грамота особенно интересна тем, что в значительной степени доносит до нас живую речь Витебска и Полоцка середины XIII в., а также особенности графики и орфографии того времени.

Текст написан с сохранением в основном традиций древнерусской каллиграфии, уставом, но с незначительными элементами скорописи, которые отражаются прежде всего в начертании надстрочных и подстрочных элементов букв. Древнейший ж везде последовательно заменяется буквой у (не оу). Буква ѡ выполняет три функции: используется на месте древнейшего сочетания гласного переднего ряда с носовым, обозначая новый гласный ['а] (*кназь, са*); обозначает исконный гласный [а] после мягких согласных (*земля, местера*); пишется на месте а-йотированного (древнерусского): *стоати, руськаа, лотыгольскаяа*. Предлог *от* или сочетание *от...* в начале любого слова обозначается как Ѡ: *Ѡ тое земли, Ѡ ибою сторону, Ѡступити*. Причем в достаточно объемном тексте наблюдается полное единообразие использования указанных графических единиц. Для сравнения: так же в Грамоте полоцкого епископа Якова (около 1300 года): *Ѡ акова, азъ, кланяюся*. Правда, в грамоте рижан витебскому князю Михаилу Константиновичу (около 1300 г.) ѡ и ѡ различаются: *кнажо, нда*, но *Ѡалъ, дѡалъ* [5]. Однако эта грамота была написана в Риге, ее русский вариант является переводом с немецкого. И этот перевод мог быть осуществлен не витеблянином или полочанином.

Наконец, следует отметить, что и в грамоте князя Герденя, и во всех других полоцко-витебских грамотах (и смоленских) этого времени начальный звук [о] в словах практически всегда обозначается буквой ѡ.

Таким образом, уже эти начальные наблюдения свидетельствуют, что к середине XIII века, во всяком случае на витебско-полоцкой территории, сложилась определенная орфографическая система, существовали общепринятые правила написания, то есть письмо было в определенном смысле вполне нормированным, хотя правила эти еще не были закреплены в каких-либо справочниках.

В лексическом плане текст грамоты практически полностью восточнославянский. Единичные иноязычные слова введены для обозначения прибалтийских общественно-политических реалий: *местерь, ратьман*.

Говоря о заимствованной лексике в тексте грамоты, уместно здесь подвергнуть сомнению утверждение отдельных исследователей о славянском происхождении имени Герденъ [1, с. 297], которое по своей фонетической структуре противоречит восточнославянским фонетическим законам. Поэтому дискуссия о том, славянской или литовской династии принадлежал князь Герденъ, решается, вероятно, не в пользу первой.

Грамота Герденя 1264 года отражает отдельные элементы формирования будущего белорусского языка. В частности, ряд представленных в тексте форм можно считать переходными от древнерусского к будущему белорусскому языку. К таким можно отнести:

- причастие *поклепани* (ср. совр. белор. *паклёп* – русск. ‘клевета’, ‘оговор’): *што поклепани на рѣзне*;
- причастие (в древнерусском) *створиль*: *миръ есмы створи^л*. (Древнерусск. *сътвори^л* → *створи^л* → совр. белор. *стварыў*);
- местоимение *тую*: *не вѣступати сѧ на тую землю*. По аналогии с этим местоимением, скорее всего, образовано и местоимение *сую* (вместо искомого *сию*): *кто видить сую грамот(у)*;
- местоимение *тыхъ*: *тыи^{хъ} кто по не^м буде^м*. (Древнерусск. *тѣхъ* → *тыхъ* → совр. белор. *тых*);
- местоимение *тие*: *тие лю^д што ныне живи суть*. (Древнерусск. *ти* → *тие* → совр. белор. *тыя*);
- наречие *тогда*: *тогда напсана в Ризе*. (Древнерусск. *тъгда* → *тогда* → совр. белор. *тады*).

В анализируемой грамоте последовательно прослеживаются результаты диссимиляции согласных после падения редуцированных в местоимении *што*: *чьто* → *что* → *што*. Это местоимение употреблено в тексте 8 раз, и только в форме *што* (и ни одного случая *что*): *што ныне живи суть...* *што руськаѧ землѧ словеть полочькаѧ...* Вероятно, форма *што* во второй половине XIII века уже была нормой на витебско-полоцких землях. Кроме Грамоты Герденя, она последовательно используется и в других текстах, в том числе в Грамоте полоцкого епископа Якова (около 1300 г.): *што вамъ было надобѣ...* Между тем, как ни странно, это правило не распространяется на местоимение *кто*. Во всех случаях употреблена только форма *кто*: *кто видить сую грамот^м...* *кто на после приидуть...* Форма *хто* проникает в письменность гораздо позже. Например, в Грамоте княгини Ульянии (около 1377 г.) читаем: *а хто имее^м тое закла^двать...*

Древнерусские тексты интересны и важны для современного исследователя и с точки зрения исторической лексикологии. По ним часто можно проследить значительные изменения семантики слов в истории языка. Так, в описываемой грамоте Герденя за 1264 год читаем: *в которой волости члвкъ извинить^с ту ему правда да^м...* (буквально: *в которой волости человек извинится тут ему правду дать*). В данной фразе значение глагола *извинить* прямо противоположно его современному значению ‘принести извинение кому-либо за что-либо’ и равно современному значению ‘провиниться в чем-либо’.

Грамота Герденя – один из древнейших документов, доносящих до нас название жителей Полоцка и Витебска в той форме, в которой они бытовали во второй половине XIII века: *...с ратьманы рижь^скими и с полочаны и видьбляны...* (древний Тв. п. мн. ч), *...так^ж полочано^м и видиблѧнину волно гости-ти в Ригу...* Обратим внимание на употребленную здесь форму *видьбляны*, которая с 1974 года оспаривается, но которая, по сути, как видим, является древнейшей формой, обозначающей жителей Витебска.

XIII век известен целым рядом документов, дающих представление, с одной стороны, о характере отношений Витебска и Полоцка с прибалтийскими соседями, а с другой стороны, свидетельствующих, что к этому времени уже складывается специфическая система языка северо-восточных белорусских земель, отраженная в устойчивых письменных формах.

Большинство документов – это договоры торгового характера, регулирующие права и ответственность купцов на той и другой территориях. Правда, во многих случаях такие грамоты носят острый, если не сказать ультимативный

характер. Одна из таких грамот известна под названием «Грамота рижан Витебскому князю Михаилу Константиновичу». В памятнике отсутствует указание на дату, но исследователи относят ее к 1300 году [5, с. 43].

Говоря современным дипломатическим языком, мы бы назвали эту грамоту нотой протеста: в ней последовательно высказываются претензии («обиды») к князю Михаилу, указывается на якобы имевшие место нарушения им существующих ранее договоров. Практически все «обиды» касаются притеснения рижских купцов, незаконное, по мнению рижан, изъятие у них товара, отмечаются «коварство», «хитрость» и «жестокость» Витебского князя: «...ту его емъшо били и рвали... и потомъ княжо ты на другыи день емъ его оковаль еси... а товара еси отяль на .г. берковъскы воску... забыл еси княжо своего кр^тнаго челования» (здесь и далее графика текста по техническим причинам упрощена – Л.В).

В грамоте неоднократно напоминает князю Михаилу, что по подписанному ранее договору в случае нарушения купцом каких-либо правил его товар должен быть возвращен его родственникам: «Аже другъ друга оубиеть до смрти . а имоуть того члвка . кто розбой оучиниль . тому дати вина . по его делу . а товаръ его свободень своему племени».

Интересен факт, что князю вменяются в вину не только те факты «конфискации» имущества немецких купцов, к которым князь имел непосредственное отношение – *неправду деяль*, но и случаи «неправды» по отношению к купцам, которые случались на территории княжества вообще: «как то было нашеи братии поехати . изъ витобеска оу смолнескъ . тогда литва изымали ихъ на пути . оу твоємъ городе княжо вязяли ихъ . и мучили и товаръ отимали в нихъ а у твоєи волости ся то деяло». Причем князю выдвигается требование «как то темъ людемъ отплатить . тыи товаръ . которымъ то деюлося оу твоєи волости . и оу твоємъ . городе». В пример Михаилу ставится его отец: «аже бы ся то деяло при твоємъ отчи Костянтине . тая бы обида . николи же была нашеи братьи».

Еще более странными кажутся обвинения в адрес Витебского князя Михаила в том, что он, покупая товар, может не заплатить за него («еси торговаль с нима . и не заплатиль... княжо то было тебе достоино»). Подобное упоминается и о некоем брате князя Михаила, который уплатил купцу Ильбранту вместо положенных тридцати «изроев» только семнадцать.

Текст грамоты заканчивается практически ультиматумом Витебску: «мы свое обиды не положимъ . а боле не можемъ терпети».

Документы XV–XVI века демонстрируют новый этап в развитии языка этих территорий, что отразилось и в текстах, написанных на востоке Белорусского Поозерья.

Среди памятников письменности, которые представляются особенно интересными и полезными для исследователей истории формирования белорусского языка, особое место занимают Актовые книги Витебского земского суда. В том числе документ, датированный 1601 годом. Чуть более 30 лет прошло со дня подписания Люблинской унии. С этого времени более чувствительным становится польское влияние на все стороны жизни Великого княжества Литовского. Как справедливо отмечает А.М. Булыко, в некоторых памятниках этого периода сила польского влияния проявляется настолько выразительно, что рядом с языковыми средствами, оправданными выразительно-коммуникативной функцией, начинают использоваться польские лексические единицы, заимствование которых совершенно не вызвано потребностями собственной лексической системы [6].

Создатели Актовой книги Витебского земского суда отражают взвешенно-объективные тенденции польского влияния на развитие северо-восточных

белорусских говоров. Чтение Актовой книги сегодняшним исторически подготовленным читателем не вызывает впечатления чужеродности языка. Скорее наоборот: язык памятника выступает как прообраз, иллюстрирующий определенную начальную стадию формирования собственно белорусского языка. Текст насыщен лексемами и словосочетаниями, которые, с одной стороны, подчеркивают принадлежность данного языка к системе родственных славянских языков, а с другой стороны, демонстрируют тенденции собственного пути развития. На это указывают такие, например, формы, как *чыим, тогды, тыми, зъневажаючы, не дбаючы, лепей ведаеть, имены назвати умееть, прышодшы до замку* и др.

Как известно, наиболее беззащитной перед иноязычным влиянием является лексическая система языка. Фонетика и грамматика более устойчивы и консервативны. И выводы, полученные в результате анализа этих языковых уровней, отличаются наиболее высокой степенью объективности. Кроме этого, польскоязычное влияние на первой стадии проходило прежде всего через документы, через письмо. Поэтому лексические заимствования и возможны, и понятны. Проявление в тексте фонетических особенностей разговорной речи есть результат, с одной стороны, стремления писца наиболее точно передать установившуюся, «задокументированную» другими текстами фонетическую форму слова, а с другой – часто – подсознательное проявление родной речи автора.

В названной Актовой книге Витебского земского суда последовательно отражаются фонетические процессы, характерные большей части восточнославянских говоров этого времени. И вряд ли здесь можно говорить о польском влиянии. Это, в частности, отражение на письме отвердения шипящих [ж] и [ш], что в тексте обозначается написанием после них гласных непереднего ряда: *постановишысе, набравшысе, пропомневшы, нашого, держыт*. Отверждение [ч] обозначается не только в единичных такого рода полонизмах (*очывисто*), но и во всех без исключения белорусских формах: *лежачый, хотечы, идучом, богушэвчового, чоботора*. То же и относительно нового, отвердевшего [р]: *рымском, прыпалых, грыгорем, прышодшы, писаром*. Кстати, такого рода примеры представляются очень интересными еще и по следующей причине: и у западных, и у восточных соседей эти слова, как известно, имеют отличающееся фонетическое строение, которое отражает специфическую (троичную) историю звука [р]. Сравним: русск. *римский*, белор. *рымскі*, польск. *rymski*. Исходя из этого, можно предположить, что последовательное обозначение твердого [р] на письме может служить аргументом в пользу белорусского происхождения того или иного памятника, что в полной мере относится к анализируемому тексту. Написания в тексте Актовой книги типа *до вradу, вradники* (а может быть, и *набравшысе, пропомневшы*) можно объяснить развитием неслогового белорусского [ў], для обозначения которого еще не было специального знака.

Среди языковых особенностей анализируемого памятника письменности, которые отражают самостоятельные фонетические процессы, протекавшие на данной территории, необходимо отметить и последовательное употребление [з] на месте этимологического [с] в положении перед гласными и звонкими согласными: *збившы, прозбою, зь многими, з одное, зь другое* (но: *с тыми*).

Непосредственным польским фонетическим влиянием можно объяснить разве что только написания типа *кгородские, срокгости, кгвалтовъне, кгвалтом, кгвалтовника, кгда*, где написание *кг* подсказывает необходимость взрывного произношения звука [г]. В большинстве же случаев имеем: *тогда, гсударском, гребницкий, витебского, гончара, слуги* и под. Такое противопоставление написаний [кг] ↔ [г] может свидетельствовать об установлении уже к концу XVI века на территории исконной Руси активного разграничения своего *г*-фрикативного и заимствованного *г*-взрывного.

Как видно, проанализированные здесь некоторые примеры, извлеченные из грамот, отражающих язык древней Витебщины, свидетельствуют, что к концу XVI в. уже складывается специфическая система языка северо-восточных белорусских земель, зафиксированная в устойчивых письменных формах. И развиваются и формируются они на основе прежде всего собственного языкового потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hanna Popowska-Taborska*. Wczesne dzieje słowian w świetle ich języka. – Wrocław, Warszawa, Kraków. – 1991. – P. 146.
2. *Ермаловіч, М.* Старажытная Беларусь / М. Ермаловіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. – С. 149.
3. *Латвійский, Г.* Хроника Ливонии / Г. Латвійский. – Ленинград, 1938. – С. 83, 80.
4. *Калядзінскі, Л.* «Витбеск – три стены каменные...» / Л. Калядзінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 1995. – № 2. – С. 26–27.
5. *Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы*. – Ч. 1 / рэд. Р.І. Аванесаў. – Мінск: Выдавецтва АН БССР, 1961. – С. 87.
6. *Булыка, А.М.* Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. / А.М. Булыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – С. 8.

S U M M A R Y

The article deals with three relics of the written language of ancient Vitebsk. It is stated that the language of these texts characterizes the initial stage of the Belarusian language forming, with the local dialect forms serving as its basis.

Поступила в редакцию 14.12.2007

УДК 801.3

Н.О. Лапушинская

Фразеологизмы с лексемами «названия частей головы» в восточнославянских и западногерманских языках^{*}

Во фразеологии любого языка отражаются видение мира, национальная культура, духовное богатство, эстетические и морально-этические нормы, фантазия и история народа, говорящего на нем. Благодаря фразеологии можно проникнуть в далекое прошлое не только языка, но и истории и культуры его носителей. Фразеология выступает средством коммуникации и является одним из показателей высокой культуры речи. Являясь интереснейшим и богатейшим пластом лексики, фразеология продолжает притягивать внимание лингвистов. Цель данной статьи – установить и описать межъязыковые эквиваленты фразеологизмов в исследуемых языках.

Одним из ведущих аспектов изучения фразеологизмов на протяжении последних нескольких десятков лет является сравнительно-сопоставительный анализ, начало которого было положено в конце 60-х – начале 70-х годов

^{*} Сравнительно-сопоставительный аспект.

XX века трудами З.З. Гатиатуллиной, Ю.А. Долгополова, А.Д. Зинькова, А.Д. Райхштейна, В.П. Скнара и других исследователей фразеологии германских языков, ибо данные сравнительно-сопоставительных фразеологических исследований имеют большое значение для общелингвистической проблематики, теории и практики перевода, двуязычной лексикографии и преподавания иностранных языков.

Особое внимание в лингвистическом сопоставлении уделяется выявлению общих, сходных, интегрирующих и дифференцирующих признаков в тех фактах языка, которые подвергаются сопоставлению. Это касается и фразеологизмов разных языков, которые могут исследоваться в сопоставительном, структурно-типологическом и ареальном аспектах в зависимости от их генетических и культурно-исторических связей.

Сравнительно-сопоставительный анализ устанавливает:

- глубинные сходства и различия между фразеологическими единицами изучаемых языков, а также экстралингвистические факторы, которыми они обусловлены;
- типологическую характеристику строения рассматриваемых объектов и на ее основе специфические национальные черты;
- особый компонент, который может быть назван национально-культурным [1].

Кроме чисто лингвистического аспекта этот метод имеет и прикладной характер: при изучении сопоставляемых языков выявляются максимально близкие по значению фразеологические эквиваленты, что важно для переводчиков и просто изучающих язык.

Учитывая специфику изучаемого фразеологического материала, при исследовании структурно-семантических соответствий фразеологизмов с лексемами, обозначающими «названия частей головы», восточнославянских и западногерманских языков (а именно: русского, белорусского, немецкого, английского и нидерландского) мы будем опираться на классификацию типов межъязыковых фразеологических соответствий, ориентированную на описание межъязыковых соответствий ФЕ с компонентами-соматизмами и разработанную Т.Н. Федуленковой [2].

Однако следует отметить тот факт, что при выявлении межъязыковых фразеологических эквивалентов мы посчитали нужным модифицировать и расширить предложенную Т.Н. Федуленковой классификацию и добавить еще три разновидности эквивалентов, а именно: синтаксические, лексико-синтаксические и количественно-синтаксические варианты, поскольку, как нам представляется, такой подход к классификации более точно отражает специфику степени полноты межъязыковых соответствий исследуемых ФЕ.

Межъязыковые отношения ФЕ могут быть двух видов:

- эквивалентные ФЕ и
- безэквивалентные ФЕ.

В зависимости от степени полноты межъязыковых соответствий эквивалентные ФЕ сопоставляемых языков могут быть описаны в следующих терминах:

1. **Межъязыковые тождества** – ФЕ, тождественные по содержанию, совпадающие в сопоставляемых языках по структурной организации и лексико-морфологическому составу знаменательных и служебных компонентов. Например:

сами с усами – самі з вусами;

подставлять лоб под пулю – падстаўляць лоб пад кулю;

уплестать за обе щеки – уплятаць за абедзве шчакі;

губа не дура – губа не дура;

капать на мозги – капаць на мазгі;

маковой росинки во рту не было – макавай расінкі ў роце не было;

не верить своим ушам – seinen Ohren nicht trauen – zijn oren niet geloven;

злые языки – злыя языкі – böse Zungen;
делать большие глаза – große Augen machen;
иметь перед глазами – vor Augen haben;
стоять перед глазами – vor Augen stehen;
лицо в лицо – face to face;
око за око, зуб за зуб – вока за вока, зуб за зуб – Auge um Auge, Zahn um Zahn – oog om oog, tand om tand;
делать большие глаза – make big eyes;
верить своим собственным глазам – believe one's own eyes и др.

Такие межъязыковые фразеологические эквиваленты, как *делать большие глаза – große Augen machen*, на первый взгляд, можно было бы отнести к синтаксическим вариантам, т.к. данные фразеологизмы отличаются порядком слов. Действительно, в русском, белорусском и английском языках словосочетания, в состав которых входит глагол, начинаются с последнего. Порядок слов в аналогичных словосочетаниях в немецком и нидерландском языках отличается тем, что глагол выносится на последнее место. Однако мы считаем, что подобные эквиваленты являются тождествами, т.к. при употреблении данных фразеологизмов в предложении эта разница теряется: *он сделал большие глаза – er machte große Augen*.

2. Межъязыковые лексические варианты – ФЕ, тождественные по содержанию, совпадающие в сопоставляемых языках по структурной организации, морфологическому оформлению компонентов, имеющие межъязыковой лексический инвариант, но различающиеся разнокоренными знаменательными и/или служебными компонентами с тождественным или нетождественным значением. Например:

сорваться с языка – зляцець з языка;
шевелить мозгами – круціць мазгамі;
лишний рот – useless mouth;
с гулькин нос – з камароў нос;
прожужжать все уши – пратрубіць усе вушы;
раскинуть мозгами – раскінуць галавой;
с ветерком в голове – з ветрам у галаве;
попадать на зубок – пападаць на зуб;
сделать большие глаза – große Augen bekommen – grote ogen opzetten;
строить глазки – Augen machen – make eyes и др.

Такие фразеологические эквиваленты, как *с ветерком в голове – з ветрам у галаве; вешать головушку – вешаць галаву*, являются лексическими, а не морфологическими вариантами, т.к. дериваты, образованные с помощью уменьшительно-ласкательных и суффиксов субъективной оценки, – в русском и белорусском языках самостоятельные слова, а не формы слов, от которых они происходят, ибо имеют собственные парадигмы склонения, образования множественного числа.

3. Межъязыковые лексико-квантитативные варианты – ФЕ, проявляющие способность к такой лексической вариантности, которая влечет за собой изменения в количественном составе компонентов. Например:

выравнивать мозги – ставіць мазгі на месца;
класть голову порукой – класці галаву на калодку;
ни в зуб толкнуть – ані ў зуб;
чёрт дёрнул меня за язык – чорт пацягнуў за язык и др.

4. Межъязыковые синтаксические варианты – ФЕ, тождественные по содержанию, морфологическому оформлению компонентов, имеющие межъязыковой лексический инвариант, но различающиеся своей синтаксической организацией. Например:

голова соломой набита – салома ў галаве;
голова мякиной набита – мякіна ў галаве;
выбивать дурь из головы – выбіваць з галавы дур;
уши режет – рэжа вушы и др.

5. Межъязыковые лексико-синтаксические варианты – ФЕ, совпадающие по содержанию, морфологическому оформлению компонентов, но различающиеся своей синтаксической организацией и разнокоренными знаменательными и/или служебными компонентами с тождественным или нетождественным значением. Например:

уши дерёт – рэжа вушы;
очертя голову – на скрут галавы;
куда глаза девать – недзе вочы дзяваць;
кровиночки в лице нет – ні крывіначкі ў твары; без крывіначкі ў твары;
невооружённым глазом – mit nacktem Auge – with the naked eye и др.

6. Межъязыковые лексико-грамматические варианты – ФЕ, тождественные по содержанию, имеющие в сопоставляемых языках межъязыковой лексический инвариант, но различающиеся разнокоренными знаменательными и/или служебными компонентами с тождественным или нетождественным значением, морфологической формой знаменательного компонента, а также типом синтаксических конструкций. Например:

язык сломаешь – sich die Zunge verrenken;
с разинутым ртом – mit offenem Munde dastehen – met open mond kijken;
глядеть другими глазами – mit anderen Augen betrachten – look with another eye upon smth. – iets met andere ogen zien;
в одно ухо влетает, в другое вылетает – zum einen Ohr hinein-, zum anderen wieder hinausgehen – in at one ear and out at the other – het gaat ene oor in en het andere oor uit и др.

7. Межъязыковые морфологические варианты – ФЕ, тождественные по содержанию, совпадающие в сопоставляемых языках по структурной организации и лексическому составу знаменательных компонентов, но различающихся морфологической формой знаменательного компонента и/или служебными компонентами (артиклиями и их заместителями). Например:

нос в нос – носам у нос;
между / меж четырёх глаз – unter vier Augen;
с головы до ног – von Kopf bis Fuß и др.

8. Межъязыковые лексико-морфологические варианты – ФЕ, тождественные по содержанию, совпадающие в сопоставляемых языках по структурной организации и имеющие межъязыковой лексический инвариант, но различающиеся внутренней формой знаменательного компонента, а также морфологической формой знаменательного компонента и/или служебными компонентами (артиклиями и их заместителями). Например:

с носа – pro Nase;
прожужжать все уши – die Ohren vollschreien / vollblasen;
прийти в голову – zu Kopf steigen и др.

9. Межъязыковые грамматические варианты – ФЕ, тождественные по содержанию, совпадающие в сопоставляемых языках по лексическому составу знаменательных компонентов, но различающиеся морфологической формой знаменательного компонента и/или служебными компонентами (артиклиями и их заместителями), а также типом синтаксических конструкций. Например:

закусить губы – sich auf die Lippen beißen – op zijn lippen bijten;
вешать голову – den Kopf hängen lassen – het hoofd laten hangen;
совать свой нос – seine Nase in alles stecken; seine Nase in alle Töpfe stecken – zijn neus overall insteken;

*рвать на себе волосы – sich (D) die Haare ausreißen – tear one's hair [out];
забрать себе в голову – take it into one's head* и др.

10. **Межъязыковые лексико-морфолого-квантитативные варианты** – ФЕ, тождественные по содержанию, имеющие в сопоставляемых языках межъязыковой лексический инвариант, но различающиеся разнокоренными знаменательными и/или служебными компонентами с тождественным значением, морфологической формой знаменательного компонента, а также количественным составом компонентов. Например:

*каша во рту – einen Kloß im Mund haben;
зажимать рот – stop smb.'s mouth;
для прекрасных глаз – for smb.'s fair eyes;
пелена спадает с глаз – die Binde fällt von den Augen – de schellen vallen
van de ogen ударить в голову – go to smb.'s head;
голова кружится – der Kopf raucht* и др.

11. **Межъязыковые морфолого-квантитативные варианты** – ФЕ, тождественные по содержанию, совпадающие в сопоставляемых языках по лексическому составу знаменательных компонентов, но различающиеся морфологической формой знаменательного компонента и/или служебными компонентами (артиклими, их заменителями), что сопровождается изменением количественного состава компонентов. Например:

*по уши – bis über die Ohren – up to the ears – tot over de oren;
смеяться в бороду – laugh in one's beard;
горячая голова – a hot head;
ломать себе голову – sich (D) den Kopf zerbrechen – zijn hoofd breken;
из-под носа – vor der Nase – from under one's nose* и др.

12. **Межъязыковые квантитативно-синтаксические варианты** – ФЕ, тождественные по содержанию, совпадающие в сопоставляемых языках по лексическому составу знаменательных компонентов, но имеющие различия в синтаксической организации, обуславливающие также изменения в количественном составе. Например:

*чтоб у тебя язык отсох – каб язык адсох;
вертится на кончике языка – верціцца на языку;
крошки во рту не было – і крошкі ў роце не было;
не видеть дальше своего носа – nicht weiter sehen als seine Nase [reicht] –
see no further than one's nose – niet verder kijken dan zijn neus lang is* и др.

13. **Межъязыковые синонимы** – ФЕ, тождественные по содержанию, представляющие собой одноструктурные или разноструктурные образования, различающиеся в сопоставляемых языках лексико-компонентным составом. Например:

*дерзкий на язык – Haare auf den Zähnen haben;
злой на язык – ein ungewaschener Mund;
клевать носом – kleine Augen machen;
давать голову на отсечение – l'll eat my head;
в затылок – Kopf an Kopf* и др.

Исходным пунктом при установлении эквивалентности явились русские фразеологизмы с лексемами со значением «названия частей головы». Для 735 русских ФЕ были установлены межъязыковые соответствия различной степени структурной и лексической соотнесенности. В ходе исследования были выявлены также эквиваленты, тождественные и имеющие лексико-грамматические различия, в белорусском и немецком, в белорусском и английском, в белорусском и нидерландском, в немецком и английском, в немецком и нидерландском, в немецком, английском и нидерландском, в английском и нидерландском языках (например, *laugh in one's beard – in zijn baard*

lachen; the eyes are the mirror of the soul – de ogen zijn de spiegels der ziel и др.), но такие соответствия не являются объектом нашего исследования, так как цель данной работы – выявить в исследуемых языках эквиваленты для русских фразеологизмов и описать их.

Полученные в ходе исследования данные статистически характеризуются следующим образом. Языковым материалом явились 845 русских, 789 белорусских, 767 немецких, 593 английских и 662 нидерландских ФЕ, отобранных из фразеографических фондов [3–12]. Из 845 фразеологизмов русского языка, содержащих в качестве компонента названия частей головы, 735 имеют межъязыковые тождественные либо структурно-лексические либо синонимические соответствия среди подобных ФЕ белорусского и западногерманских языков. Межъязыковых тождеств выявлено 349 (что составляет 47,48% от общего количества русских ФЕ, для которых установлены эквиваленты), межъязыковых лексических вариантов – 63 (8,57%), межъязыковых лексико-квантитативных вариантов – 4 (0,54%), межъязыковых синтаксических вариантов – 7 (0,95%), межъязыковых лексико-синтаксических вариантов – 13 (1,77%), межъязыковых лексико-грамматических вариантов – 54 (7,35%), межъязыковых морфологических вариантов – 22 (2,99%), межъязыковых лексико-морфологических вариантов – 8 (1,09%), межъязыковых грамматических вариантов – 19 (2,59%), межъязыковых лексико-морфолого-квантитативных вариантов – 77 (10,48%), межъязыковых морфолого-квантитативных вариантов – 53 (7,21%), межъязыковых квантитативно-синтаксических вариантов – 20 (2,72%), межъязыковых синонимов – 46 (6,26%).

Из вышеизложенного следует, что как внутри восточнославянских, так и внутри западногерманских языков среди межъязыковых эквивалентов фразеологизмов с лексемами, обозначающими «названия частей головы», преобладают межъязыковые тождества и межъязыковые лексические варианты, что объясняется родством данных языков. При выявлении эквивалентов для русских исследуемых ФЕ среди аналогичных западногерманских фразеологизмов отмечено больше различий в межъязыковых вариантах ФЕ. Различия наблюдаются на семантическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом уровнях, т.е. имеют как лексический, так и структурно-грамматический характер. Это объясняется тем, что восточнославянские и западногерманские языки не являются между собой близкородственными. Но то, что эти языки все-таки находятся в родственных отношениях, так как принадлежат к одной – индоевропейской семье, – позволило выделить большое количество межъязыковых соответствий фразеологизмов с лексемами, обозначающими «названия частей головы».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аксамітаў, А.С.** Беларуская фразеалогія ў адносінах да польскай і рускай: параўнальна-тыпалагічны аспект / А.С. Аксамітаў // Роднае слова. – 2001. – № 7. – С. 34.
2. **Федуленкова, Т.Н.** Проблема общего и специфического в соматической фразеологии некоторых германских языков. (На материале английского, немецкого и шведского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04; 10.02.20 / Т.Н. Федуленкова; Московский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени гос. пед. ин-т. – М., 1984. – С. 5–7.
3. **Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв.** / под ред. А.И. Федорова. – М., 1995.
4. **Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей** / Л.А. Войнова [и др.]; под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986.
5. **Лепешаў, І.Я.** Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: у 2 т.: каля 6000 фразеалагізмаў / І.Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 1993.
6. **Бинович, Л.Э.** Немецко-русский фразеологический словарь / Л.Э. Бинович; под ред. С.И. Константиновой. – М., 1995.

7. **Duden.** Band 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten (idiomatisches Wörterbuch der deutschen Sprache). – Mannheim: Dudenverlag, 1992.
8. **Кунин, А.В.** Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М., 1984.
9. **Longman.** Language Activator. The World's First Production Dictionary. – Longman Group UK Limited, 1993.
10. **Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.** – Oxford University Press, 1974.
11. **Apeldoorn, C.G.L.** Speekwoorden verklaard / C.G.L. Apeldoorn, R. Van Riet. – Prisma: Taal, 1994.
12. **Idiom woordenboek.** – Utrecht / Antwerpen: Van Dale Lexicografie, 1999.

S U M M A R Y

The distinctions in the inter-language conformities of phraseological units having the lexemes with the meaning of «the names of parts of the head» of the East-Slavic and the West-German languages are observed at morphological, lexical, syntactic, semantic levels, and this allowed to define 13 versions of conformities.

Поступила в редакцию 27.06.2007

УДК 808.2-01

О.А. Тулинова

Механизмы представления референции в бэджевых текстах

Целью данной работы является рассмотрение основных стратегий, соблюдение которых позволяет адекватно оценить перемещения референта, обозначенного бэджевым текстом, в структуре коммуникативного акта, а также анализ действия механизмов идентификации и коидентификации при использовании бэджевых текстов в различных типах речевого общения. Учитывая, что бэджевые тексты – явление достаточно новое, специальной литературы, посвященной их исследованию, нет. При подготовке статьи использовались работы лингвистов, исследующих вербальную коммуникацию, структуру и типы речевых актов и теорию референтности.

Методологическую основу данного исследования составляют метод дистрибутивного анализа, описательный и структурный методы.

Существует ряд правил, регулирующих приемы транспорта референта посредством бэджа: правило стереоскопии, правило унитарности, правило изоморфизма, правило панорамы, актуальной задачей остается их анализ.

Правило стереоскопии (от греч. stereos – ‘пространственный’) основывается на постулате: «предмет не характеризуется односторонне, между тем как другие его стороны вообще остаются вне поля зрения» [1]. Стереоскопичность базируется на эффекте объемного, перспективного видения коммуникантами предмета речи, позволяет оптимально учесть особенности конкретной речевой ситуации. Только следуя правилу стереоскопичности, можно решить, какие именно из сторон референта необходимо представить в данном случае, какие можно опустить: *Почему все люди как люди, а я такой красивый?; А вы думали, синий экранчик – это Нортон?* Сфокусированность же внимания общающихся на референте в процессе коммуникации означает лишь способность постоянно держать «референт в целом» в поле зрения коммуникантов.

Коммуникативные стратегии, которые отвечают правилу стереоскопии, во все не предполагают рассмотрения референта с каких-либо определенных (неважно – существенных или несущественных) сторон. Понятно, что пресуппозиции как набор предварительных знаний о референте всякий раз обеспечивают коммуникантам иной набор признаков референта, подлежащих обсуждению, – в зависимости от того, какие из признаков референта в данном случае не вошли в набор пресуппозиций.

Признаки эти могут быть как основными (при необходимости совместно понять природу референта, например: *Алкоголь вызывает кратковременное расширение сосудов и круга друзей*), так и факультативными (при необходимости совместно рассмотреть какие-то частные его свойства, например: *Буря мглою небо кроет, вперемешку с русским матом; В России две радости – дураки и дороги. Без них мы стали бы заурядной европейской страной*). Все, что принимается, так сказать, по умолчанию, остается за рамками данного коммуникативного акта, но возможность при желании или при необходимости воспользоваться и этими сведениями должна оставаться открытой.

Правило панорамы заключается в том, что предмет не берется изолированно, вне его связи с другими предметами данной предметной группы, и с предметами, входящими в другие (смежные) предметные группы. Таким образом, правило панорамы есть правило создания ближайшего контекста: *Американские самолеты и российские ракеты просто созданы друг для друга; А че значит – девка хоть куда?*

«Тот факт, что референт находится в фокусе, отнюдь не означает, что в поле зрения говорящего не попадает ничего другого. 'Ближайшее окружение' референта видно менее отчетливо, но тем не менее присутствует, и обрывать эти естественные связи референта с соответствующей референтной группой и даже с близлежащими референтными группами не особенно прагматично».

Коммуниканты должны действительно хорошо представлять себе, до какой степени естественны связи, ими актуализируемые. Сведения, естественные для адресанта, отнюдь не так естественны, по крайней мере, для некоторых из адресатов: *Нам не заменят ДОС'а простоту заманчивые окна пополамов!; ...И молодая не узнает, какой у парня был CONNECT...*

Многое при следовании правилу панорамы зависит не от того, насколько удачно найден референт в пределах той же или смежной референтной группы, а от того, насколько легко можно воспользоваться предложенным панорамным ракурсом. Ведь вполне мыслимы коммуникативные стратегии, когда интересующий нас референт легче прояснить с помощью далекой аналогии (не-смежной референтной группы) или с помощью вовсе даже не-анalogии: *Какие это деньги? Это сдача!!!; Амбиции – это как член в метр длиной: очень круто и совершенно бесполезно; Вы киллер или просто для души?*

Любая дефиниция (включая самые сухие, такие, например, как отсылка к соответствующему роду, ср.: *Кулер тоже вертолет. Только маленький еще*) предполагает большее или меньшее панорамирование с захватом смежных видов.

Вот почему соблюдение правила панорамы практически неизбежно: вопрос только в том, что именно попадает в поле зрения коммуникантов при осуществлении панорамирования. Решение этого вопроса, как мы уже видели, прагматически очевидно: в поле зрения попадает (и должно попадать) то, чем действительно можно воспользоваться.

Правило унитарности заключается в том, что преимущественного права на «владение предметом» в ходе коммуникативного акта не имеет ни одна из сторон. Это правило предполагает разговор о равноправии коммуникантов по отношению к референту в условиях коммуникативного акта.

Следует отметить, что в процессе общения с использованием бэджевых текстов иногда возникают ситуации, когда правило унитарности не соблюдается. Как и в случае с нарушением других правил принципа транспорта референта, несоблюдение этого правила может привести к тому, что контакт коммуникантов приобретет характер фатического акта, т.е. референт будет потерян в ходе коммуникации: *Лысый конному, не пеший. На безрыбье и панки соловьи.*

Для соблюдения правила унитарности адресант «обязан, скорее, осуществить предварительную работу по оценке собственных пресуппозиций (решив вопрос, насколько они приемлемы и для других), а также предварительную работу по оценке собственных представлений о фрейме (решив вопрос, насколько они присущи собеседнику), чем гадать насчет пресуппозиций и представлений о фрейме, свойственных партнеру» [1, с. 171].

Учет этих параметров требует от адресанта учитывать право адресата «не знать» референт, т.е. конкретно адресант обязан предвосхитить возможные вопросы и недоумения собеседника, а также отчетливо указать ему направления поиска нужной дополнительной информации: *Не бывает некрасивых женщин, бывают трусливые мужчины.* Соблюдение же правила унитарности будет состоять в том, чтобы не считать само собой разумеющимся для адресата то, что является само собой разумеющимся для адресанта.

Правило изоморфизма базируется на утверждении: предметом не оперируют, искажая его внутреннюю структуру или деформируя его. Данный принцип предполагает, что референт и его вербальный эквивалент должны находиться в отношениях соответствия друг другу.

Для успешного осуществления коммуникативного акта необходимо, «чтобы предмет, представленный посредством слов, давал по возможности адекватное представление о реальном предмете» [1, с. 171]: *Объем бицепсов, умноженный на IQ, всегда равен 69. Подарки на 23-е февраля – это инвестиции в подарки на 8-е марта.*

Понятно, что деформация может быть грубой, т.е. приводящей к прямому искажению референта. Однако некоторые бэджевые тексты и ставят целью исказить референт для достижения определенной коммуникативной цели: *Если б я был султан, я б имел (...трех жен, однако в бэджевом тексте концовка знаменитой фразы опускается, т.к., используя данный бэдж, адресант не ставит целью напоминание цитаты из песни, а преследует иную цель – создание ситуации, требующей домысливания).* Так, передавая кому-нибудь информацию, базирующуюся на непроверенных слухах и на самом деле не отвечающую реальному положению вещей, инициатор коммуникативного акта не только вступает в конфликт с критерием истинности коммуникативного кодекса, но и совершает «преступление» по отношению к референту, не гарантируя его неискажения: *Есть два способа управлять женщинами, но никто не знает какие.*

Разумеется, «поправки на точность» сведений следует делать всегда, но нужно помнить и о том, что грубые искажения референта (даже если на момент взаимодействия они не приводят к провалу коммуникативной стратегии) в перспективе способны аннулировать результат, достигнутый в ходе коммуникативного акта.

«Какие стратегические ходы можно предложить во избежание подобных печальных последствий? Таковыми являются ходы, направленные на выполнение правила фиксирования референта. Правило же это предполагает не только осознание каждого речевого действия как имеющего отношение к референту, но и постоянное вербальное воспроизведение референта в тексте»

[1, с. 143]: *Да пошли вы все! И они пошли... Все...; Если женщина говорит мужчине, что он самый умный, значит, она понимает, что второго такого дурака она не найдет.*

В основном выполнение правила фиксирования референта осуществляется за счет кросс-референции.

Кросс-референция (иногда в зарубежной литературе она еще называется анафорой) – это отсылка к упомянутому ранее предмету, или процесс обращения к референту по мере продвижения в тексте, т.е. процесс периодического возврата к тому или иному предмету, находящемуся в поле зрения.

Кросс-референция – одно из поздних «приобретений» лингвистики (заимствованное фактически из логики), причем лингвистики текста (т.е. раздела лингвистики, изучающей не язык вообще, а только язык, зафиксированный в форме текста). Важность этого приобретения необычайно велика: обнаружив процесс кросс-референции, лингвисты тем самым обнаружили, «что именно прежде всего структурирует текст как целое; почему структура текста не распадается на части (почему текст остается связным); каким образом происходит передача сведений по поводу референта».

Ведущим видом референции в ходе коммуникативного акта является идентифицирующая референция, которая предполагает опознание уже знакомого предмета на каждом новом этапе коммуникации. Линейность процесса коммуникации обуславливает многократное упоминание референта: либо целиком, либо отдельной его части, либо его признака, ведь коммуниканты должны постоянно отдавать себе отчет в том, идет ли речь о том же самом предмете или уже о другом. Попутно движение референта в границах коммуникативного акта обогащает его новыми признаками, совокупность которых в идеале все полнее и полнее очерчивает референт, делая его все более и более пригодным именно для данной речевой ситуации: *Если мужчина может дать женщине все, что она просит, значит, она просит очень мало; Жизнь – как зебра: белое, черное, белое, черное, белое, черное, жопа!!!; Идеальный мужчина не пьет, не курит, не играет на скачках, никогда не спорит и не существует.*

В некоторых исследованиях такое обогащение референта новыми признаками на разных этапах его развертывания называют референциальной историей. Референциальная история дает возможность определить разницу между стартовыми знаниями коммуникантов о референте и их знаниями о нем на выходе из речевой ситуации: *Вышел покурить, а там наплевано. Вышел поплевать, а там накурено; Вышла Василиса Прекрасная за Ивана Дурака и стала Василиса Дурак.*

Кросс-референция есть тип идентифицирующей референции, и в этом смысле ее можно определить как идентифицирующую референцию, последовательно осуществляемую на протяжении всего коммуникативного акта и являющуюся главным средством презентации референциальной истории. Кросс-референция осуществляется за счет многократных повторов «имени» референта. Повторы эти не всегда являются бесконечно воспроизводящимися одними и теми же словами: неумение варьировать отсылки к референту всегда оценивается как прагматическая беспомощность говорящего, с одной стороны, и как неточное знание референта – с другой: *Мудрость не всегда приходит с возрастом. Бывает, что возраст приходит один; Перед девушкой всегда стоит непростой выбор – либо потерять невинность в борьбе за любовь, либо потерять любовь в борьбе за невинность.* Повторы могут осуществ-

ляться за счет одного слова или нескольких слов, либо за счет предложения.

Как сказано, кросс-референция является одним из выражений правила фиксирования референта. Однако сама по себе кросс-референция не правило, это, скорее, неизбежность, с которой сталкивается каждый говорящий. Иными словами, не осуществить кросс-референцию при построении коммуникативного акта невозможно. Однако возможно осуществлять ее некорректно, вследствие чего может нарушиться установленный контакт либо реципиент может утратить предлагаемый референт, что приведет к явной коммуникативной неудаче.

В связи с этим возникает ряд проблем, связанных с возможностью адекватного восприятия бэджевых текстов с целью избежания коммуникативных неудач. На референцию бэджей, а значит, и на успешность коммуникативного акта с их использованием коренным образом влияют различия уровня знаний носителей языка в области грамматики, синтаксической связности, денотативной наполненности предложений и высказываний, а также наличие или отсутствие информации о самих событиях, ситуации или контексте и когнитивных пресуппозициях.

Однако единого и однородного процесса понимания достичь практически невозможно, поскольку «в разных ситуациях пользователи языка демонстрируют различное понимание разных типов текста» [2, с. 162]. Залогом успешности любой коммуникации является стремление к взаимопониманию между участниками речевого акта.

Сам принцип идентификации, положенный в основу механизма референции, «подчеркивает связь между определенной референцией и способностью говорящего дать идентифицирующую дескрипцию объекта-референта» [3].

Идентифицирующая функция референтного бэджевых текста обеспечивает идентификацию предмета относительно действительности и идентификацию предмета по отношению к тексту, т.е. указанию на кореферентность обозначающих один и тот же предмет выражений: *8 Марта – это 23 Февраля по старому стилю; А мирный герцог в Англии – пис джук*. Поэтому разнообразные типы коммуникативных ситуаций зависят прежде всего от действия в них механизмов референции и кореференции (идентификации и коидентификации).

Идентифицирующая референция наиболее ярко представлена в бэджевых текстах, содержащих такие высказывания, в которых речь идет о предметах, хорошо известных как адресанту, так и адресату. В таких конструкциях предпочтение отдается прежде всего номинативным средствам языка – именам собственным или словам с «координатными» [4] значениями, содержащими область референции (экстенционал) от класса до индивида: *Работаю как Папа Карло, а получаю как Буратино; Говорит Москва, все остальные работают; «Имидж – ничто, жажда – все!» – оправдывался братец Иванушка, нервно цокая копытцем; Не бойся, конец света – не сегодня. В Австралии уже наступило завтра*.

Установлению кореферентности с высокой степенью достоверности способствует:

1. Наличие в тексте бэджа анафорических связей, устанавливающих референциальное тождество: *Моя жена не француженка, это ее хулиган научил* (местоимение «ее» кореферентно именной группе «моя жена»).
2. Полное или краткое наименование, которое содержит в себе имя собственное: *Самый известный полупроводник – Иван Сусанин; А Мишель Кондесю – жадина*.

3. Имя нарицательное, представленное существительным-классификатором, которое отражает определенные признаки референта, например, должность или род занятий персоны, организационно-правовую форму или форму хозяйственной деятельности предприятия и др.: *Во имя процесса-отца, процесса-сына и святого root'a... АМИНЬ!; Если б я был султан, я б имел.*

4. Относительное местоимение *который* в любой грамматической форме. Это местоимение не имеет анафорических референтов и в норме кореферентно последней ближайшей именной группе из того же предложения, согласованной по роду-числу и представленной в виде придаточной части: *Если вечером в ресторане видишь мужчину с девушкой, которая выглядит как его дочь, то это не его дочь; И все его существо переполнилось единым порывом того восхищения, которое русский человек может выразить только коротким матерным возгласом...; Люди, которые думают, что они все на свете знают, жутко раздражают нас; людей, которые действительно все на свете знают!*

5. Личное местоимение третьего лица единственного числа (*он, она, оно*) в именительном падеже. Антропоцентрический характер языка и мышления обнаруживается в том, что названия одушевленных предметов стремятся занять в предложении позицию субъекта – подлежащего. В результате на практике референтов личных местоимений в номинативе можно с высокой вероятностью отождествлять с одушевленными предметами (чаще персонами и реже организациями), упомянутыми в двух предшествующих предложениях и согласующихся по роду-числу: *Вот пошлешь дурака за бутылкой, так он, дурак, одну и принесет; Господь любит идиотов. Он столько их создал!; Дайте американцу точку опоры, и он положит на нее ноги; Дайте студенту точку опоры – и он уснет!*

Таким образом, следование определенным правилам транспорта референта и учет действия механизмов идентификации и коидентификации при использовании бэджевых текстов в различных типах речевого общения способствуют успешному протеканию процесса коммуникации и позволяют избежать коммуникативных неудач.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клюев, Е.В.* Речевая коммуникация / Е.В. Клюев. – М., 1998. – С. 165.
2. *Ван Дейк, Т.А.* Стратегии понимания связного текста / Т.А. Ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 162.
3. *Серл, Дж.Р.* Референция как речевой акт / Дж.Р. Серл // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции) – М.: Радуга, 1982. – С. 193.
4. *Арутюнова, Н.Д.* Лингвистические проблемы референции / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). – М.: Радуга, 1982. – С. 21.
5. *Арутюнова, Н.Д.* Референция / Н.Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь: Языкознание. – М., 1998.
6. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и описания языков / А. Вежбицкая. – М., 1999.

S U M M A R Y

In the article the main ways of reviewer's definition by the means of badge texts are analyzed.

Поступила в редакцию 28.09.2007

Т.Ф. Плеханова

Риторическая метафора в художественном дискурсе

Современные исследования художественного текста исходят из понимания текста как дискурса, который представляет собой пространство высказываний разных субъектов. В пределах этого дискурсивного пространства формируется определенная стратегия речи персонажей, создается их разделенный смысл и задается программа интерпретации текста. Однако реальная картина того, как происходят все эти процессы, еще далека от ясности. На повестку дня вынесены также многие вопросы, связанные с дискурсивной интерпретацией традиционных стилистических приемов и выразительных средств языка. Постановка этих вопросов и поиск ответов на них, как и на другие вопросы, возникающие в связи с дискурсивной характеристикой художественного текста, могут оказаться плодотворными в рамках металингвистики М.М. Бахтина [1], которая является одним из вариантов новой риторики. В русле металингвистической, или новориторической, парадигмы художественный текст анализируется как интенциональный объект, в котором нужно установить связи, диалогические отношения между языковыми структурами и реализованными в них интенциями говорящих, особенностями их личности, когнитивными установками и другими факторами, которые, с одной стороны, формируют коммуникативную стратегию, а с другой – задают грамматику говорящего. Коммуникативная стратегия задает также и образный строй речи.

Художественный дискурс характеризуется способностью создавать множество смыслов на ограниченном участке текстового пространства благодаря ассоциативному сближению далеких и разных понятий и явлений. Этот процесс составляет суть образной номинации. Как известно, образность является главной отличительной особенностью художественного дискурса [2] – она способствует реализации эстетических задач автора: яркий образный дискурс не только делает почти ощутимым возможный мир, творимый автором, но и дает представление о мировосприятии, настроении, речевой стратегии или интенции, а также о национальных особенностях картины мира автора. Образная картина мира предстает как результат процессов метафоризации и номинации, в которых реализуется креативность языка. Именно эти процессы лежат в основе формирования сложного и многослойного художественного смысла, усиления его аксиологического аспекта. Номинация как «единственная рефлексивная сущность языкового знака» помогает «выявить и конкретизировать коммуникативно-прагматические составляющие смысла» [3], так как суть номинации раскрывается в единстве с коммуникацией, со всей речевой деятельностью человека, которая обуславливается «его коммуникативными потребностями, его интенциями, содержанием того, что подлежит объективации вовне, а значит, вербализации» [4].

Обычно образность связывают с тропами – стилистическими приемами, основанными на переносе значения, или «переименовании», которое «представляет собой совмещение двух семантических планов в единице формы» [5], т.е. когда предмет или явление, имеющие свои имена, называются непривычно (*совесть-страж, лицо-маска, люди-роботы* и т.п.). В художественном

дискурсе создаются, как правило, яркие индивидуально-авторские образы: *Take away love and our earth is a tomb* (Browning).

Однако, на наш взгляд, интерес представляют и те случаи, когда образ рождается на основе языковых образных средств, ставших клише, «с ослабленным или вовсе утраченным образным элементом и эстетическим потенциалом» (*закат жизни*). Речь идет о так называемой «риторической метафоре», включающей все случаи олицетворения (*море успокоилось, лес уснул*) [6]. В подобных случаях образ возникает в результате системы номинаций, составляющей номинативную сеть художественного текста, которая становится основой или программой интерпретации последнего.

Начальным моментом в анализе номинативной сети художественного текста является выявление ключевых слов, которые, согласно Ю.Н. Караулову, образуют семантико-тематическое поле, создающее некоторое смысловое сгущение в тексте, стимулирующее рефлексивные усилия читателя [7].

Риторическая метафора оказывается главной опорой диалогического пространства текста, в рамках которого и реализуется образный потенциал обычной, на первый взгляд, номинации.

Так, в рассказе Дж. Голсуорси «Лес» («*Timber*») [8] центральную номинативную цепочку составляют слова: *timber – wood – forest*. Все они означают лес, но разный: *timber* – это строевой лес, лесоматериал, древесина; *wood* – это живой лес, роща; *forest* – это лес как территория, лесной массив. Все эти различия синонимов обыгрываются в рассказе, при этом автор выдвигает на первый план не их сопоставленность, а их противопоставленность по признаку «живой – мертвый».

Слово «*timber*», выдвинутое в сильную позицию, задает не только то, что Ю. Лотман называет структурным напряжением текста, но и перспективу читательского видения событий в тексте, его «прагматический фокус» [9]. В обозначенной номинативной цепочке находит отражение авторский замысел: показать сложные отношения человека и природы. Бездушное и бездумное отношение к лесу, к тому, что создается в течение долгих лет целыми поколениями людей, оборачивается страшными потерями для человека, не понимающего истинной ценности природных богатств.

Герой рассказа сэр Артур Хирриз, являясь владельцем поместья, решает во время войны продать свой лес государству, так как лес нужен стране (он идет на нужды обороны), и государство хорошо платит, покупая лес по очень высокой цене. Руководимый тем, что автор называет «*patrio-profiteering*» (спекулянтским патриотизмом), сэр Артур совершает выгодную сделку и отправляется напоследок перед ужином в проданный им лес, чтобы прогуляться и проститься с лесом. Но неожиданно для себя он теряет в лесу, который был знаком ему с детства, чувствует его враждебность, а с наступлением сумерек замерзает и умирает, проклиная этот лес.

Слово «*timber*», являясь ключевым, повторяется в рассказе 19 раз. Из них 7 словоупотреблений – в сочетании с притяжательным местоимением *his* (свой). При этом следует отметить, что словосочетание *his timber* употребляется в ситуациях, когда хозяин леса говорит о нем отстраненно, как о предмете купли-продажи: «*Sir Arthur ...came to the decision to sell his timber*»; «*he...went across the Park to take a farewell stroll among his timber*». Когда же он оказывается в реальном лесу, автор использует слова «*wood*» (10 словоупотреблений) и «*forest*» (1 словоупотребление), которые чередуются с названиями отдельных видов деревьев и участков леса. Здесь лес как бы оживает, его описание сопровождается образными сравнениями, эпитетами: *a group of pear trees...like scantily-clothed maidens*; *Variety lay like colour on his woods*; *those pines... straight as the lines of Euclid*; и т.п. Эпитеты и срав-

нения характеризуют не только лес, но и говорят о восхищении хозяина своим лесом, его разнообразием, красотой. Он называет свой лес прекрасным, первоклассным (*fine, prime*), вспоминая при этом, что его посадили предки (*planted by his ancestors*), что он, этот лес, втрое старше его (*three times my age*).

С наступлением сумерек, когда сэр Артур понимает, что заблудился, тональность рассказа меняется: ключевые слова передают беспокойство, тревожное состояние хозяина, его отношение к лесу – они появляются в сочетании с эпитетами, выражающими нарастающую тревогу, которая постепенно переходит в ярость: *dark and wistful wood* (**темный и тоскливый лес**); *confounded trees more weird, and more menacing* (**проклятые деревья, более странные и более угрожающие**); *damned wood* (**проклятый лес**); *trees...monstrous growths* (**чудовищные деревья**); *cursed trees* (**чертовы деревья**); *blasted wood* (**проклятый лес**); *walls of timber, dark and heavy* (**стены леса, темные и плотные**) ...и др.

Сэр Артур начинает прислушиваться к лесу как к живому человеку и слышит его жалобы: *...those tops swayed a little and gave forth soft complaint*. Олицетворение леса достигает полноты, когда сэр Артур разговаривает с ним, обращаясь к лесу напрямую, в сердцах проклиная его: *«Curse you! I wish I'd sold you six months ago!»*

С этого момента семантическое пространство рассказа преобразуется: оно становится диалогическим, т.к. в нем начинают развиваться отношения: «Я» – «Ты», где «Я» сэра Артура раскрывается через олицетворенное «Ты» леса. Обращаясь к лесу с проклятиями, сэр Артур тем самым занимает риторическую позицию, выражая свои чувства, отношение, оценки и намерения и одновременно слышит ответную реакцию леса, деревьев, ветра (*The cursed trees seemed to have a down on him! ...The wind answered, sighing and threshing in the tree tops*). Появление апеллятивного «you» смещает дейктический центр рассказа и создает «зону диалогического контакта» [10], в которой происходит «риторическое усиление», способствующее пробуждению рефлексии [11].

Тот факт, что сэр Артур заблудился в собственном лесу, воспринимается им как унижение: *«It was humiliating; and Sir Arthur Hirries was not accustomed to humiliation. In anybody else's wood-yes; but to be lost like this in one's own coverts!»*

Как видим, его внутренний диалог представляет собой анализ и оценку ситуации, которую ему трудно принять, о чем свидетельствуют сначала утвердительное «yes», а затем возражение: «but»... – он спорит с самим собой, но реальная ситуация вызывает эмоциональный всплеск – раздражение и гнев (восклицательное «*but to be lost like this in one's own coverts!*»). Он, наконец, осознает, что лес враждебен ему: *He was fighting with his timber now, as if the thing were alive and each tree an enemy*. Прямая номинация леса «*an enemy*», с которым приходится сражаться, динамизирует образ, усиливает значение глагольной номинации:

He stood panting. It was ghastly-ghastly! And in a panic he dived this way and that to find the bend, the turning, the way on. The sleet stung his eyes, the wind fleered and whistled, the boughs sloughed and moaned.

Глаголы «*dived* (метался), *stung* (жалил, бил), *fleered and whistled* (хохотал и свистел), *sloughed and moaned* (скрипели и стонали)» подчеркивают не только динамику борьбы хозяина с собственным лесом, но и развивают образ леса, который «по-человечески» сопротивляется. В этот же ряд можно поставить и другие глаголы, передающие реакцию леса в ответ на слова и поступки сэра Артура: *In the brisk wind those tops swayed a little and gave forth soft complaint; and sleet showers came whirling ...; ... twilight was gathering fast; the timber stood in walls...; The wind in this blasted wood cut*

through his Norfolk jacket and crawled about his body...; Along one side snow had drifted against him; but the trunk had saved his back and other side; The wind had dropped,... the birds were singing their clearest in the sunshine.

Семантика глаголов отражает нарастание сопротивления леса решению хозяина: от тихой жалобы (*gave forth soft complaint*) до объединенной решимости деревьев сопротивляться (*stood in walls*), яростной борьбы (*cut through, crawled*) и, наконец, – усталого успокоения (*drifted, saved, dropped*) и тихой песни в конце борьбы (*were singing*). Это сражение закончилось трагически: сэр Артур до последнего вздоха пытался выбраться из леса – он шел, бежал, падал, полз, пока хватало сил. Но темнота, холод, травма, больное сердце и возраст (*He was not in training, and he was sixty-five*) сделали свое дело. Он умирает с мыслями о проданном лесе, который срубят.

Превращение живого леса в товар фактически обрекает его на смерть, и лес сопротивляется этому. Именно так воспринимается употребление слова «*timber*» в конце рассказа. Тема жизни и смерти звучит по нарастающей во внутреннем диалоге, обращенном к лесу, к деревьям, и постепенно сэр Артур приходит к следующему обобщению:

Trees! His great-great-grandfather had planted them! His own was the fifth man's life, but the trees were almost as young as ever; they made nothing of a man's life! He sniggered: And a man made nothing of theirs! Did they know they were going to be cut down? All the better if they did, and were sweating in their shoes... Well, so they were! And he was among them, on a snowy pitch-black night, engaged in this death-struggle! The occurrence of the word death in his thoughts brought him up all standing. Why couldn't he concentrate his mind on getting out; why was he mooning about the life and nature of trees instead of trying to remember the conformation of his coverts, so as to re-ignite in himself some sense of general direction?

Эти размышления составляют кульминацию рассказа. Беседуя наедине с собой о лесе, сэр Артур ловит себя на мысли о взаимосвязи жизни человека (*they made nothing of a man's life!*) и жизни леса (*And a man made nothing of theirs!*). А свое состояние и положение в лесу, ночью, с наступлением холода и невозможностью найти дорогу из леса характеризует как борьбу не на жизнь, а на смерть (*death-struggle*). Эти размышления представляют собой обращенный дискурс – сэр Артур обращается мысленно к лесу, вернее, к деревьям (*Trees!*). В этом месте можно наблюдать не только «сгущение мысли», но и расширение пространственно-временной рамки текста. Размышления сэра Артура о жизни и смерти выходят за рамки хронотопа леса, охватывая жизнь нескольких поколений его семьи, которые посадили, вырастили и ухаживали за лесом. И риторические вопросы, которыми заканчиваются его раздумья, обращены к читателю – они способны породить разделенный смысл о ценности человеческой жизни в связи с ценностью жизни леса и природы в целом.

Образ леса, вначале красивого, величественного и утверждающего жизнь весной, развивается, как мы видим, в образ грозного, опасного и мстительного врага. Автор не случайно подводит своего героя к размышлениям о жизни и смерти – лес, как и все, что окружает человека, это часть его жизни, и лишая себя этой части, человек приближает свою смерть. Не случайно сэр Артур испытывает некоторую грусть при входе в лес: *He walked, thinking with a gentle melancholy slowly turning a little sulky, that he would never again be pointing out with his shooting stick to such a guest where he was to stand to get the best birds over him.* Меланхолия и горечь от скорой потери вызваны воспоминаниями – в лесу была отличная охота, с членами королевской фамилии, и он, бывало, гордился, когда его лес хвалили: *He remembered Royalty saying: «Very pretty shooting at that last stand, Hirries; birds just about as high as I like them».*

Синонимом слов «*timber*» и «*wood*» выступает слово «*coverts*» (охотничьи угодья), использованное в рассказе 4 раза. Слово «*forest*» употреблено один раз в контексте, когда в лесу стало совсем темно, и хозяин проданного леса шел наощупь, зажигая спички, чтобы посмотреть на часы. Этот случай можно назвать нейтральной номинацией, безоценочной, что прочитывается как безучастное отношение героя к лесу, когда он безуспешно пытался согреться и ему было не до леса. Дополняют номинативную сеть также слова: «*grove*» (роща), «*trunks*» (стволы), «*trees*» (деревья), «*path*» (тропа), «*ride*» (аллея), «*tracks*» (тропинки) и многочисленные названия деревьев, перечисляемые в одном предложении: *They stretched for miles, and his ancestors had planted almost every kind of tree – beech, oak, birch, sycamore, ash, elm, hazel, holly, pine; a lime tree and a hornbeam here and there, and further in among the winding coverts, spinneys and belts of larch.*

Все эти подробности призваны показать, что сэр Артур прекрасно знал свой лес, он легко в нем ориентировался, знал каждое дерево, все тропинки и аллеи, и тот факт, что он заблудился в нем – непостижимая для него реальность, которая сначала приводит его в легкое недоумение (*but he went at a good bat, uncomfortably aware that the ride was still taking him away from home*), затем – в замешательство (*a little bewildered*), потом неожиданно приходит тревога (*But he had no overcoat, and suddenly he felt that first sickening little drop in his chest, which presages alarm*) и, наконец, – злость, гнев и ярость (*He was angry now – with himself, with the night, with the trees; The thought: «I can't keep this up much longer», caused a second explosion of sullen anger. Damnation!*). Он не может примириться со сложившейся в его собственном лесу ситуацией и до последней минуты осыпает лес проклятиями. Уже коченея от холода, он думает по инерции сопротивления: «*Thank God, I sold the trees, and they'll all come down!*».

Мысль о том, что деревья проданы (*sold*) и их срубят (*and they'll all come down*), – это последнее, что приходит сэру Артуру в голову перед смертью. Его диалог-борьба продолжается до последней минуты. Но по иронии судьбы, дерево, под которым его нашли мертвым, не срубили, а обнесли оградой и прибили к нему дощечку: *They did not cut down the elm tree under which they found his body, with the rest of the sold timber, but put a little iron fence round it and a little tablet on its trunk.* Это последнее предложение рассказа ставит в один ряд проданный лес и мертвое тело его хозяина. Дерево названо по имени (*elm tree – вяз*), а хозяин – просто «телом» (*body*), так же как и проданный лес – «древесиной» (*timber*). Так оставшееся дерево становится символом жизни – как живая память о хозяине и о его лесе.

Таким образом, отправным моментом в интерпретации художественного текста можно считать номинативную основу последнего, которая позволяет выделить ключевые слова, контуры диалогического пространства, в котором опорными звеньями служат составные части развернутого образа – риторической метафоры (олицетворения).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бахтин, М.М.** Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 293.
2. **Степанов, Г.В.** Единство выражения и убеждения (автор и адресат) // Язык. Литература. Поэтика: сб. работ / Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1988. – С. 106–124.

3. **Мамедова, Л.М.** К вопросу о номинативных единицах языка и их лингвометодическом потенциале / Л.М. Мамедова, У.М. Мамедова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yazikiliteratura.boom.ru/ped4.htm> – Дата доступа: 08.10.2006.
4. **Кубрякова, Е.С.** Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова; отв. ред. акад. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1986. – С. 4.
5. **Скребнев, Ю.М.** Очерк теории стилистики / Ю.М. Скребнев. – Горький, 1975. – С. 117.
6. **Скляревская, Г.Н.** Метафора в системе языка: монография / отв. ред. Д.Н. Шмелев; РАН. Ин-т лингв. исслед. / Г.Н. Скляревская. – СПб.: Наука, 1993. – 151 с.
7. **Караулов, Ю.Н.** Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1992. – 167 с.
8. **Galsworthy, John.** Timber, 2003 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.HorrorMasters.com>
9. **Серова, К.А.** Прагматический фокус и перспектива в словесном портрете в английской прозе XX века: (на материале романов В. Вулф и Д. Фаулза): автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.А. Серова; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 1997. – 23 с.
10. **Плеханова, Т.Ф.** Текст как диалог: монография / Т.Ф. Плеханова. – Минск: МГЛУ, 2003. – 251 с.
11. **Макеева, М.Н.** Авторский замысел как источник риторической программы художественного текста / М.Н. Макеева // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. Вып. II: Межвуз. сб. науч. трудов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – С. 197–202.

S U M M A R Y

The article is devoted to the analysis of a rhetorical metaphor, i.e. cases of personification, typical of literary discourse, when the speaking subject takes a rhetorical stance addressing the surrounding objects as if they were living beings. The appearance of a rhetorical metaphor in a text creates not only vivid imagery but also a certain dialogical space, in which characters are revealed in their attitude to other characters, to the world and to the nature in full measure. Besides, a rhetorical metaphor is a means of revealing meaning and a sound way of interpreting the text.

Поступила в редакцию 20.06.2007

УДК 72(476)(091)+7:069

И.В. Горбунов

Архитектура классицизма в контексте дальнейшей деятельности меценатов Беларуси

Памятники дворцово-усадебного зодчества Беларуси являются одной из самых объемных и весомых частей богатого архитектурного наследия республики. На ее территории расположено много старинных дворцов, усадеб, парков – это результат труда белорусского народа, свидетельство высокой строительной культуры его зодчих. Сапеги, Радзивиллы, Тышкевичи, Булгаки, Зоречи – все от крупных магнатов и царских фаворитов до мелкопоместной шляхты, используя подневольный труд крепостных, стремились воздвигнуть в своих вотчинах монументально-парадные резиденции.

Первые княжеские палаты возникли в Средневековье как внутризамковые постройки (Старый замок в Гродно, замок в Мире). Вынужденные защищаться от иноземных интервенций, междоусобной борьбы, ненависти трудового народа феодалы возводили неприступные дворцы – цитадели, способные выдержать длительную осаду, неожиданный штурм (дом – крепость в Гайтюшиках), в связи с чем здания обновлялись, достраивались, насаивая характерные черты разных эпох и стилей (замок в Несвиже).

1. «Касаясь вопроса о современном применении дворцово-парковых усадеб, рассмотрим характер собирательской деятельности магнатов и влияние их деятельности на становление музейно-выставочного ансамбля в Беларуси.

Михаил Радзивилл Чорный (1515–1565) является первым государственным деятелем Великого княжества Литовского, основавшим коллекцию, которой нет, да и не будет равной в последующие века. Это был человек своего времени, внимательно изучавший искусство. Известен факт, что он находился в тесном общении с великим князем Жигимонтом Августом и довольно часто осматривал его вавельскую коллекцию, состоящую из 350 фламандских гобеленов и десятка скульптур. И в период между 1547–1553 годами он совершил путешествие из Вены в Аугсбург, где ознакомился с богатейшей коллекцией Габсбургов. Но расцвет княжеских палат неотделим от деятельности как всемогущих магнатов, так и их близких. Так, например, его жена Альжбета Шыдлавецкая пригласила в Несвиж знаменитых поэтов, художников и ученых мужей. Там же был организован и нумизматический кабинет, и, что очень важно, была отчеканена медаль со своим изображением» [1].

С утратой замками своего оборонительного значения к середине XVIII в. резко расширяет свою географию дворцово-усадебное строительство. Оно выходит за пределы городов-крепостей, распространяется в землевладения магнатов и шляхты. Развитие арендного землепользования к концу XVIII в. – началу XIX в. еще более увеличило масштабы дворцово-усадебного строительства.

2. В рассматриваемый период очень сильно разрастаются коллекции частных лиц, что характеризует XVIII век как время зарождения меценатской деятельности в Беларуси и особенно плодотворный период накопления художественных ценностей. Достаточно упомянуть тот факт, что первые меценаты, такие, как Николай Кшишков (Сиротка) (1549–1616), который унаследовал от своего отца страсть к собиранию коллекций древностей, заложили основу современного музейного строительства. Хотя сегодня остатки этих великолепных коллекций, по сути дела, являются единичным случаем, и собрать их вместе – серьезная проблема. Однако важно подчеркнуть, что эта деятельность не что иное, как выражение складывания новой западно-европейской культуры. Причем, ее проявление намного раньше чем в Московском государстве, дает импульс более тесному контакту культур Запада и Востока. Влияние Беларуси на становление искусства России в рассматриваемый период уже ни у кого не вызывает сомнений, а лишний раз подтверждает тот факт, что и в дальнейшем при расширении связей и контактов в музейно-выставочном обмене двух стран приоритет будет отдаваться белорусской стороне. Здесь сохранились истинные памятники архитектуры, которые не уничтожило время, и в которых сохранился европейский дух. Сам же принцип собирания коллекций в небольших и разбросанных по всей республике маленьких музеях и в небольших местечках – это продолжение собирательской деятельности.

Уже в 1616 году в Несвиже завершилось строительство каменного замка по проекту Яна Марии Бернардони, где размещалась коллекция картин, сбором которой занимается Альбрехт Владислав Радзивилл – сын Сиротки. Удивительный факт, что коллекция картин европейского уровня сложилась под влиянием сарматизма. Это немного другой принцип собирания живописи, который мы можем обнаружить в культуре и искусстве Германии и Польши [1, с. 17].

Наибольшего расцвета данное направление в сфере вложения капитала достигает в XVIII веке, в то время как на территории всей Речи Посполитой распространяется просветительская идеология, буржуазная по своей сути. Это можно четко проследить в имении Иохима Хрептовича в Щорсах. «Весь верхний этаж Хрептовичей в Щорсах занимала довольно внушительных размеров библиотека числом около 20 тыс книг. Книги были размещены на трех галереях, и представляют собой своеобразный амфитеатр, по которому можно было легко перемещаться. В центре стоял стол и люпиты для чтения» [1, с. 21]. В контексте рассматриваемой темы, видимо, есть смысл упомянуть и о первом в Беларуси музейном собрании, в котором была собрана коллекция картин и гравюр как местных, так и зарубежных мастеров (около 7 тыс произведений) – своеобразный «музей различных произведений искусства» [1, с. 22].

Идеями просветительства была и наполнена владелица местечка Семячицы Ганна Яблоновская – дочь Казимира Сапеги, генерала артиллерии Великопольского княжества Литовского, получившая блестящее европейское образование в Париже и Риме. Ее коллекция размещалась в четырех огромных залах, где экспонировались произведения искусства, коллекция нумизматики, этнографические экспонаты, коллекции минералов, и, как свидетельствует В. Севергин, «... многие физические приспособления для опытов, модели машин, чучела животных, птиц, рыб, земноводных; коллекции разных видов насекомых, растения, деревьев разными способами законсервированные».

В 1802 году после ее смерти коллекция была оценена в 50 тысяч рублей и передана в Императорскую публичную библиотеку, часть коллекции в Эрмитаж, а другая – в Московский университет.

К середине XIX века в основном сложилась сеть дворцов и усадеб, сохранившаяся часть которых в настоящее время составляет богатое архитектурное наследие Беларуси.

Однако, зарождение капитализма в середине XIX века привело к резкому сокращению строительства дворцов и усадеб. В архитектуре дворцовых зданий, возводимых в последующий период аристократией, купечеством и промышленниками, наблюдается распад художественно-стилевого единства (дворцы в д.д. Коссово, Лынтупы).

Как в городах, так и в селах появились новые типы дворцов, призванные удовлетворять растущие культурные потребности людей, – Дворцы пионеров и школьников, культуры, спорта и т.д.

Широкое изучение памятников истории и культуры Беларуси позволило вскрыть малоизученные пласты архитектурного достояния республики. Было выявлено большое количество дворцово-усадебных комплексов, большинство из которых возникло во второй половине XVIII в. – первой половине XIX в.

Таким образом, памятники дворцово-усадебного зодчества наделены непреходящей историко-культурной ценностью. Видимо, сегодня настало время определить конкретный список тех историко-художественных памятников, которые нуждаются в скорейшей реставрации и для этого в республике есть ресурсы в сфере культурного строительства. За несколько месяцев коллективом художников Витебского комбината «Мастацтва» были выполнены реставрационные работы под руководством Н.Н. Дундина в имении, очень сильно пострадавшем в результате пожара в 2000 году, великого русского художника И.Е. Репина в Здравнево.

Прогрессивное значение для белорусского народа имело воссоединение Беларуси с Россией в 1772–1795 годы. На примере этого исторического события можно проследить, что присоединение в то время спасло белорусскую культуру от полной «полонизации» населения. Оно усилило динамику общественно-экономического и культурного развития края, разоренного пагубным хозяйствованием магнатов и шляхты. Экономика Беларуси, основой которой являлось сельское хозяйство, получила широкие возможности для развития производительных сил в рамках общероссийской экономической системы. Именно в это время наметились тенденции к созданию нового типа коллекций и приметы нового типа их построения:

- создание экспозиционного оборудования или специальных витрин;
- попытка научного анализа и систематизация коллекций;
- задуманная, но не реализованная инвентаризация коллекций.

В среде господствующего класса главным направлением экономической мысли являлась теория, утверждавшая земледелие как экономическую основу государства. Это направление хозяйственной политики определило, в свою очередь, распространение усадебного строительства. Начавшийся процесс становления капитализма вызвал оживление и развитие специализированной фольварочной системы помещичьего хозяйства и рост его товарности, вовлечение части феодалов в предпринимательскую деятельность. Свидетельством наступающего кризиса феодально-барщинной системы явились попытки некоторых землевладельцев рационализировать помещичье хозяйство. Развитие помещичьего хозяйства стимулировалось расширением внутреннего рынка и активизацией внешней торговли. Сбыту сельскохозяйственной продукции способствовали отмена ряда пошлин на ее вывоз, мероприятия по строительству и реконструкции дорог, ряд правительственных льгот, предоставляемых землевладельцам. В частности, они обеспечивались кредитами, получали займы деньги при условии залога стоимости имений. Все это содействовало укреплению помещичьего хозяйства. Стремясь к укреплению классовых позиций помещиков, царское правительство возвращало многие изъятые имения их прежним владельцам.

Таким образом, в ходе политико-экономического господства феодалов в архитектуре Беларуси конца XVIII – начала XIX в. отмечается широкий размах строительства помещичьих усадеб. В результате этого процесса восточные районы Беларуси стали быстро осваиваться русским дворянством. Значительное количество поместий в Беларуси принадлежало мелким землевладельцам (79,5%).

Крупное землевладение дробилось на такие же сравнительно небольшие наделы, сдаваемые в аренду.

Архитектура как явление социальное остро воспринимала общественно-политические и философско-мировоззренческие тенденции новой эпохи. В частности, происходящая в это время поляризация общественного и частного бытия существенно повлияла на структуру феодальной резиденции. Как и мелкопоместная шляхта, представители магнатских фамилий строили малые обособленные дворцы-усадьбы, в которых была заложена более скромная идейно-художественная программа и создавалась сфера преимущественно для хозяйственно-бытовых процессов. Отход от официально-репрезентативного строительства был связан с утратой магнатами неограниченного социально-экономического диктата. Ордерные архитектурные элементы придавали усадебным постройкам солидную респектабельность и свидетельствовали о достаточности современных эстетических воззрениях их владельцев.

Воссоединение с Россией создало благоприятные условия для широкого приобщения к достижениям передовой русской культуры. В архитектуре городов и местечек осваиваются приемы русской строительной школы. Намечается ориентация на новые культурные центры – Москву и Петербург, в связи с чем падает приоритет польской культуры.

На более широкую основу ставится художественное образование. При Виленском университете в начале XIX в. открывается кафедра архитектуры. Художников и архитекторов готовит Петербургская академия художеств. Огромное значение для взаимопроникновения и обмена архитектурно-строительным опытом имела миграция в Беларусь русских архитекторов и художников и, наоборот, белорусских зодчих и художников в Россию. Для работы в Беларуси привлекаются такие известные архитекторы, как А. Мельников, Н. Львов, В. Стасов, М. Кларк и др. Известный в нашей стране художник Франтишек Смуглевич в 1800 г. был приглашен Павлом I для росписи Михайловского замка, а В. Ванькович направлен в Петербург «для приобретения совершенства в живописном искусстве». В Россию уезжает ряд местных мастеров-строителей, вошедших в состав палаты резных и столярных дел Московского Кремля, его Оружейной палаты.

Среди первых представителей нового направления в архитектуре были К. Скампави и Л. Гуцевич. Однако большая часть провинциальных усадеб принадлежала творчеству безымянных местных мастеров. Широкий масштаб усадебного, гражданского и культового строительства обусловил повышение профессиональных навыков народных зодчих, осваивающих новую тектоническую систему архитектуры классицизма. Белорусский мастер Б. Захаревич возводит замечательную усадьбу в деревне Богданово. Многие каменщики и резчики выделялись своим профессиональным мастерством и приглашались в Литву и Россию. Поэтому в архитектуре бывших помещичьих усадеб ощущается своеобразная трактовка ордерных канонов и пропорций, что свидетельствует, с одной стороны, о глубоком процессе творческого освоения форм и приемов классицизма, а с другой — о жизненной силе национальных традиций и их преобладающем переосмыслении в новых условиях.

«Весьма ценной коллекцией в этот период владел один из основателей белорусской археологической науки – К. Тышкевич (1806–1868). После окон-

чания Виленского университета и недолгой службы в министерстве финансов, он возвращается в родной Логойск» [1, с. 28]. С этой поры начинается совершенно новый этап в развитии музейной политики в крае: предметы старины были систематизированы по принципу нахождения предмета (включая предметы из Геркуланума и Помпеи – египетские мумии, папирусы, предметы слоновой кости):

- коллекции гравюр XVII–XVIII века, включая портреты Т. Костюшки;
- монеты, медали, печатки, 1140 единиц (из них 420 было отбито у неприятеля в Речи Посполитой);
- оружие, доспехи, шпага Петра I, оружие С. Батория, Станислава Августа;
- коллекция картин [1, с. 28].

Таким образом, черты нового в экономике, быту, культуре и искусстве оказали существенное влияние на формирование специфического архитектурно-художественного образа белорусской усадьбы конца XVIII – начала XIX в. Вместо пышности, внешней парадности и сложности планировочных и объемных композиций новое строительное искусство оперировало тектонической логикой, рациональностью планировочных решений, спокойствием и симметрией элементов архитектурного объема. Ясные, простые, целесообразные и вместе с тем выразительные формы архитектуры классицизма являлись основой дворцово-усадебного зодчества этого периода. Музейные коллекции еще не нашли своих истинных зрителей. Недоступность этих коллекций пагубно отразилась и в 1918 году, когда почти одновременно произошел процесс передачи их в собственность государства. Национализация частных коллекций из соборов, университетов и вывоз за пределы Беларуси пагубно отразились не только на формировании так называемого национального достояния страны, но и внешнем облике самих усадеб, где коллекции всегда были неотъемлемой частью интерьера.

В 2001 году нам удалось за небольшой срок создать муляжи многих исторических предметов, при помощи исторической реконструкции в миниатюрных диорамах восстановить небольшие фрагменты этих усадеб. Так, например, в Могилевском областном краеведческом музее сегодня экспонируются две минидиорамы: «Торжественное шествие в честь открытия Шкловского Благородного училища 22 сентября 1793 года» и «Ставка Николая II в Могилеве. 1916 год», в которых средствами макета и живописи были восстановлены здание Шкловского кадетского корпуса, учрежденного Г. Зоричем, и здание ставки Николая II.

В контексте исследуемой темы определяющим фактором является использование данных по музееведению, этнографии и истории архитектуры с целью более всестороннего анализа процессов и явлений по истории края. Анализ коллекций магнатов дает более полное представление о той роли, которую они играли в национальной культуре. Сегодня проблема реституций, то есть возвращения похищенных ценностей, имеет практически первостепенное значение. Только в период 1941–1944 гг. с территории Беларуси в Германию было вывезено историко-культурных ценностей и изделий из драгоценных металлов на сумму, оцениваемую в 2,2 млрд долларов. В Москве в Государственном историческом музее находятся национальные святыни, которые были возвращены в послевоенные годы в СССР.

Для современной практики музейно-выставочной работы «ускользает» самое главное – это создание более масштабного музейно-выставочного ансамбля.

В изолированности от населенных мест проявилась одна из характерных черт в формировании дворцовых и усадебных ансамблей в Беларуси. Лишь с конца XVIII в. принципы архитектуры классицизма оказали определенное воз-

действие на раскрытую трактовку дворцово-усадебного ансамбля, в результате чего он активно включается в формирование планировочной структуры города, тесно сближается с сельской застройкой и окружающей природой.

«Важным фактором утверждения классицизма в архитектуре дворцов и усадеб являлась ее ориентация на передовую строительную школу России. Это явление вместе с устойчивостью барочных традиций, местными природными и историческими особенностями не могло не способствовать развитию в архитектуре дворцов и усадеб Беларуси самобытных черт. Следует отметить своеобразную для архитектуры Беларуси устойчивость приемов и форм искусства барокко и интерпретацию классических ордерных канонов, трансформированных в соответствии с традиционной тектоникой народных деревянных построек. Из ордерной системы было рафинировано ее декоративное начало, которое воплотилось в наиболее распространенном строительном материале – дереве» [2]. Обращение к античным ордерам почти всегда имело творческий характер. В этом отношении профессиональная архитектура оказала прогрессивное влияние на развитие деревянного зодчества, обогатила его новыми выразительными средствами. Одновременно белорусские мастера-плотники, освоив тектоническую систему и декоративные приемы классицизма, приносили в свои сооружения народные декоративные и конструктивные решения. Это прослеживается в хозяйственных приусадебных постройках, в которых воплотились исконно национальные архитектурные формы. В результате местная архитектурная школа достигла своеобразного синтеза тектонической основы деревянных конструкций и декоративного начала ордерной системы.

«Самым существенным образом на организации усадеб сказалось развитие капиталистических производственных отношений. Качество усадебного комплекса, его ценность определяются уже не по степени репрезентативности, а по разумной организации хозяйственной деятельности, удобству расположения, наличию хороших путей сообщения и т.д. Особенностью новой структуры такого комплекса является включение в его состав мануфактур, винокурен, мельниц и целого ряда утилитарных построек» [3].

Строители оказались в состоянии разрешить сложные, порой противоречивые задачи, выдвинутые эпохой. Основные принципы дворцово-усадебного строительства, его ансамблевый характер с яркой идейно-художественной выразительностью во многом сохраняют свою значимость и для современной архитектуры. Памятники дворцово-усадебного строительства стали имманентной частью понятия «архитектурное наследие Беларуси». Ее народ создал неповторимую архитектуру, связанную с общечеловеческой строительной культурой и во многом обогатившей ее своими творениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гужалоўскі, А.А.* Нараджэнне беларускага музея / А.А. Гужалоўскі. – Мінск: НАРБ, 2001. – С. 16.
2. *Егоров, Ю.А.* Градостроительство Белоруссии / Ю.А. Егоров. – М., 1954. – С. 56.
3. *Кацер, М.С.* Белорусская архитектура. Исторический очерк / М.С. Кацер. – Минск, 1956. – С. 86.

S U M M A R Y

The main stages of Belarusian architecture formation and its development have been considered in the context of gathering activity of the renowned magnates of the great Duchy of Lithuania who created the conditions for further activity.

Поступила в редакцию 6.09.2006

Л.М. Таніна

Творчасць старэйшага пакалення акцёраў Нацыянальнага тэатра імя Янкі Купалы*

Дзесяцігоддзе 80-х гадоў XX стагоддзя ў творчасці Нацыянальнага акадэмічнага тэатра імя Янкі Купалы вызначаецца як своеасаблівы этап, які характарызуецца значнымі зменамі ў мастацтве і развіцці соцыума, што праяўляецца ў спалучэнні і процістаянні розных накірункаў, стыляў і мастацкіх пошукаў. Сёння, калі той супярэчлівы час аддзяляе ад сучаснасці дваццаць год, відавочна, што, апынуўшыся сярод грамадскіх і палітычных перамен, купалаўскі калектыў перажыў творчы крызіс, і мастацкая крытыка краіны выказвала сур'ёзную занепакоенасць мастацкім узроўнем тэатра [1–2], але таксама відавочна і тое, што менавіта магутная акцёрская традыцыя купалаўскай школы забяспечыла пераход да новага этапу эвалюцыі, да філасофскага спалучэння публіцыстыкі і псіхалагізму з буйной сцэнічнай рэжысёрскай метафарай і насычанай сімволікай сцэнаграфічных рашэнняў.

Адзначым, што галоўны напрамак мастацкіх пошукаў тэатра 80-х гадоў вызначаны рэжысёрскім мысленнем В.М. Раеўскага з яго асноўнымі пастаноўкамі: «Плач перапёлкі» (1980), «Радавыя» (1984) і «Страсці па Аўдзею» (1989) – пастаноўкамі, якія пранізваюць і нібыта знітоўваюць усё дзесяцігоддзе. Выбар тэмы і драматургіі для В.М. Раеўскага – не самамэта, ён заўсёды імкнуўся да разумення сучаснасці і вызначаўся як мастак грамадзянскай пазіцыяй і патрыятызмам. Старэйшае пакаленне купалаўскіх акцёраў у гэтых спектаклях было задзейнічана не шмат, аднак вага яго ў стварэнні вобразнай палітры пастановак стала значнай. Як адзначае крытык Т. Гаробчанка, на пачатку 80-х гадоў тэатры праяўлялі павышаную цікавасць да нацыянальнай тэматыкі. Пры гэтым шляхі выбіраліся самыя розныя: пераасэнсаванне беларускай класікі, увасабленне твораў, раней забароненых для сцэны, і пастаноўка сучасных п'ес, у якіх драматургі выказвалі ўласны погляд на гісторыю [3]. У тым ліку, пазначым, і погляд на гісторыю XX стагоддзя ў цэлым.

80-я гады – час разгортвання метафарычных абагульненняў і канцэптualityнасці спектакляў, у якіх патрэбна было знаходзіць новыя накірункі развіцця купалаўскай акцёрскай школы. У гэтай сувязі Т. Гаробчанка выказвае занепакоенасць, вызначаючы праблемы пошукаў новых спосабаў спалучэння канцэптualityнасці рэжысёрскіх рашэнняў з псіхалагічна-побытавай акцёрскай купалаўскай традыцыяй як хібы рэжысёрскага тэатра, як пагоню за яркай відовішчнасцю і кідкай тэатральнай формай: «захапленне ўмоўнай «знакавай» сістэмай часам прыводзілі да эклектыкі, калі знешнія пастановачныя прыёмы выглядалі як самамэта <...>» [4].

Нам жа здаецца больш важкай пазіцыя прафесара Т. Арловай, якая падкрэслівае, што творчае аблічча Купалаўскага тэатра 80-х гадоў «вызначаецца навізнай, свежасцю, самабытнасцю. <...> Мастацкая стратэгія Валерыя Раеўскага як мастацкага кіраўніка тэатра абаліраецца на творчыя асобы, якія працуюць у экстрэмальных умовах» [5].

На працягу ўсіх 80-х гадоў адным з найбольш запатрабаваных спектакляў Купалаўскага тэатра заставаўся «Трыбунал», пастаўлены В. Раеўскім яшчэ

* Спектаклі 80-х гадоў XX стагоддзя.

напачатку 70-х. Гэты твор мае вялізную біяграфію, а для нас важнай з’яўляецца праблема спалучэння рэжысёрскай ідэі з акцёрскай рэалізацыяй. «Трыбунал» заставаўся галоўным спектаклем для народнай артысткі СССР Галіны Макаравай, прамога нашчадка традыцыі купалаўскай школы папярэдняга перыяду. На наш погляд, у гэтай актрысы вельмі моцнай была менавіта ўнутраная канцэнтрацыя, а не знешняя выразнасць манеры. У любой характарнай ролі актрысы галоўным застаецца схаваны трагізм асэнсавання лёсу яе гераінь. Калі драматург Аляксей Дудараў адзначае, што «Галіна Макарава – актрыса, на аснове якой ніяк і ніколі, ні вонкава, ні знутры не адбіваліся прыкметы акцёрства» [6], ён мае на ўвазе іменна такое спалучэнне знешніх і ўнутраных рысаў, «кажуць проста, звычайна, нават неяк будзённа: «Ваша Макарава».

Для творчай манеры рэжысёра В. Раеўскага актрыса Галіна Макарава з’яўляецца дакладным «элементам», бо яна спалучае ў сабе псіхалагічную школу з купалаўскай традыцыйнай характарнасцю, сканцэнтраваных ва ўнутраным свеце, і сімвалічнасць усяго яе вобліку. Г. Макарава ўваходзіць у сцэнічны творы В. Раеўскага, змыкаючы на сабе купалаўскую традыцыйную лінію і сімвалічны тэатр. Праз яе акцёрскія стварэнні псіхалагічна-побытавы тэатр спалучаецца з метафарычным тэатрам В. Раеўскага. Праз яе перадаецца да новых пакаленняў і адна і другая плынь. Як падкрэсліваў Г. Аўсяннікаў, «яна магла доўга, цяжка ўваходзіць у сцэнічны вобраз, але затое пасля яе ўжо ніяк нельга было з гэтага вобраза «выбіць». Ніякія абставіны не перашкаджалі ёй таленавіта працаваць» [7].

Гэта ж адносіцца, на наш погляд, і да творчай манеры народнага артыста Беларусі Паўла Кармуніна. У спектаклі «Плач перапёлкі» самым адметным і своеасаблівым з’яўляецца менавіта рэжысёрскае імкненне да зліцця ўмоўнага асяроддзя і акцёрскай, чалавечай праўды. І найбольш сканцэнтравана гэтае спалучэнне адлюстравана, у першую чаргу, у сцэнічнай ігры Паўла Кармуніна. Крытык Р. Крэчатава адзначала, што П. Кармунін у ролі Зазыбы нічога не перабольшвае ў сваім персанажы. Гэтае адчуванне, на наш погляд, складаецца з таго, што акцёр адмаўляецца ад публіцыстычнасці сцэнічнага існавання персанажа, ён здымае пафас за кошт выкарыстання мяккай іроніі і доўгіх паўз. Р. Смольскі падкрэсліваў, што Дзяніс Зазыба ў выкананні П. Кармуніна – «знешне кармунінскі герой зусім не падобны на рашучага змагара: гаворыць ціха, спакойна, у руках таксама павольны. Але ў ім ёсць – і акцёр гэта выдатна перадае на сцэне – вялікая ўнутраная сіла, якая ідзе ад перакананасці, што ён гаспадар на сваёй роднай зямлі» [8].

На нашу думку, П. Кармунін валодаў асаблівай мудрасцю чалавека і надзяляў ёю свае персанажы. Ён не проста арганічна ўліваўся ў купалаўскі акцёрскі ансамбль, але і заўсёды выяўляў адну з галоўных сваіх рысаў на фоне гэтага ансамбля – уменне раскрыць незвычайнае ў будзённым і звыклым. Акцёр быў здольны жыццяўляць на сцэне адчуванне чалавечай адзіноты. І гэтак жа, як Галіна Макарава, Павел Кармунін спалучаў купалаўскую традыцыйнасць акцёрскага выканання са сцэнічнымі метафарамі В. Раеўскага, дасягаючы філасофскай глыбіні і ператвараючыся ў своеасаблівы сцэнічны знак.

Мастацтва купалаўскіх акцёраў старэйшага пакалення дазваляе зрабіць вывад, што яны арганічна дапасаваліся да тэатральнай сістэмы В. Раеўскага. Яны сталі ў гэтай сістэме выражэннем чалавечага тыпу, праз якога глядач бачыў развіццё гісторыі народа, яго глыбінныя сутнасныя асновы, ягоную мудрасць. Р. Смольскі падкрэсліваў, што «<...> спектакль «Плач перапёлкі», створаны рэжысёрам В. Раеўскім на ўдалым спалучэнні ўмоўна-метафарачных прыёмаў з псіхалагічным рэалізмам акцёрскай ігры, займае пачэснае месца ў працэсе эстэтычнага засваення жыццёвага матэрыялу часоў Вялікай Айчыннай вайны» [9]. Трэба тут зазначыць той факт, што (калі выкарыстоўваць метафару

У. Меерхольда, акцёры хаваюць «белыя ніткі рэжысуры», хаваюць рэжысёрскі план, ствараючы вобраз. І гэта адбываецца, на наш погляд, менавіта ў кожным вобразе, і ў тым ліку, у П. Кармуніна ў вобразе Дзяніса Зазыбы. А цэласны вобраз спектакля ствараецца рэжысёрска-сцэнаграфічнымі сродкамі.

Асаблівае месца ў старэйшым пакаленні купалаўскай трупы 80-х гадоў належыць народнай артыстцы СССР Стэфаніі Станюце. Творчы шлях яна пачынала ў Першым таварыстве беларускай драмы і камедыі пад кіраўніцтвам Фларыяна Ждановіча. У 1920 годзе ўвайшла ў трупу БДТ, адкуль была накіравана на вучобу ў Беларускаю драматычную студыю ў Маскве. Пасля заканчэння, з 1926 года працавала ў БДТ-2. З 1931 года яна зноў у трупе Купалаўскага тэатра. С. Станюта – актрыса рознабаковага дару, самабытная, з філіграннай акцёрскай тэхнікай.

У мастацкай сістэме Купалаўскага тэатра 80-х гадоў С. Станюта змагла зрабіцца такім жа сімвалам і знакам, як і акцёры П. Кармунін і Г. Макарава. Аднак у С. Станюты акцёрскія стварэнні былі прасякнуты не толькі народным гераізмам, як, напрыклад, у Г. Макаравай, і не проста мудрасцю, як у П. Кармуніна. С. Станюта нібыта ўзвышалася над вобразам, ператвараючыся ў сам дух спектакля, у якім яна ўдзельнічала. У абліччы С. Станюты спалучаліся, на наш погляд, хрысціянскі вобраз з дахрысціянскай вобразнасцю. Так яна іграе ў пастаноўцы «Страсці па Аўдзею», дзе становіцца не проста персанажам, а адлюстраваннем самога метафарычнага мыслення В. Раеўскага. Яна мала ўдзельнічае ў падзеях, яна іх асэнсоўвае і, ведаючы, што нічога нельга змяніць і выправіць у жудаснай класавай барацьбе, толькі моліцца. Персанаж С. Станюты не прымае ўдзелу ў эпізодах спектакля, яна з'яўлялася паміж імі. З аднаго боку, гэтая роля – толькі функцыянальная, у сэнсе таго, што яна звязвае, зшывае фрагменты, што з яе дапамогай рэжысёр вырашае праблему стыкаў мантажных блокаў. Аднак актрыса С. Станюта перамяшчала гэтую функцыянальнасць на іншы ўзровень: маці Зуйка звязвае сваімі малітвамі не толькі эпізоды спектакля, але і астатніх персанажаў як гінучую плоць з тым, хто валодае іх душой, з Богам. Таму мы можам канстатаваць, што С. Станюта ў спектаклі «Страсці па Аўдзею» ёсць яго знак па гарызанталі і па вертыкалі: яна «зшывае» сюжэт, структуру і сэнс спектакля. Роля С. Станюты, умоўна-знакавая сцэнаграфія, музычныя харальныя акцэнтны ствараюць небытавы план пастаноўкі.

Зварот гераіні да Бога вырашаецца рэжысёрам як зварот актрысы да глядзельнай залы – праз стагоддзе, праз прастору, праз сусвет і праз боскую волю. Ва ўсім абліччы гераіні, у яе вачах і твары сканцэнтравана цяжарнасць і веданне лёсу наперад, і разуменне вялікай ахвяры. На нашу думку, С. Станюта сімвалізавала рэжысёрскую канцэпцыю спектакля. Усе героі ў хвіліну сваёй пагібелі імгненна быццам ператвараліся ў падабенства скульптур, вонкавы вобраз спектакля рабіўся падабенствам іканастаса. А персанаж С. Станюты нібыта рыхтаваў гэты фінальны эпізод з пачатку спектакля. Так, Я. Росцікаў падкрэслівае, «<...> калі чытае свае малітвы Станюта, гэта ўзрушае да глыбіні душы. І я разумею, чаму так адбываецца. Актрыса ўсё больш робіцца жывым міфам, легендай, але легендай для будучыні, для тых, хто будзе згадваць Тэатр імя Янкі Купалы праз 20–30 гадоў. <...> Для гледача яна міф, які можа бацьчыць у рэчаіснасці. Яна жыве паўнакроўным жыццём на сцэне, яна выпраменьвае невычэрпную энергію ў залу. Мне здаецца, што проста яе прысутнасць надае спектаклю высокі маральны пачатак» [10].

Паколькі мастацкія стратэгіі В. Раеўскага абапіраюцца на творчыя асобы, якія працуюць у экстрэмальных умовах, мы можам сцвярджаць, што менавіта ў 80-я гады, калі Купалаўскі тэатр пераходзіў ад школы псіхалагічна-пабытавага і сюжэтнага тэатра да метафарычна-паэтычнага, акцёрская

купалаўская традыцыя трансфармавалася: яе псіхалагічна-побытавая аснова не знікала, у тэатральнай сістэме В. Раеўскага яна перайшла на іншы ўзровень існавання ў спектаклі. У той час, калі Б. Герлаван ужо ў 80-я гады дапамагаў рэжысёру ствараць «тэатральна-паэтычныя сімвалы і сцэнічныя знакавыя азначэнні» [5, с. 4], то тое самае мы можам вызначыць і ў акцёрскім выкананні ў пастаноўках В. Раеўскага: псіхалагічна-побытавая манера купалаўскіх акцёраў ператваралася ў тэатральна-паэтычныя сімвалы і сцэнічныя знакавыя азначэнні, дапамагаючыя В. Раеўскаму стварыць сцэнічную метафару.

Інакш выглядае акцёрскі вобраз, створаны С. Станютай у спектаклі М. Пінігіна «Гаральд і Мод» 1986-га года паводле п'есы К. Хігінса і Ж.-К. Кар'ера, дзе разгортваецца гісторыя любові старой жанчыны і зусім маладога хлопца. Мод, графіня Мадлен, зачаравала юнага Гаральда (В. Манаеў), душу тонкую і трапяткую і далёкую ад жыццёвага цынізму. Рэжысёр М. Пінігін прапанаваў акцёрам існаванне ва ўмовах тэатра-гульні, своеасаблівай забаўкі, што дазволіла адмовіцца ад іроніі, прыхаваць усмешку на конт сюжэта п'есы і перавесці драматургічныя абставіны з плыні побытавай у плынь прыпавесці. Чалавек у чорным (Г. Давыдзька) возіць на пававаннях маленькі катафалк, інспектар Бернар (В. Букін) стварае паліцэйскую сірэну, махаючы далоняй над галавой і пры гэтым вые, як сірэна, героі іграюць на дзіцячым чырвоным раялі, а пласцінка з музыкай Шапэна пачынае іграць і без прайгравальніка. Уся бутафорыя спектакля – ігрышы свет, які стварае вакол сябе герайна С. Станюты. Трапляючы ў гэты свет, персанаж В. Манаева, сам яшчэ дзіця, імгненна адчувае сябе натуральна. З гэтай парай адбываецца тое, што адчуваюць дзеці, якія глядзяць карціны мастака Марка Шагала: яны здольны ўсвядоміць тое, што не разумеюць дарослыя. І гэтак жа, як у карцінах М. Шагала, у спектаклі адчуваецца нешта надзвычай трагічнае. І ў акцёрскім выкананні С. Станюты прысутнічае другі план – пачуццё надыходзячай трагедыі: раз-пораз Гаральд бачыць на яе руцэ лагерны нумар. Актрыса выкарыстоўвае шмат камедыйных фарбаў, асабліва ў эпизодзе, калі маці Гаральда прыходзіць да яе, каб пазнаёміцца з нявестай свайго сына і бачыць 80-гадовую жанчыну. Як прызнаецца Т. Арлова, «<...> гэтую ролю Стафаніі Міхайлаўны не магу ўспрымаць «незалежна» ад асобы актрысы ... У Стафаніі Станюты загадкаваць і цудадзейнасць тэатра быццам увайшлі ў кроў. <...> Станюта быццам «захоўвае» ў сабе ўвесь наш імклівы век з яго ўзрушэннямі, катаклізмамі, трагедыямі і ... аптымізмам! <...> Пры ўсёй разнастайнасці акцёрскіх індывідуальнасцей купалаўскага тэатра цяжка знайсці выканаўцу, які б здолеў так натуральна існаваць на сцэне ў сваім узросце, стане думак і паводзін, стыхіі пачуццяў, проста ў модным адзенні [11].

На фоне рэжысёрскай лініі В. Раеўскага ў Купалаўскім тэатры, лініі, якая накіравана на стварэнне спектакляў на шталт араторыі, патэтычных і ўзнёсла-драматычных, пастаноўкі М. Пінігіна 80-х гадоў выглядаюць пшчотна-вытанчанымі, лірычнымі, з пранікнёна-ўзрушаючымі інтымнымі чалавечымі павязямі. Таму на вобразах С. Станюты ў творах В. Раеўскага і М. Пінігіна вонкава бачна розніца акцёрскага існавання ў процілеглых рэжысёрскіх кампазіцыйных пабудовах. У адным спектаклі – гэта сімволіка і тыпізацыя. У другім – характарна-псіхалагічная дакладнасць.

Занятасць яшчэ адной выдатнай актрысы Купалаўскага тэатра З. Браварскай у 80-я гады не была вялікай, аднак па-ранейшаму яна выглядала на сцэне надзвычай прывабнай і цікавай. Яна аднолькава моцна стварала і драматычныя і камедыйныя вобразы, надзяляючы сваіх герайна вострай характарнасцю. У пачатку 80-х адбылася прэм'ера спектакля «Тэатр – любоў мая», пастаўленага Г. Каменскай паводле п'есы В. Петрава. У спектаклі побач з З. Браварскай іграе М. Захарэвіч. Спектакль ідзе амаль сярод глядачоў на

малой сцэне тэатра, таму рэжысёр прапануе спосаб сцэнічнага існавання на ўзроўні простаі размовы актрыс з гледачамі накшталт чалавечай споведзі пра сваю прафесію. Магчыма таму, што ў пачатку 80-х споведзь чалавека на сцэне была залішне адкрытай, а публіка яшчэ не прызвычалася да такога.

У канцы 80-х яна сыграла адну з галоўных роляў у спектаклі «Матылёк... Матылёк» у пастаноўцы С. Шынкарэнкі паводле п'есы А. Нікалаі. Менавіта чаплініяда зрабілася адметнасцю акцёрскай манеры З. Браварскай у яе сталай акцёрскай творчасці. Пры гэтым неабходна падкрэсліць, што актрыса захавала чароўнасць і абаяльнасць.

Аднак новая праца актрысы з'яўляецца больш складанай, чым папярэдняя. З. Браварская свядома абвастрала драматычны бок ролі і карысталася сваім адметным ходам – трагіфарсавасцю ў асобных момантах сцэнічнага жыцця гераіні. Пры гэтым актрыса згаджалася на гранічную стрыманасць вонкавай характарыстыкі: амаль усю другую дзею Эда З. Браварскай сядзела на імправізаванай канапе. Рэжысёр у стварэнні спектакля задзейнічаў вобразнасць музычнага і светлавога афармлення, падкрэсліваючы атмасферу прадчування і страху, якія адольвалі гераіню.

Актрыса, якая гартавалася як майстар у спектаклях Б. Эрына і вылучалася заўсёды надзвычай яркай выбітнай асаблівасцю ў стварэнні вобразаў, захоўвала сваю індывідуальнасць і ў 80-я гады, удзельнічаючы ў спектаклях, для яе створаных.

Сённяшняе мысленне іспіравана тэлевізійнымі кліпамі і вельмі хуткай зменай кадра. Усё гэта пачыналася ўжо ў 80-я гады. І сёння відавочна, што тэатр тады ўжо быў надзвычай чуйны да хуткіх сацыяльных і мастацкіх пераменаў. І безумоўна, галоўны рэжысёр Купалаўскага тэатра, вучань маскоўскага рэжысёра-наватара Ю. Любімава, асэнсоўваў гэтыя перамены асабліва востра ў пошуках новых сцэнічных магчымасцяў. Асэнсаванне месца чалавека ў новых рэаліях грамадства і асэнсаванне месца акцёра ў новых мастацкіх рэаліях ішло ў Купалаўскім тэатры складана. Але ж спалучэнне і ўзаемадзеянне іх давала цікавыя сцэнічныя з'явы ў гісторыі купалаўскай школы.

Тое, што мы адзначалі наконт спалучэння акцёрскіх мастацкіх магчымасцяў і вобразна-пластычнай кампазіцыйнай пабудовы спектакляў В. Раеўскага, тычыцца выкарыстання акцёраў у якасці «адзінкі» гэтай сцэнічнай, буйнымі мазкамі распрацаванай партытуры. Работа над спектаклем як над скульптурным творам пры тонкім адчуванні пульсацыі часу як адзінак структуры пастаноўкі – асноўныя характарыстыкі творчай манеры В. Раеўскага. Такая даволі жорсткая рэжысёрская канцэпцыя, падкрэслім, не перашкаджала акцёрам старэйшага пакалення выяўляць глыбіні ствараемага вобраза.

Рэжысёрскія накірункі 80-х гадоў вызначаліся ў развіцці Купалаўскага тэатра мастацкімі знаходкамі не толькі В. Раеўскага, але і М. Пінігіна і Б. Эрына, у спектаклях якіх акцёры старэйшага пакалення раскрываліся па-рознаму, што складаецца ў карціну, якая дазваляе ўсвядоміць механізмы жыццяздольнасці і мабільнасці тэатра, яго стылёвага адзінства і ансамблевасці.

ЛІТАРАТУРА

1. *Алісейчык, Г.* Чым праверыць гармонію?... / Г. Алісейчык // Мастацтва Беларусі. – 1988. – № 9. – С. 60–61.
2. *Гаробчанка, Т.* Страчаная магія тэатра / Т. Гаробчанка // Мастацтва Беларусі. – 1988. – № 8. – С. 58–60.
3. *Гаробчанка, Т.* Вопыт дзевяностых гадоў / Т. Гаробчанка // Тэатральная творчасць. – 1998. – № 1. – С. 33.

4. **Гаробчанка, Т.** Беларускі дзяржаўны акадэмічны тэатр імя Янкі Купалы / Т. Гаробчанка // Гісторыя беларускага тэатра: у 3 т. / рэдкал.: У.І. Няфёд [і інш.] – Мінск: Навука і тэхніка, 1987.– Т. 3. Кн. 2: Тэатр савецкай эпохі. – 1962–1984. – С. 182–183.
5. **Арлова, Т.** Шлях да прызнання / Т. Арлова // Народная газета. – 2000. – 29 ліст. – С. 4.
6. **Дудараў, А.** Макарава / А. Дудараў // Мастацтва. – 1994. – № 1. – С. 14.
7. **Аўсяннікаў, Г.** «Поспех вызначае інтэлегентны глядач» / Г. Аўсяннікаў // Мастацтва. – 2000. – № 6. – С. 3.
8. **Смолюскі, Р.** На скрыжаванні: тэатр у працэсах станаўлення і развіцця гістарычнай і нацыянальнай свядомасці беларусаў / Р. Смолюскі. – Мінск: Беларуская навука, 1999. – С. 119.
9. **Смолюскі, Р.** Ці ёсць у нас традыцыя? / Р. Смолюскі, В. Смолюская // Мастацтва Беларусі. – 1984. – № 8. – С. 27.
10. **Росцікаў, Я.** Глянем наперад, альбо Страсці па тэатру / Я. Росцікаў // Мастацтва. – 1990. – № 4. – С. 17–18.
11. **Арлова, Т.** Зорнае імгненне сцэны / Т. Арлова // Мастацтва Беларусі. – 1987. – № 9. – С. 50.

S U M M A R Y

In the article the author analyses the distinctive period in the creative work of the Y. Kupala National Academic Theatre in 1980s. Strong traditions of the Kupala's theatre school played an important and leading role in the forming of today's repertoire and stuff in the theatre.

Поступила в редакцию 29.10.2007

УДК 512.542

В.Г. Сафонов, И.Н. Сафонова

О τ -замкнутых ω -насыщенных формациях разрешимого l_τ^ω -дефекта 1

1. ВВЕДЕНИЕ

Все рассматриваемые группы предполагаются конечными. Мы используем определения и обозначения, принятые в работах [1].

Идея изучения структурного строения насыщенной формации, базируясь на свойствах достаточно хорошо изученной ее части (подформации), принадлежит А.Н. Скибе и Е.А. Таргонскому [2]. Такой подход основывается на введенном ими понятии ξ -дефекта насыщенной формации. Авторами работы [3] были изучены основные свойства насыщенных формаций, имеющих конечный ξ -дефект, а также дана классификация насыщенных формаций нильпотентного дефекта ≤ 2 . В дальнейшем этот подход широко использовался при исследовании структурного строения как насыщенных, так и n -кратно и тотально насыщенных формаций. При этом, в качестве ξ рассматривалась не только формация всех нильпотентных групп, но и другие достаточно хорошо известные классы (π -разложимых, π -нильпотентных, разрешимых, сверхразрешимых групп и др.), а также исследовались аналогичные решетки формаций большей длины (А.Н. Скиба, 1991 г.; В.В. Анисков, 1995–2003 гг.; В.Г. Сафонов, 1996–2007 гг.).

В теории ω -насыщенных формаций данный подход был использован Дж. Джахадом (1996 г.) и Н.Г. Жевновой (1997 г.) при изучении p -насыщенных и ω -насыщенных формаций с нильпотентным l^ω -дефектом 1, а авторами при классификации неразрешимых ω -насыщенных формаций, имеющих разрешимую максимальную ω -насыщенную подформацию [4]. В работах [5] изучено решеточное строение не π -нильпотентных (не π -специальных, не π -разложимых) ω -насыщенных формаций с π -нильпотентным (π -специальным, π -разложимым) l^ω -дефектом 1.

В данной работе, развивая наблюдения [6], нами получено описание τ -замкнутых ω -насыщенных формаций с разрешимой максимальной τ -замкнутой ω -насыщенной подформацией.

2. ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ОБОЗНАЧЕНИЯ

Пусть ω – непустое множество простых чисел. Символом $G_{\omega d}$ обозначается наибольшая нормальная в G подгруппа, у которой каждый композиционный фактор является ωd -группой (если таких подгрупп в G нет, то полагают $G_{\omega d} = 1$). Всякую функцию вида $f: \omega \cup \{\omega'\} \rightarrow$ формации называют ω -локальным спутником. Через $LF_\omega(f)$ обозначают класс всех таких групп G , что $G/G_{\omega d} \in f(\omega')$ и $G/F_p(G) \in f(p)$ для любого $p \in \omega \cap \pi(G)$. Если форма-

ция \mathfrak{F} такова, что $\mathfrak{F} = LF_{\omega}(f)$, то говорят, что \mathfrak{F} является ω -локальной формацией, а f – ω -локальным спутником формации \mathfrak{F} . Формация \mathfrak{F} называется ω -насыщенной, если ей принадлежит всякая группа G с $G/L \in \mathfrak{F}$, где $L \subseteq O_{\omega}(G) \cap \Phi(G)$. Как было показано в [3, 9], формация \mathfrak{F} является ω -насыщенной тогда и только тогда, когда она ω -локальна.

Пусть всякой группе G сопоставлена такая система ее подгрупп $\tau(G)$, что $G \in \tau(G)$. Тогда τ называют подгрупповым функтором [7], если для любого эпиморфизма $\varphi : A \rightarrow B$ и для любых групп $H \in \tau(A)$, $T \in \tau(B)$ имеет место: $H^{\varphi} \in \tau(B)$ и $T^{\varphi^{-1}} \in \tau(A)$. Класс групп \mathfrak{F} называется τ -замкнутым, если $\tau(G) \subseteq \mathfrak{F}$ для любой группы $G \in \mathfrak{F}$.

Пусть \mathfrak{X} – некоторый класс групп. Тогда через $I_{\tau}^{\omega} \text{form} \mathfrak{X}$ обозначают τ -замкнутую ω -насыщенную формацию, порожденную классом групп \mathfrak{X} , т.е. пересечение всех τ -замкнутых ω -насыщенных формаций, содержащих \mathfrak{X} . При этом, если $\mathfrak{X} = \{G\}$, то формацию $I_{\tau}^{\omega} \text{form} G$ называют однопорожденной τ -замкнутой ω -насыщенной формацией. Множество I_{τ}^{ω} всех τ -замкнутых ω -насыщенных формаций относительно включения \subseteq образует полную модулярную решетку [10]. Понятно, что в этой решетке $\vee_{\tau}^{\omega} (\mathfrak{F}_i | i \in I) = I_{\tau}^{\omega} \text{form} (\cup_{i \in I} \mathfrak{F}_i)$ и $\cap_{i \in I} \mathfrak{F}_i$ являются, соответственно, точной верхней и точной нижней гранями для подмножества $\{\mathfrak{F}_i | i \in I\}$ из I_{τ}^{ω} .

Пусть \mathfrak{F} – некоторая τ -замкнутая ω -насыщенная формация, \mathfrak{H} – произвольный класс групп. Формацию \mathfrak{F} называют минимальной τ -замкнутой ω -насыщенной не \mathfrak{H} -формацией ($\mathfrak{H}_{\tau}^{\omega}$ -критической формацией), если $\mathfrak{F} \not\subseteq \mathfrak{H}$, но все ее собственные τ -замкнутые ω -насыщенные подформации из \mathfrak{F} содержатся в классе групп \mathfrak{H} .

Если \mathfrak{H} – τ -замкнутая ω -насыщенная формация, то $\mathfrak{H}_{\tau}^{\omega}$ -дефектом τ -замкнутой ω -насыщенной формации \mathfrak{F} называют длину решетки $\mathfrak{F}/I_{\tau}^{\omega} \mathfrak{F} \cap \mathfrak{H}$ τ -замкнутых ω -насыщенных формаций, заключенных между $\mathfrak{F} \cap \mathfrak{H}$ и \mathfrak{F} , и обозначают через $|\mathfrak{F} : \mathfrak{F} \cap \mathfrak{H}|_{\tau}^{\omega}$. Если $\mathfrak{H} = \mathfrak{S}$ – формация всех разрешимых групп, то $\mathfrak{S}_{\tau}^{\omega}$ -дефект τ -замкнутой ω -насыщенной формации называют ее разрешимым I_{τ}^{ω} -дефектом.

τ -Замкнутую ω -насыщенную формацию \mathfrak{F} называют I_{τ}^{ω} -неприводимой, если $\mathfrak{F} \neq I_{\tau}^{\omega} \text{form} (\cup_{i \in I} \mathfrak{X}_i) = \vee_{\tau}^{\omega} (\mathfrak{X}_i | i \in I)$, где $\{\mathfrak{X}_i | i \in I\}$ – набор всех собственных τ -замкнутых ω -насыщенных подформаций из \mathfrak{F} . В противном случае формацию \mathfrak{F} называют I_{τ}^{ω} -приводимой.

3. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Для доказательства основного результата нам понадобятся некоторые известные факты теории формаций, которые мы сформулируем в виде следующих лемм.

3.1. Лемма [11]. Пусть $\mathfrak{F} \not\subseteq \mathfrak{H}$, где \mathfrak{F} – τ -замкнутая ω -насыщенная формация, \mathfrak{H} – насыщенная формация классического типа. Тогда в \mathfrak{F} имеется минимальная τ -замкнутая ω -насыщенная не \mathfrak{H} -подформация.

Следующие леммы являются частными случаями лемм 5.2.7 и 5.2.8 [8].

3.2. Лемма. Пусть \mathfrak{M} , \mathfrak{F} и \mathfrak{H} – τ -замкнутые ω -насыщенные формации, причем $\mathfrak{M} \subseteq \mathfrak{F}$. Тогда, если m и n – \mathfrak{H}_τ^ω -дефекты формаций \mathfrak{M} и \mathfrak{F} соответственно, то $m \leq n$.

3.3. Лемма. Пусть \mathfrak{F} , \mathfrak{M} , \mathfrak{X} и \mathfrak{H} – τ -замкнутые ω -насыщенные формации, причем $\mathfrak{F} = \mathfrak{M} \vee_\tau^\omega \mathfrak{X}$. Тогда, если m , r и t – \mathfrak{H}_τ^ω -дефекты формаций \mathfrak{M} , \mathfrak{X} и \mathfrak{F} соответственно, то $t \leq m+r$.

3.4. Лемма [10]. Решетка всех τ -замкнутых ω -насыщенных формаций является модулярной.

Частным случаем теоремы 1 работы [9] является

3.5. Лемма. В том и только в том случае \mathfrak{F} является минимальной τ -замкнутой ω -насыщенной неразрешимой формацией, когда $\mathfrak{F} = l_\tau^\omega \text{form} G$, где G – монолитическая τ -минимальная неразрешимая группа с таким неабелевым монолитом P , что группа G/P разрешима.

4. ОСНОВНОЙ РЕЗУЛЬТАТ

4.1. Лемма. Пусть A – монолитическая группа с неабелевым монолитом, \mathfrak{M} и \mathfrak{X} – некоторые τ -замкнутые ω -насыщенные формации. Тогда, если $A \in \mathfrak{M} \vee_\tau^\omega \mathfrak{X}$, то $A \in \mathfrak{M} \cup \mathfrak{X}$.

Доказательство. Пусть A – группа из условия леммы. Поскольку всякая насыщенная формация является ω -насыщенной при любом непустом множестве простых чисел ω , то имеет место включение

$$\mathfrak{M} \vee_\tau^\omega \mathfrak{X} = l_\tau^\omega \text{form}(\mathfrak{M} \cup \mathfrak{X}) \subseteq l_\tau^\omega \text{form}(\mathfrak{M} \cup \mathfrak{X}).$$

Поэтому $A \in l_\tau^\omega \text{form}(\mathfrak{M} \cup \mathfrak{X})$. Применяя теперь лемму 2.1.6 [10], получим $A \in \mathfrak{M} \cup \mathfrak{X}$. Лемма доказана.

4.2. Теорема. Пусть \mathfrak{F} – неразрешимая τ -замкнутая ω -насыщенная формация. Тогда и только тогда разрешимый l_τ^ω -дефект формации \mathfrak{F} равен 1, когда $\mathfrak{F} = \mathfrak{M} \vee_\tau^\omega \mathfrak{H}$, где \mathfrak{M} – разрешимая τ -замкнутая ω -насыщенная формация, \mathfrak{H} – минимальная τ -замкнутая ω -насыщенная неразрешимая формация, при этом:

1) всякая разрешимая τ -замкнутая ω -насыщенная подформация из \mathfrak{F} входит в $\mathfrak{M} \vee_\tau^\omega (\mathfrak{H} \cap \mathfrak{G})$;

2) всякая неразрешимая τ -замкнутая ω -насыщенная подформация \mathfrak{F}_1 из \mathfrak{F} имеет вид $\mathfrak{H} \vee_\tau^\omega (\mathfrak{F}_1 \cap \mathfrak{G})$.

Доказательство. Необходимость. Пусть \mathfrak{F} – τ -замкнутая ω -насыщенная формация с разрешимым l_τ^ω -дефектом 1. Так как \mathfrak{F} неразрешимая формация, то по лемме 3.1 в \mathfrak{F} содержится некоторая минимальная τ -замкнутая ω -насыщенная неразрешимая формация \mathfrak{H} . По условию теоремы $\mathfrak{X} = \mathfrak{F} \cap \mathfrak{G}$ – максимальная τ -замкнутая ω -насыщенная подформация формации \mathfrak{F} . Поэтому $\mathfrak{F} = \mathfrak{H} \vee_\tau^\omega \mathfrak{X}$.

Достаточность. Пусть $\mathfrak{F} = \mathfrak{H} \vee_\tau^\omega \mathfrak{X}$, где \mathfrak{H} – минимальная τ -замкнутая ω -насыщенная неразрешимая формация, а \mathfrak{X} – разрешимая

τ -замкнутая ω -насыщенная формация. Тогда ввиду леммы 3.3 \mathfrak{G}_τ^ω -дефект формации \mathfrak{F} не превосходит 1. Так как $\mathfrak{H} \subseteq \mathfrak{F}$ и $|\mathfrak{H} : \mathfrak{H} \cap \mathfrak{G}_\tau^\omega|_p = 1$, то по лемме 3.2 имеем $|\mathfrak{F} : \mathfrak{F} \cap \mathfrak{G}_\tau^\omega|_p \geq 1$. Поэтому \mathfrak{F} – τ -замкнутая ω -насыщенная формация разрешимого L_τ^ω -дефекта 1.

Установим теперь справедливость второй части теоремы. Так как $\mathfrak{H} \cap \mathfrak{G}$ – максимальная τ -замкнутая ω -насыщенная подформация формации \mathfrak{H} , то в силу леммы 3.4 имеет место решеточный изоморфизм

$$\begin{aligned} \mathfrak{F}/_\tau^\omega (\mathfrak{H} \cap \mathfrak{G}) \vee_\tau^\omega \mathfrak{X} &= ((\mathfrak{H} \cap \mathfrak{G}) \vee_\tau^\omega \mathfrak{X}) \vee_\tau^\omega \mathfrak{H}/_\tau^\omega (\mathfrak{H} \cap \mathfrak{G}) \vee_\tau^\omega \mathfrak{X} \simeq \\ &\simeq \mathfrak{H}/_\tau^\omega \mathfrak{H} \cap ((\mathfrak{H} \cap \mathfrak{G}) \vee_\tau^\omega \mathfrak{X}) = \mathfrak{H}/_\tau^\omega \mathfrak{H} \cap \mathfrak{G}. \end{aligned}$$

Так как $\mathfrak{H} \cap \mathfrak{G}$ – максимальная τ -замкнутая ω -насыщенная подформация в \mathfrak{H} , то $(\mathfrak{H} \cap \mathfrak{G}) \vee_\tau^\omega \mathfrak{X}$ является максимальной τ -замкнутой ω -насыщенной подформацией в \mathfrak{F} . Поскольку $\mathfrak{F} \not\subseteq \mathfrak{G}$, то любая разрешимая τ -замкнутая ω -насыщенная подформация из \mathfrak{F} содержится в $(\mathfrak{H} \cap \mathfrak{G}) \vee_\tau^\omega \mathfrak{X}$. Следовательно, справедливо условие 1) теоремы.

Допустим теперь, что в \mathfrak{F} имеется такая минимальная τ -замкнутая ω -насыщенная неразрешимая подформация \mathfrak{H}_1 , что $\mathfrak{H}_1 \neq \mathfrak{H}$. Ввиду леммы 3.5 имеем $\mathfrak{H}_1 = L_\tau^\omega \text{form} G$, где G – монолитическая τ -минимальная неразрешимая группа с таким неабелевым монолитом P , что группа G/P разрешима.

Поскольку $G \in \mathfrak{F} = \mathfrak{H} \vee_\tau^\omega \mathfrak{X}$, то в силу леммы 4.1 $G \in \mathfrak{H} \cup \mathfrak{X}$. Так как G неразрешимая группа, то $G \in \mathfrak{H}$ и, следовательно, $\mathfrak{H}_1 \subseteq \mathfrak{H}$. Поскольку $\mathfrak{H}_1 \not\subseteq \mathfrak{G}$ и \mathfrak{H} – минимальная τ -замкнутая ω -насыщенная формация, то $\mathfrak{H}_1 = \mathfrak{H}$. Противоречие. Таким образом, в формации \mathfrak{F} нет минимальных τ -замкнутых ω -насыщенных неразрешимых подформаций, отличных от \mathfrak{H} .

Пусть теперь \mathfrak{M} – произвольная неразрешимая τ -замкнутая ω -насыщенная подформация формации \mathfrak{F} . Тогда, согласно доказанному выше и лемме 3.1, имеем $\mathfrak{H} \subseteq \mathfrak{M}$. Поэтому, применяя лемму 3.4, получим

$$\begin{aligned} \mathfrak{M} &= \mathfrak{M} \cap \mathfrak{F} = \mathfrak{M} \cap (\mathfrak{H} \vee_\tau^\omega \mathfrak{X}) = \mathfrak{H} \vee_\tau^\omega (\mathfrak{M} \cap \mathfrak{X}) = \\ &= \mathfrak{H} \vee_\tau^\omega (\mathfrak{M} \cap (\mathfrak{F} \cap \mathfrak{G})) = \mathfrak{H} \vee_\tau^\omega (\mathfrak{M} \cap \mathfrak{G}). \end{aligned}$$

Таким образом, имеет место условие 2) теоремы. Теорема доказана.

Приведем некоторые следствия доказанной теоремы.

В случае, когда $\omega = \{p\}$ из теоремы 4.2, получаем

4.3. Следствие. Пусть \mathfrak{F} – неразрешимая τ -замкнутая p -насыщенная формация. Тогда и только тогда разрешимый L_τ^p -дефект формации \mathfrak{F} равен 1, когда $\mathfrak{F} = \mathfrak{M} \vee_\tau^p \mathfrak{H}$, где \mathfrak{M} – разрешимая τ -замкнутая p -насыщенная формация, \mathfrak{H} – минимальная τ -замкнутая p -насыщенная неразрешимая формация, при этом:

1) всякая разрешимая τ -замкнутая p -насыщенная подформация из \mathfrak{F} входит в $\mathfrak{M} \vee_\tau^p (\mathfrak{H} \cap \mathfrak{G})$;

2) всякая неразрешимая τ -замкнутая p -насыщенная подформация \mathfrak{F}_1 из \mathfrak{F} имеет вид $\mathfrak{H}\nu_i^p(\mathfrak{F}_1 \cap \mathfrak{G})$.

Если ω – множество всех простых чисел, из теоремы 4.2 вытекает

4.4. Следствие. Пусть \mathfrak{F} – неразрешимая τ -замкнутая насыщенная формация. Тогда и только тогда разрешимый l^r -дефект формации \mathfrak{F} равен 1, когда $\mathfrak{F} = \mathfrak{M}\nu_i^r \mathfrak{H}$, где \mathfrak{M} – разрешимая τ -замкнутая насыщенная формация, \mathfrak{H} – минимальная τ -замкнутая насыщенная неразрешимая формация, при этом:

1) всякая разрешимая τ -замкнутая насыщенная подформация из \mathfrak{F} входит в $\mathfrak{M}\nu_i^r(\mathfrak{H} \cap \mathfrak{G})$;

2) всякая неразрешимая τ -замкнутая насыщенная подформация \mathfrak{F}_1 из \mathfrak{F} имеет вид $\mathfrak{H}\nu_i^r(\mathfrak{F}_1 \cap \mathfrak{G})$.

Пусть τ – тривиальный подгрупповой функтор, т.е. $\tau(G) = \{G\}$ для любой группы G . Тогда из теоремы 4.2 вытекает

4.5. Следствие [5]. Пусть \mathfrak{F} – неразрешимая ω -насыщенная формация. Тогда и только тогда разрешимый l^ω -дефект формации \mathfrak{F} равен 1, когда $\mathfrak{F} = \mathfrak{M}\nu^\omega \mathfrak{H}$, где \mathfrak{M} – разрешимая ω -насыщенная формация, \mathfrak{H} – минимальная ω -насыщенная неразрешимая формация, при этом:

1) всякая разрешимая ω -насыщенная подформация из \mathfrak{F} входит в $\mathfrak{M}\nu^\omega(\mathfrak{H} \cap \mathfrak{G})$;

2) всякая неразрешимая ω -насыщенная подформация \mathfrak{F}_1 из \mathfrak{F} имеет вид $\mathfrak{H}\nu^\omega(\mathfrak{F}_1 \cap \mathfrak{G})$.

Если, кроме того, ω – множество всех простых чисел, то из теоремы 4.2 получаем

4.6. Следствие. Пусть \mathfrak{F} – неразрешимая насыщенная формация. Тогда и только тогда разрешимый дефект формации \mathfrak{F} равен 1, когда $\mathfrak{F} = \mathfrak{M}\nu_i \mathfrak{H}$, где \mathfrak{M} – разрешимая насыщенная формация, \mathfrak{H} – минимальная насыщенная неразрешимая формация, при этом:

1) всякая разрешимая насыщенная подформация из \mathfrak{F} входит в $\mathfrak{M}\nu_i(\mathfrak{H} \cap \mathfrak{G})$;

2) всякая неразрешимая насыщенная подформация \mathfrak{F}_1 из \mathfrak{F} имеет вид $\mathfrak{H}\nu_i(\mathfrak{F}_1 \cap \mathfrak{G})$.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шеметков, Л.А. Формации алгебраических систем / Л.А. Шеметков, А.Н. Скиба. – М.: Наука, 1989. – 253 с.
2. Скиба, А.Н. Алгебра формаций / А.Н. Скиба. – Минск: Бел. наука, 1997. – 240 с.
3. Скиба, А.Н. Кратно ω -локальные формации и классы Фиттинга конечных групп / А.Н. Скиба, Л.А. Шеметков // Матем. труды. – 1999. – Т. 2, № 2. – С. 114–147.
4. Скиба, А.Н. Классификация локальных формаций конечных групп с нильпотентным дефектом 2 / А.Н. Скиба, Е.А. Таргонский // Матем. заметки. – 1987. – Т. 41, вып. 4. – С. 490–499.
5. Сафонов, В.Г. О приводимых ω -насыщенных формациях с разрешимым дефектом ≤ 2 / В.Г. Сафонов, И.Н. Сафонова // Известия Гомельского госуниверситета им. Ф. Скорины. – 2005, № 5. – С. 162–165.

6. Сафонов, В.Г. Частично насыщенные формации с π -нильпотентным дефектом 1 / В.Г. Сафонов, А.И. Рябченко // Вестник Мозырского государственного педагогического университета. – 2005. – № 2(13). – С. 16–20.
7. Рябченко, А.И. Частично насыщенные формации с π -специальным дефектом 1 // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2006. – № 5. – С. 59–68.
8. Сафонов, В.Г. О ω -насыщенных формациях с π -разложимым дефектом 1 / В.Г. Сафонов, А.И. Рябченко // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. – 2006. – № 4(25). – С. 205–211.
9. Скиба, А.Н. О частично локальных формациях / А.Н. Скиба, Л.А. Шеметков // Доклады АН Беларуси. – 1995. – Т. 39, № 3. – С. 9–11.
10. Шабалина, И.П. О решетке τ -замкнутых n -кратно ω -локальных формаций конечных групп / И.П. Шабалина // Весці НАН Беларусі. Сер. фіз.-мат. наук. – 2003. – № 1. – С. 28–30.
11. Селькин, В.М. Об одной проблеме теории ω -локальных формаций / В.М. Селькин // Докл. НАН Беларуси. – 2001. – Т. 45, № 5. – С. 9–11.

S U M M A R Y

Let \mathfrak{F} be some τ -closed ω -saturated formation, \mathfrak{S} be the formation of all soluble groups. Then $\mathfrak{F}/_{\tau}^{\omega}\mathfrak{F} \cap \mathfrak{S}$ denotes the lattice of all τ -closed ω -saturated formations \mathfrak{X} such that $\mathfrak{F} \cap \mathfrak{S} \subseteq \mathfrak{X} \subseteq \mathfrak{F}$. A length of the lattice $\mathfrak{F}/_{\tau}^{\omega}\mathfrak{F} \cap \mathfrak{S}$ is called a soluble l_{τ}^{ω} -defect of the τ -closed ω -saturated formation \mathfrak{F} . In this paper we obtained the exact description of τ -closed ω -saturated formations with soluble l_{τ}^{ω} -defect 1.

Поступила в редакцию 19.02.2008

УДК 512.542

Н.Т. Воробьев, Е.А. Витько, Н.В. Иванова

О свойствах радикалов холловых подгрупп π -разрешимых групп

В теории конечных разрешимых групп многие результаты (см., например, работы Бризона [1–2], Дёрка, Порты [3], Локетта [4], Галледжи [5] и др.) связаны с приложениями классов групп, определяемых холловыми подгруппами. Один из известных результатов в этом направлении исследований был получен Бризоном [1], который описал радикал холловой подгруппы группы в терминах класса всех групп, холловы подгруппы которых принадлежат некоторому классу Фиттинга. Примечателен тот факт, что указанный результат был доказан лишь для случая, когда группа является разрешимой. Однако хорошо известно, что холловы π -подгруппы существуют и сопряжены и в случае π -разрешимой группы (известная теорема С.А. Чунихина [6]). В связи с этим естественна задача о расширении теоремы Бризона на случай конечных π -разрешимых групп. Ее решение – основной результат настоящей работы.

Нами получено описание строения радикала группы для класса Фиттинга всех π -разрешимых групп, холловы π -подгруппы которых принадлежат неко-

торому классу Фиттинга \mathfrak{F} , посредством π' -радикала факторгруппы этой группы по оболочке \mathfrak{F} -радикала ее холловой π -подгруппы. Все рассматриваемые группы конечны и π -разрешимы. В терминологии и обозначениях мы следуем [7].

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Для доказательства основного результата напомним некоторые основные понятия и приведем в качестве лемм те известные утверждения, которые мы будем использовать.

В дальнейшем через \mathfrak{S} (\mathfrak{S}^π) будем обозначать класс всех конечных разрешимых (π -разрешимых) групп.

Определение 1.1 [7]. *Класс групп \mathfrak{F} называется классом Фиттинга, если выполняются следующие требования:*

(1) *каждая нормальная подгруппа любой группы из \mathfrak{F} также принадлежит \mathfrak{F} ;*

(2) *из того, что нормальные подгруппы M и N принадлежат классу Фиттинга \mathfrak{F} , всегда следует, что их произведение MN принадлежит \mathfrak{F} .*

Определение 1.2 [7]. *Пусть \mathfrak{F} – непустой класс Фиттинга. Произведение всех нормальных \mathfrak{F} -подгрупп группы G называется \mathfrak{F} -радикалом группы G и обозначается через $G_{\mathfrak{F}}$.*

Таким образом,

$$G_{\mathfrak{F}} = \prod_{N \triangleleft G, N \in \mathfrak{F}} N$$

Лемма 1.3 [6]. *Справедливы следующие утверждения:*

1) *каждая подгруппа и факторгруппа π -разрешимой группы π -разрешима;*

2) *класс \mathfrak{S}^π замкнут относительно произведений нормальных подгрупп, то есть если $N_i \trianglelefteq G$ и $N_i \in \mathfrak{S}^\pi$ ($i = 1, 2$), то $N_1 N_2 \in \mathfrak{S}^\pi$.*

Пусть P – множество всех простых чисел, а π – некоторое множество простых чисел, т.е. $\pi \subseteq P$. Дополнение к π во множестве P обозначим через π' , т.е. $\pi' = P \setminus \pi$. Наряду с множеством π будем использовать функцию $\pi(m)$ – множество всех простых чисел, делящих натуральное число m . Зафиксируем множество простых чисел π . Если $\pi(m) \subseteq \pi$, то число m называется π -числом.

Определение 1.4 [6]. *Подгруппа H называется холловой π -подгруппой, если $|H|$ есть π -число, а индекс $|G:H|$ есть π' -число.*

Далее холлову π -подгруппу группы G будем обозначать через G_π .

Лемма 1.5 [6]. *Пусть $G \in \mathfrak{S}^\pi$. Тогда справедливы следующие утверждения:*

- 1) *холловы π -подгруппы в группе G существуют;*
- 2) *любые две холловы π -подгруппы группы G сопряжены между собой;*
- 3) *каждая π -подгруппа группы G содержится в некоторой холловой π -подгруппе G .*

Лемма 1.6 [6]. *Пусть $G \in \mathfrak{S}^\pi$ и G_π – холлова π -подгруппа группы G . Тогда справедливы следующие утверждения:*

1) *если $N \trianglelefteq G$, то $N_\pi = N \cap G_\pi$ и $(G/N)_\pi = G_\pi N / N$;*

2) *если $N_1 \trianglelefteq G$ и $N_2 \trianglelefteq G$, то $G_\pi \cap N_1 N_2 = (G_\pi \cap N_1)(G_\pi \cap N_2)$.*

Лемма 1.7 [8]. *Пусть $G \in \mathfrak{S}^\pi$ и \mathfrak{N}^π – класс Фиттинга всех π -нильпотентных групп, тогда для π -нильпотентного радикала группы G справедливо включение:*

$$C_G(G_{\mathfrak{F}^\pi}) \subseteq G_{\mathfrak{F}^\pi}.$$

Заметим, что π -нильпотентный радикал обозначают также через $F_\pi(G)$.

2. КЛАСС $K_\pi(\mathfrak{F})$

Определение 2.1. Если \mathfrak{F} – класс Фиттинга и π – некоторое множество простых чисел, то через $K_\pi(\mathfrak{F})$ обозначим класс всех тех π -разрешимых групп G , в которых холлова π -подгруппа является \mathfrak{F} -группой, т.е.

$$K_\pi(\mathfrak{F}) = \{G \in \mathfrak{S}^\pi : G_\pi \in \mathfrak{F}\}.$$

Если $\mathfrak{F} = \emptyset$, то положим $K_\pi(\mathfrak{F}) = \emptyset$. В случае, когда $\pi = \emptyset$ и $\pi = P$, положим $K_\pi(\mathfrak{F}) = \mathfrak{S}^\pi$ и $K_\pi(\mathfrak{F}) = \mathfrak{F}$ соответственно.

Лемма 2.2. Для любого множества простых чисел π и любого класса Фиттинга \mathfrak{F} класс $K_\pi(\mathfrak{F})$ является классом Фиттинга.

Доказательство.

Пусть $G \in K_\pi(\mathfrak{F})$, т.е.

$$G \in \mathfrak{S}^\pi \text{ и } G_\pi \in \mathfrak{F}.$$

Если N – нормальная подгруппа группы G , то по утверждению 1) леммы 1.3 $N \in \mathfrak{S}^\pi$. Следовательно, по утверждению 1) леммы 1.6, подгруппа $G_\pi \cap N$ является холловой π -подгруппой группы N . Кроме того, $G_\pi \cap N$ – нормальная подгруппа группы G_π , но \mathfrak{F} – класс Фиттинга и G_π является \mathfrak{F} -группой, следовательно, $G_\pi \cap N \in \mathfrak{F}$.

Итак, $N \in K_\pi(\mathfrak{F})$.

Пусть N_1, N_2 – нормальные подгруппы группы G такие, что $G = N_1 N_2$ и $N_1, N_2 \in K_\pi(\mathfrak{F})$.

Тогда по определению класса $K_\pi(\mathfrak{F})$, получаем что холловы π -подгруппы $(N_1)_\pi$ и $(N_2)_\pi$ являются \mathfrak{F} -группами. Но по утверждению 1) леммы 1.6 $(N_1)_\pi = G_\pi \cap N_1$ и $(N_2)_\pi = G_\pi \cap N_2$, где G_π – холлова π -подгруппа группы G . Кроме того, заметим, что $G_\pi \cap N_1 \trianglelefteq G_\pi$ и $G_\pi \cap N_2 \trianglelefteq G_\pi$. Следовательно, ввиду того, что \mathfrak{F} – класс Фиттинга, произведение $(G_\pi \cap N_1)(G_\pi \cap N_2) \in \mathfrak{F}$. Но тогда по утверждению 2) леммы 1.6

$$(G_\pi \cap N_1)(G_\pi \cap N_2) = G_\pi \cap N_1 N_2 = G_\pi \in \mathfrak{F}.$$

Это означает, что $G \in K_\pi(\mathfrak{F})$.

Лемма доказана.

Лемма 2.3. Пусть \mathfrak{F} – класс Фиттинга и π – некоторое множество простых чисел. Тогда

$$K_\pi(\mathfrak{F})\mathfrak{E}_\pi = K_\pi(\mathfrak{F}).$$

Доказательство.

Учитывая свойства произведения классов Фиттинга, получаем

$$K_\pi(\mathfrak{F})\mathfrak{E}_\pi \supseteq K_\pi(\mathfrak{F}).$$

Докажем обратное включение.

Пусть $G \in K_\pi(\mathfrak{F})\mathfrak{E}_\pi$. Обозначим через H холлову π -подгруппу группы $G_{K_\pi(\mathfrak{F})}$. Так как $G_{K_\pi(\mathfrak{F})} \in K_\pi(\mathfrak{F})$, то $H \in \mathfrak{F}$. По определению холловой π -подгруппы порядок подгруппы H есть π -число. Так как $G/G_{K_\pi(\mathfrak{F})} \in \mathfrak{E}_\pi$, то индекс

$$|G:H| = \left| G:G_{K_\pi(\mathfrak{F})} \right| \cdot \left| G_{K_\pi(\mathfrak{F})}:H \right|$$

является π' -числом. Таким образом, H – холлова π -подгруппа группы G и $H \in \mathfrak{F}$. Следовательно, $G \in K_\pi(\mathfrak{F})$.

Таким образом,

$$K_\pi(\mathfrak{F})\mathfrak{C}_\pi \subseteq K_\pi(\mathfrak{F}).$$

Лемма доказана.

3. РАДИКАЛЫ ХОЛЛОВЫХ ПОДГРУПП

Напомним, что нормальным замыканием или оболочкой подгруппы H в группе G называется наименьшая из нормальных подгрупп группы G , содержащая подгруппу H . Оболочку подгруппы H в группе G обозначают через H^G .

Теорема 3.1. Пусть \mathfrak{F} – непустой класс Фиттинга, G – π -разрешимая группа, H – ее холлова π -подгруппа, $\langle (H_\mathfrak{F})^G \rangle$ – подгруппа группы G , порожденная оболочкой \mathfrak{F} -радикала холловой π -подгруппы, тогда

$$G_{K_\pi(\mathfrak{F})} / \langle (H_\mathfrak{F})^G \rangle = (G / \langle (H_\mathfrak{F})^G \rangle)_{\mathfrak{C}_\pi}.$$

Доказательство.

Пусть $K = G_{K_\pi(\mathfrak{F})}$. Докажем вначале, что справедливо равенство

$$K \cap H = H_\mathfrak{F} \tag{1}$$

Т.к. K – нормальная подгруппа группы G , то $H \cap K$ является холловой π -подгруппой группы K . Следовательно, $H \cap K$ является \mathfrak{F} -группой, т.к. $K \in K_\pi(\mathfrak{F})$. Тогда из того, что $H \cap K \leq H$, следует $H \cap K \subseteq H_\mathfrak{F}$.

Докажем обратное включение.

Пусть $F/K = F_\pi(G/K)$ – π -нильпотентный радикал группы G/K . Тогда $F/K \in \mathfrak{C}_\pi \mathfrak{N}_\pi$.

Следовательно, по лемме 2.3 $F \in K_\pi(\mathfrak{F})\mathfrak{C}_\pi \mathfrak{N}_\pi = K_\pi(\mathfrak{F})\mathfrak{N}_\pi$, и поэтому

$$F/K \in \mathfrak{N}_\pi.$$

Значит, F/K является π -группой.

Тогда по лемме 1.5 F/K является подгруппой холловой π -подгруппы NK/K группы G/K для некоторой холловой π -подгруппы N группы G . Следовательно, $F \leq NK$, и любой элемент f группы F можно представить в виде:

$$f = hk,$$

где $h \in N$, $k \in K$.

Из того, что

$$(H_\mathfrak{F})^k K = H_\mathfrak{F} K,$$

получаем

$$fH_\mathfrak{F}K = hkH_\mathfrak{F}K = hk(H_\mathfrak{F})^k K = hkk^{-1}H_\mathfrak{F}kK = hH_\mathfrak{F}kK = H_\mathfrak{F}hkK = H_\mathfrak{F}fK = H_\mathfrak{F}Kf.$$

Следовательно,

$$F \subseteq N_G(H_\mathfrak{F}K).$$

Так как N – холлова π -подгруппа группы G , то порядок ее подгруппы $H_\mathfrak{F}$ является π -числом.

С другой стороны, индекс

$$\left| H_\mathfrak{F}K : H_\mathfrak{F} \right| = \frac{|H_\mathfrak{F}K|}{|H_\mathfrak{F}|} = \frac{|H_\mathfrak{F}| \cdot |K|}{|H_\mathfrak{F} \cap K| \cdot |H_\mathfrak{F}|} = \frac{|K|}{|H_\mathfrak{F} \cap K|} = \frac{|K|}{|H_\mathfrak{F} \cap H \cap K|} = \frac{|K|}{|H \cap K|}.$$

Так как по утверждению 1 леммы 1.6 $K \cap H$ холлова π -подгруппа группы K , то индекс $|H_\mathfrak{F}K : H_\mathfrak{F}| = |K : H \cap K|$ является π' -числом.

Следовательно, по определению холловой π -подгруппы, $H_\mathfrak{F}$ – холлова π -подгруппа группы $H_\mathfrak{F}K$.

Но тогда из того, что $H_\mathfrak{F} \in \mathfrak{F}$, следует $H_\mathfrak{F}K \in K_\pi(\mathfrak{F})$.

Так как $F \cap H_{\mathfrak{F}}K$ – нормальная подгруппа группы $H_{\mathfrak{F}}K$ и $H_{\mathfrak{F}}K \in K_{\pi}(\mathfrak{F})$, то $F \cap H_{\mathfrak{F}}K \in K_{\pi}(\mathfrak{F})$.

Используя тот факт, что подгруппа F содержится в нормализаторе подгруппы $H_{\mathfrak{F}}K$ в группе G , получаем

$$(F \cap H_{\mathfrak{F}}K)^f = F^f \cap (H_{\mathfrak{F}}K)^f = F \cap H_{\mathfrak{F}}K,$$

где $f \in F$.

Тогда $F \cap H_{\mathfrak{F}}K \trianglelefteq F \trianglelefteq G$, т.е. $F \cap H_{\mathfrak{F}}K \triangleleft \triangleleft G$. Следовательно,

$$F \cap H_{\mathfrak{F}}K \leq G_{K_{\pi}(\mathfrak{F})} = K.$$

Рассмотрим элемент взаимного коммутанта групп F и $H_{\mathfrak{F}}K$:

$$x = f^{-1}(hk)^{-1}fhk,$$

где $f \in F$, $h \in H_{\mathfrak{F}}$, $k \in K$. Из того, что $f \in N_G(H_{\mathfrak{F}}K)$, следует, что $f^{-1}(hk)^{-1}f \in H_{\mathfrak{F}}K$ и $x \in H_{\mathfrak{F}}K$. Но $F \trianglelefteq G$ и поэтому $(hk)^{-1}fhk \in F$. Значит, $x \in F$. Таким образом,

$$[F, H_{\mathfrak{F}}K] \leq F \cap H_{\mathfrak{F}}K.$$

Следовательно, $H_{\mathfrak{F}}K \leq C_G(F/K)$ и по лемме 1.7 $C_G(F/K) \subseteq F$, и поэтому

$$H_{\mathfrak{F}} \leq H \cap H_{\mathfrak{F}}K \cap F \leq H \cap K.$$

Таким образом, мы доказали равенство $K \cap H = H_{\mathfrak{F}}$.

Теперь в силу (1) индекс $|K : H_{\mathfrak{F}}|$ есть π' -число. Обозначим через M подгруппу $\langle (H_{\mathfrak{F}})^G \rangle$. Ясно, что $M \leq K$, и что $K/M \leq (G/M)_{\mathfrak{C}_{\pi}}$. С другой стороны, положив

$$L/M = (G/M)_{\mathfrak{C}_{\pi}}$$

и из того, что $M \trianglelefteq K$, следует, что $M \in K_{\pi}(\mathfrak{F})$. Следовательно,

$$L \in K_{\pi}(\mathfrak{F})_{\mathfrak{C}_{\pi}}.$$

Отсюда $L \in K_{\pi}(\mathfrak{F})$, т.е. $L \leq K$.

Теорема доказана.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Brison, O.J.** Hall operators for Fitting classes / O.J. Brison // Arch. Math. (Basel). – 1979. – Vol. 33. – Z. 1–9.
2. **Brison, O.J.** Hall-closure and product of fitting classes / O.J. Brison // J. Austral. Math. Soc. (Series A). – 1982. – Vol. 32. – P. 145–164.
3. **Doerk, K.** Über Vertauschbarkeit, normale Einbettung und Dominanz bei Fittingklassen endlicher auflösbarer Gruppen / K. Doerk, M. Porta // Arch. Math. – 1980. – Vol. 35. – Z. 319–327.
4. **Lockett, F.P.** On the Theory of Fitting classes of finite soluble groups / F.P. Lockett // Math. Z. – 1973. – Vol. 131. – P. 103–115.
5. **Gallego, M.** A note on Hall operators for Fitting classes / M. Gallego // Bull. London Math. Soc. – 1985. – Vol. 17. – P. 248–252.
6. **Чунихин, С.А.** Подгруппы конечных групп / С.А. Чунихин. – Минск: Наука и техника, 1964. – 168 с.
7. **Doerk K.** Finite Soluble Groups / K. Doerk, T. Hawkes. – Berlin–N. Y.: Walter de Gruyter, 1992. – 891 p.
8. **Шеметков, Л.А.** Формации конечных групп / Л.А. Шеметков. – М.: Наука, 1978.

S U M M A R Y

The description of Hall π -subgroup of finite group of π -soluble group for any Fitting class is received.

Поступила в редакцию 6.03.2008

УДК 521.1

Ю.В. Трубников, А.М. Воронов

Аппроксимативный метод решения задачи многих тел

В работе предлагается алгоритм приближенного аналитического решения задачи многих тел, основанный на квадратичной аппроксимации силовой функции.

Силовая функция задачи $n+1$ -го тела, рассматриваемой в системе абсолютных прямоугольных координат, имеет вид

$$U_1 = \frac{1}{2} f \sum_{\substack{i,j=0 \\ j \neq i}}^n \frac{m_i m_j}{r_{ij}}, \quad (1)$$

где f – гравитационная постоянная

$$[f] = \frac{l^3}{mt^2},$$

m_i ($i = 0, 1, \dots, n$) – массы гравитирующих тел,

$$r_{ij} = \sqrt{(x_i - x_j)^2 + (y_i - y_j)^2 + (z_i - z_j)^2} -$$

взаимные расстояния между точками M_i и M_j .

Опишем прежде всего шаг аппроксимации. Множитель $\frac{1}{r}$ можно представить как

$$\frac{1}{r} = \frac{1}{\sqrt{r^2}} = \varphi(r^2)$$

и, следовательно, если мы найдем коэффициенты a_0, a_1

$$\varphi(r^2) \approx a_1 r^2 + a_0, \quad (2)$$

то замена

$$\frac{1}{r_{ij}} = a_1(i, j) r_{ij}^2 + a_0(i, j) \quad (i, j = 0, 1, \dots, n, i \neq j) \quad (3)$$

приводит силовую функцию к сумме квадратичных функций, а систему нелинейных дифференциальных уравнений

$$m_j \ddot{x}_j = \frac{\partial U_1}{\partial x_j}, \quad m_j \ddot{y}_j = \frac{\partial U_1}{\partial y_j}, \quad m_j \ddot{z}_j = \frac{\partial U_1}{\partial z_j} \quad (j = 0, 1, \dots, n) \quad (4)$$

к соответствующей линейной системе с постоянными коэффициентами.

В качестве способа аппроксимации применим наилучшее приближение в чебышевской метрике [1, 2].

Лемма 1. Пусть $a > 0$, $0 < e < 1$,

$$a^2(1-e)^2 \leq s \leq a^2(1+e)^2,$$

тогда полином наилучшего приближения для функции

$$\varphi(s) = \frac{1}{\sqrt{s}}$$

является полиномом

$$P(s) = a_1 s + a_0, \quad (5)$$

где

$$a_1 = \frac{1}{2a^3(1-e^2)}, \quad a_0 = \frac{1}{4a(1-e^2)^{\frac{1}{3}}} \left[\frac{3+e^2}{(1-e^2)^{\frac{2}{3}}} + 3 \right]. \quad (6)$$

При этом оценка погрешности h_{\max} имеет следующий вид:

$$h_{\max} = \frac{1}{4a(1-e^2)^{\frac{1}{3}}} \left[\frac{3+e^2}{(1-e^2)^{\frac{2}{3}}} - 3 \right]. \quad (7)$$

Приведем числовой пример. В астрономической системе единиц (среднее расстояние Земли от Солнца, масса Солнца=1, средние солнечные сутки) оценка погрешности δ силовой функции для системы тел: Солнце, Земля+Луна, Юпитер – составляет

$$\delta = 9,9051 \cdot 10^{-11}, \quad [\delta] = \frac{(1a.e.)^2 \cdot (1массы)}{сут.^2}.$$

Далее в качестве силовой функции берется функция

$$\tilde{U} = \frac{1}{2} f \sum_{\substack{i,j \\ i \neq j}} m_i m_j [a_1(i,j) r_{ij}^2 + a_0(i,j)] \quad (i, j = 0, 1, \dots, n), \quad (8)$$

а соответствующая система дифференциальных уравнений [3] приводится к виду:

$$m_k \ddot{x}_k = \frac{\partial \tilde{U}}{\partial x_k}, \quad m_k \ddot{y}_k = \frac{\partial \tilde{U}}{\partial y_k}, \quad m_k \ddot{z}_k = \frac{\partial \tilde{U}}{\partial z_k} \quad (k = 0, 1, \dots, n). \quad (9)$$

В развернутой форме получаем, что

$$\ddot{x}_k = 2f \left(\sum_{j \neq k} m_j b_{kj} \right) x_k - 2f \sum_{j \neq k} m_j b_{kj} x_j, \quad (10.1)$$

$$\ddot{y}_k = 2f \left(\sum_{j \neq k} m_j b_{kj} \right) y_k - 2f \sum_{j \neq k} m_j b_{kj} y_j, \quad (10.2)$$

$$\ddot{z}_k = 2f \left(\sum_{j \neq k} m_j b_{kj} \right) z_k - 2f \sum_{j \neq k} m_j b_{kj} z_j. \quad (10.3)$$

Таким образом, система нелинейных дифференциальных уравнений (4)

после аппроксимации распадается на 3 подсистемы (10.1)–(10.3), каждая из которых имеет одну и ту же матрицу коэффициентов D , где

$$(D)_{kk} = b_{kk} = -f \sum_{j \neq k} \frac{m_j}{a_{kj}^3 (1 - e_{kj}^2)}; \quad (11)$$

$$(D)_{kj} = b_{kj} = f \frac{m_j}{a_{kj}^3 (1 - e_{kj}^2)} \quad (j \neq k). \quad (12)$$

Здесь

$$a_{kj} = \frac{1}{2} (r_{kj \max} + r_{kj \min}) - \quad (13)$$

среднее расстояние между телом M_k и телом M_j ,

$$e_{kj} = \frac{r_{kj \max} - r_{kj \min}}{r_{kj \max} + r_{kj \min}} - \quad (14)$$

величина, которая играет роль взаимного эксцентриситета между телами M_k и M_j .

Сделаем следующие обозначения: (\bullet, \bullet) – скалярное произведение векторов; $[\bullet, \bullet]$ – векторное произведение векторов;

$$\vec{r}_k = \begin{bmatrix} x_k \\ y_k \\ z_k \end{bmatrix} \quad k = (0, 1, \dots, n).$$

Справедлива теорема о первых интегралах системы (10.1)–(10.3).

Теорема 1. *Имеют место следующие равенства*

$$\frac{1}{m} \sum_{k=0}^n m_k \ddot{\vec{r}}_k = 0, \quad m = \sum_{k=0}^n m_k, \quad (15)$$

$$\frac{1}{m} \sum_{k=0}^n m_k \dot{\vec{r}}_k = \frac{1}{m} \vec{a}, \quad (16)$$

$$\frac{1}{m} \sum_{k=0}^n m_k \vec{r}_k = \frac{1}{m} \vec{a}t + \frac{1}{m} \vec{b}, \quad (17)$$

где \vec{a} и \vec{b} – векторные константы.

$$\sum_{k=0}^n \left(x_k \frac{\partial \tilde{U}}{\partial x_k} + y_k \frac{\partial \tilde{U}}{\partial y_k} + z_k \frac{\partial \tilde{U}}{\partial z_k} \right) = \sum_{k=0}^n (\vec{r}_k, m_k \ddot{\vec{r}}_k) = 2\tilde{U}, \quad (18)$$

$$\sum_{k=0}^n [\vec{r}_k, m_k \dot{\vec{r}}_k] = \vec{\zeta}, \quad (19)$$

где $\vec{\zeta}$ – постоянный вектор,

$$T \equiv \frac{1}{2} \sum_{k=0}^n m_k (\dot{x}_k^2 + \dot{y}_k^2 + \dot{z}_k^2) = \tilde{U} + c, \quad (20)$$

где c – постоянная.

Обозначив

$$\vec{r}_x = \begin{bmatrix} x_0 \\ x_1 \\ \vdots \\ x_n \end{bmatrix}, \quad \vec{r}_y = \begin{bmatrix} y_0 \\ y_1 \\ \vdots \\ y_n \end{bmatrix}, \quad \vec{r}_z = \begin{bmatrix} z_0 \\ z_1 \\ \vdots \\ z_n \end{bmatrix},$$

запишем основную систему дифференциальных уравнений в векторном виде:

$$\ddot{\vec{r}}_x = D\vec{r}_x; \quad \ddot{\vec{r}}_y = D\vec{r}_y; \quad \ddot{\vec{r}}_z = D\vec{r}_z. \quad (21)$$

К системе (21) можно применять как численные, так и аналитические методы решения и анализа поведения решений задачи Коши или краевых задач.

В относительной прямоугольной системе координат с центром в точке M_0 система дифференциальных уравнений (21) будет иметь вид:

$$\ddot{x}_k = 2f \left\{ \left[(m_0 + m_k)b_{0k} + \sum_{\substack{j \neq 0, \\ j \neq k}} m_j b_{kj} \right] x_k + \sum_{\substack{j \neq 0, \\ j \neq k}} m_j (b_{0j} - b_{kj}) x_j \right\}, \quad (22.1)$$

$$\ddot{y}_k = 2f \left\{ \left[(m_0 + m_k)b_{0k} + \sum_{\substack{j \neq 0, \\ j \neq k}} m_j b_{kj} \right] y_k + \sum_{\substack{j \neq 0, \\ j \neq k}} m_j (b_{0j} - b_{kj}) y_j \right\}, \quad (22.2)$$

$$\ddot{z}_k = 2f \left\{ \left[(m_0 + m_k)b_{0k} + \sum_{\substack{j \neq 0, \\ j \neq k}} m_j b_{kj} \right] z_k + \sum_{\substack{j \neq 0, \\ j \neq k}} m_j (b_{0j} - b_{kj}) z_j \right\}, \quad (22.3)$$

($k = 1, 2, \dots, n$)

где

$$b_{kj} = -\frac{1}{2} \cdot \frac{1}{a_{kj}^3 (1 - e_{kj}^2)}. \quad (23)$$

Например, для Солнечной системы уравнение (22.1) будет выглядеть следующим образом:

$$\begin{aligned} \ddot{x}_1 = & -7.1318 \cdot 10^{-13} x_1(t) + 1.3827 \cdot 10^{-19} x_2(t) + 3.0000 \cdot 10^{-19} x_3(t) + 1.2263 \cdot 10^{-23} x_4(t) \\ & - 1.1778 \cdot 10^{-20} x_5(t) - 8.5332 \cdot 10^{-22} x_6(t) - 1.4071 \cdot 10^{-23} x_7(t) - 9.6970 \cdot 10^{-25} x_8(t) \\ & - 6.8036 \cdot 10^{-26} x_9(t) \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \ddot{x}_2 = & -1.0469 \cdot 10^{-13} x_2(t) - 7.8898 \cdot 10^{-20} x_1(t) + 1.2865 \cdot 10^{-18} x_3(t) + 6.0620 \cdot 10^{-22} x_4(t) \\ & - 8.9954 \cdot 10^{-22} x_6(t) - 2.9882 \cdot 10^{-23} x_7(t) - 1.1716 \cdot 10^{-24} x_8(t) - 3.2028 \cdot 10^{-26} x_9(t) \\ & - 1.2031 \cdot 10^{-20} x_5(t) \end{aligned}$$

$$\begin{aligned}
\ddot{x}_3 &= -3.9632 \cdot 10^{-14} x_3(t) - 9.4806 \cdot 10^{-20} x_1(t) - 5.5608 \cdot 10^{-20} x_2(t) + 2.2516 \cdot 10^{-21} x_4(t) - \\
&\quad - 8.0026 \cdot 10^{-22} x_6(t) - 1.4175 \cdot 10^{-23} x_7(t) - 1.0837 \cdot 10^{-24} x_8(t) - 6.7646 \cdot 10^{-26} x_9(t) \\
&\quad - 6.0788 \cdot 10^{-21} x_5(t) \\
\ddot{x}_4 &= -1.1299 \cdot 10^{-14} x_4(t) - 1.0026 \cdot 10^{-19} x_1(t) - 2.2512 \cdot 10^{-19} x_2(t) - 6.4746 \cdot 10^{-19} x_3(t) \\
&\quad - 3.9256 \cdot 10^{-22} x_6(t) - 1.1136 \cdot 10^{-23} x_7(t) - 5.3978 \cdot 10^{-25} x_8(t) - 6.6418 \cdot 10^{-26} x_9(t) \\
&\quad + 1.6616 \cdot 10^{-20} x_5(t) \\
\ddot{x}_5 &= -2.8206 \cdot 10^{-16} x_5(t) - 1.0184 \cdot 10^{-19} x_1(t) - 2.5688 \cdot 10^{-19} x_2(t) - 1.1925 \cdot 10^{-18} x_3(t) \\
&\quad + 4.7888 \cdot 10^{-21} x_6(t) + 8.8508 \cdot 10^{-24} x_7(t) - 1.3460 \cdot 10^{-24} x_8(t) - 1.0284 \cdot 10^{-26} x_9(t) \\
&\quad - 3.5556 \cdot 10^{-21} x_4(t) \\
\ddot{x}_6 &= -4.5246 \cdot 10^{-17} x_6(t) - 1.0187 \cdot 10^{-19} x_1(t) - 2.5744 \cdot 10^{-19} x_2(t) - 1.1996 \cdot 10^{-18} x_3(t) \\
&\quad - 2.0988 \cdot 10^{-19} x_5(t) + 7.3962 \cdot 10^{-23} x_7(t) + 9.0870 \cdot 10^{-24} x_8(t) - 4.6938 \cdot 10^{-26} x_9(t) \\
&\quad - 3.6382 \cdot 10^{-21} x_4(t) \\
\ddot{x}_7 &= -5.5910 \cdot 10^{-18} x_7(t) - 1.0188 \cdot 10^{-19} x_1(t) - 2.5752 \cdot 10^{-19} x_2(t) - 1.2007 \cdot 10^{-18} x_3(t) \\
&\quad - 2.6350 \cdot 10^{-19} x_5(t) - 1.0826 \cdot 10^{-20} x_6(t) + 5.4032 \cdot 10^{-23} x_8(t) + 9.7888 \cdot 10^{-27} x_9(t) \\
&\quad - 3.6506 \cdot 10^{-21} x_4(t) \\
\ddot{x}_8 &= -1.4544 \cdot 10^{-18} x_8(t) - 1.0188 \cdot 10^{-19} x_1(t) - 2.5752 \cdot 10^{-19} x_2(t) - 1.2008 \cdot 10^{-18} x_3(t) \\
&\quad - 2.6764 \cdot 10^{-19} x_5(t) - 1.2439 \cdot 10^{-20} x_6(t) - 1.3497 \cdot 10^{-22} x_7(t) + 2.5460 \cdot 10^{-25} x_9(t) \\
&\quad - 3.6518 \cdot 10^{-21} x_4(t) \\
\ddot{x}_9 &= -6.9710 \cdot 10^{-19} x_9(t) - 1.0188 \cdot 10^{-19} x_1(t) - 2.5754 \cdot 10^{-19} x_2(t) - 1.2009 \cdot 10^{-18} x_3(t) \\
&\quad - 2.6838 \cdot 10^{-19} x_5(t) - 1.2746 \cdot 10^{-20} x_6(t) - 2.1240 \cdot 10^{-22} x_7(t) + 3.9008 \cdot 10^{-25} x_8(t) \\
&\quad - 3.6522 \cdot 10^{-21} x_4(t)
\end{aligned} \tag{24}$$

Коэффициенты получены в системе единиц CGS.

Систему дифференциальных уравнений (24) можно решать и исследовать различными методами. Один из методов состоит в нахождении собственных чисел и собственных векторов матрицы M коэффициентов системы (24).

Если обозначить собственные значения матрицы M в порядке их возрастания через λ_k , то обозначив

$$\omega_k = (-\lambda_k)^{\frac{1}{2}} \quad (k=1,2,\dots,9)$$

получаем

$$\begin{aligned}
\omega_1 &:= 8.4449 \cdot 10^{-7} & \omega_2 &:= 3.2356 \cdot 10^{-7} & \omega_3 &:= 1.9908 \cdot 10^{-7} & \omega_4 &:= 1.0630 \cdot 10^{-7} & \omega_5 &:= 1.6794 \cdot 10^{-8} \\
\omega_6 &:= 6.7266 \cdot 10^{-9} & \omega_7 &:= 1.2060 \cdot 10^{-9} & \omega_8 &:= 2.3645 \cdot 10^{-9} & \omega_9 &:= 8.3492 \cdot 10^{-10}
\end{aligned}$$

Для нахождения решения двухточечной краевой задачи необходимо найти коэффициенты c_1, c_2, \dots, c_n ; d_1, d_2, \dots, d_n из системы линейных уравнений

$$\sum_{k=1}^n [h_{jk} c_k \cos(\omega_k t_0) + h_{jk} d_k \sin(\omega_k t_0)] = x_j(t_0),$$

$$\sum_{k=1}^n [h_{jk} c_k \cos(\omega_k t_1) + h_{jk} d_k \sin(\omega_k t_1)] = x_j(t_1),$$
(25)

где h_{jk} ($j = 1, 2, \dots, n; k = 1, 2, \dots, n$) – j -я координата k -го собственного вектора.

Матрицу коэффициентов системы (25) можно представить в виде произведения двух матриц HB , где матрицы H и B имеют вид:

$$H = \begin{bmatrix} h_{11} & 0 & h_{12} & 0 & h_{13} & \dots & h_{1n} & 0 \\ h_{21} & 0 & h_{22} & 0 & h_{23} & \dots & h_{2n} & 0 \\ h_{31} & 0 & h_{32} & 0 & h_{33} & \dots & h_{3n} & 0 \\ \vdots & \vdots & \vdots & \vdots & \vdots & \ddots & \vdots & \vdots \\ h_{n1} & 0 & h_{n2} & 0 & h_{n3} & \dots & h_{nn} & 0 \\ 0 & h_{11} & 0 & h_{12} & 0 & \dots & 0 & h_{1n} \\ 0 & h_{21} & 0 & h_{22} & 0 & \dots & 0 & h_{2n} \\ \vdots & \vdots & \vdots & \vdots & \vdots & \ddots & \vdots & \vdots \\ 0 & h_{n1} & 0 & h_{n2} & 0 & \dots & 0 & h_{nn} \end{bmatrix},$$

$$B = \begin{bmatrix} \cos(\omega_1 t_0) & \sin(\omega_1 t_0) & 0 & 0 & \dots & 0 & 0 \\ \cos(\omega_1 t_1) & \sin(\omega_1 t_1) & 0 & 0 & \dots & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \cos(\omega_2 t_0) & \sin(\omega_2 t_0) & \dots & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \cos(\omega_2 t_1) & \sin(\omega_2 t_1) & \dots & 0 & 0 \\ \vdots & \vdots & \vdots & \vdots & \ddots & \vdots & \vdots \\ 0 & 0 & 0 & 0 & \dots & \cos(\omega_n t_0) & \sin(\omega_n t_0) \\ 0 & 0 & 0 & 0 & \dots & \cos(\omega_n t_1) & \sin(\omega_n t_1) \end{bmatrix}.$$

Например, для Солнечной системы такая матрица имеет вид:

$$B18 := [[0.65594, -0.75481, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0],$$

$$[-0.045632, 0.99896, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0],$$

$$[0, 0, -0.22368, -0.97466, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0],$$

$$[0, 0, 0.012481, 0.99992, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0],$$

$$[0, 0, 0, 0, -0.92830, 0.37184, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0],$$

$$[0, 0, 0, 0, 0.11208, -0.99370, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0],$$

$$[0, 0, 0, 0, 0, 0, 0.096546, 0.99533, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0],$$

$$[0, 0, 0, 0, 0, 0, -0.84438, 0.53575, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0],$$

$$[0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0.97301, 0.23078, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0],$$

$$[0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0.91831, 0.39586, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0],$$

$$[0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0.99565, 0.093143, 0, 0, 0, 0, 0, 0],$$

$$\begin{aligned}
& - 5.2679 \cdot 10^{-7} \cos(1.6794 \cdot 10^{-8} t - 6.2832 \cdot \text{floor}(2.6728 \cdot 10^{-9} t)) \\
& + 6.0506 \cdot 10^{-7} \sin(1.6794 \cdot 10^{-8} t - 6.2832 \cdot \text{floor}(2.6728 \cdot 10^{-9} t)) \\
& + 1.0999 \cdot 10^{-7} \cos(6.7266 \cdot 10^{-9} t - 6.2832 \cdot \text{floor}(1.0706 \cdot 10^{-9} t)) \\
& + 1.6399 \cdot 10^{-7} \sin(6.7266 \cdot 10^{-9} t - 6.2832 \cdot \text{floor}(1.0706 \cdot 10^{-9} t)) \\
& + 5.3619 \cdot 10^{-9} \cos(1.2060 \cdot 10^{-9} t - 6.2832 \cdot \text{floor}(1.9194 \cdot 10^{-10} t)) \\
& - 8.2286 \cdot 10^{-9} \sin(1.2060 \cdot 10^{-9} t - 6.2832 \cdot \text{floor}(1.9194 \cdot 10^{-10} t)) \\
& + 2.4724 \cdot 10^{-10} \cos(2.3645 \cdot 10^{-9} t - 6.2832 \cdot \text{floor}(3.7631 \cdot 10^{-10} t)) \\
& - 3.9054 \cdot 10^{-10} \sin(2.3645 \cdot 10^{-9} t - 6.2832 \cdot \text{floor}(3.7631 \cdot 10^{-10} t)) \\
& + 4.9088 \cdot 10^{-11} \cos(8.3492 \cdot 10^{-10} t - 6.2832 \cdot \text{floor}(1.3288 \cdot 10^{-10} t)) \\
& - 2.5396 \cdot 10^{-11} \sin(8.3492 \cdot 10^{-10} t - 6.2832 \cdot \text{floor}(1.3288 \cdot 10^{-10} t))
\end{aligned}$$

Здесь были использованы данные:

$$\begin{aligned}
t_0 &:= 1.3867 \cdot 10^7 & t_1 &:= 2.4235 \cdot 10^7 & f &:= 6.6720 \cdot 10^{-8} & m_0 &:= 1.9880 \cdot 10^{33} & m_1 &:= 2.8401 \cdot 10^{26} \\
m_2 &:= 4.8905 \cdot 10^{27} & m_3 &:= 6.0242 \cdot 10^{28} & m_4 &:= 6.4264 \cdot 10^{26} & m_5 &:= 1.8981 \cdot 10^{30} \\
m_6 &:= 5.6791 \cdot 10^{29} & m_7 &:= 8.6929 \cdot 10^{28} & m_R &:= 1.0293 \cdot 10^{29} & m_9 &:= 6.6266 \cdot 10^{26} \\
a_1 &:= 1.4960 \cdot 10^{13} & xI(1.3867 \cdot 10^7) &:= -5.1791 \cdot 10^{12} & x2(1.3867 \cdot 10^7) &:= 4.1207 \cdot 10^{12} \\
x3(1.3867 \cdot 10^7) &:= -6.5417 \cdot 10^{12} & x4(1.3867 \cdot 10^7) &:= -6.4822 \cdot 10^{11} \\
x5(1.3867 \cdot 10^7) &:= 3.6383 \cdot 10^{13} & x6(1.3867 \cdot 10^7) &:= -9.2225 \cdot 10^{13} \\
x7(1.3867 \cdot 10^7) &:= -2.1848 \cdot 10^{14} & x8(1.3867 \cdot 10^7) &:= -1.2817 \cdot 10^{14} \\
x9(1.3867 \cdot 10^7) &:= -4.2730 \cdot 10^{14} & xI(2.4235 \cdot 10^7) &:= -5.1356 \cdot 10^{11} \\
x2(2.4235 \cdot 10^7) &:= -9.8278 \cdot 10^{12} & x3(2.4235 \cdot 10^7) &:= -8.5478 \cdot 10^{12} \\
x4(2.4235 \cdot 10^7) &:= 2.0048 \cdot 10^{13} & x5(2.4235 \cdot 10^7) &:= 2.3827 \cdot 10^{13} \\
x6(2.4235 \cdot 10^7) &:= -9.9903 \cdot 10^{13} & x7(2.4235 \cdot 10^7) &:= -2.1412 \cdot 10^{14} \\
x8(2.4235 \cdot 10^7) &:= -1.2280 \cdot 10^{14} & x9(2.4235 \cdot 10^7) &:= -4.2533 \cdot 10^{14}
\end{aligned}$$

Можно привести значения координаты x в гелиоцентрической системе координат для планеты Плутон для некоторых дат 1960 года и сравнить их с табличными

$$\begin{array}{llll}
x_{9160} := -28.565 & x_{9180} := -28.543 & x_{9200} := -28.521 & x_{9240} := -28.477 \\
x_{9280} := -28.432 & x_{9300} := -28.411 & x_{9320} := -28.388 & x_{9340} := -28.366 \\
x_{9360} := -28.343 & -17.680 & -17.641 &
\end{array}$$

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзядык, В. Введение в теорию равномерного приближения функций полиномами / В. Дзядык. – М., 1977. – С. 512.
2. Дубошин, Г. Небесная механика / Г. Дубошин. – М., 1975. – С. 426.

3. Трубников, Ю.В. Экстремальные конструкции в негладком анализе и операторные уравнения с аккретивными нелинейностями / Ю.В. Трубников. – М., 2002. – С. 33.

S U M M A R Y

The article represents the solution to the problem of three and many celestial bodies (many-body problem).

Поступила в редакцию 1.10.2007

УДК 535.2

Н.Ю. Вислобоков

Генерация континуального излучения в кварцевом стекле

Динамичное развитие наукоемких технологий, особенно в последние годы, и, в частности, создание лазерных систем, способных генерировать тераваттные импульсы фемтосекундной (менее 200 фс.) длительности, привело к возрождению интереса у исследователей к проблемам генерации суперконтинуума в сплошных оптических средах [1]. Это явление впервые наблюдали Альфано и Шапиро еще в шестидесятые годы прошлого века, сфокусировав мощный пикосекундный импульс в газе; впоследствии оно не раз наблюдалось учеными в газах, жидкостях и твердых телах [2–4].

Особый интерес представляет генерация континуального излучения в широко распространенных прозрачных диэлектриках типа сапфир, кварцевое стекло, которые являются сравнительно недорогими и широко распространенными диэлектрическими материалами. В то же время лазер с широкой спектральной полосой найдет применение в спектроскопии [4], устройствах компрессии импульсов [5], оптоволоконной оптике [6], оптической когерентной томографии, частотной метрологии. Причем следует заметить, что чем шире частотный диапазон лазерного излучения, тем больше поле потенциальных возможностей применения такого излучения.

Известно, что среди механизмов, влияющих на частотную континуацию, выделяют такие, как фазовая самомодуляция, самоукручение, четырехволновое смешение, ионизационные процессы. В ходе ряда исследований [4] было установлено, что генерация суперконтинуума мощным ультракоротким (УК) лазерным излучением в сплошной прозрачной среде – следствие скачкообразного изменения нелинейной фазы светового поля и возникновения ее временного градиента, обусловленного воздействием индуцированных фотоионизационных процессов (многофотонная, лавинная и туннельная ионизации) на распространяющееся лазерное излучение. В частности, генерация суперконтинуума пикосекундными импульсами обусловлена, по большей части, лавинным образованием электронной плазмы, что резко затрудняет применение диэлектриков, облучаемых импульсным оптическим излучением пикосекундной длительности, в качестве источников широкодиапазонного лазерного излучения, так как при формировании лавины плотность плазмы свободных электронов (ПСЭ) резко возрастает до критических значений, при которых происходит повреждение кристалла диэлектрика. В то же время при распро-

странении в диэлектрике фемтосекундного лазерного импульса из-за его малой длительности электронная лавина не успевает развиться. Превалирующими плазмаобразующими процессами в этом случае являются многофотонная (МФИ) и туннельная ионизации, поэтому генерация континуального излучения возможна при плотности ПСЭ меньше критической, когда в кристалл диэлектрика не вносятся структурных изменений [1, 3–4].

Заметим, что при этом далеко не всегда наблюдалось уширение спектра и в область высоких, и в область низких частот. В частности, при генерации континуального излучения в прозрачных диэлектриках, как правило, наблюдается широкий пьедестал спектра в сторону ультрафиолета и почти отсутствующее уширение в обратную сторону (в сторону низких частот) [1, 3, 4, 6], что является существенным недостатком. По аналогии с рядом современных работ в этой области, в случае, если речь идет о значительном уширении спектра излучения только в сторону высоких частот (уширение в сторону низких частот отсутствует либо незначительно), или же об уширении спектра излучения только в сторону низких частот (уширение в сторону высоких частот отсутствует либо незначительно), будем говорить о генерации континуального спектра; а в случае, если речь идет о заметном уширении частотного диапазона лазерного излучения как в область высоких, так и низких частот – о генерации суперконтинуума.

При выборе диэлектрика для численного исследования мы руководствовались в основном известными отличиями и преимуществами твердотельных материалов для генерации континуального излучения. Известно, например, что в ходе ряда экспериментов [1] была выявлена роль ширины запрещенной зоны диэлектрика как фактора, ограничивающего возможность генерации широкодиапазонного лазерного излучения. Отмечается [1], что при экспериментах по генерации суперконтинуума в различных жидкостях и твердых телах наблюдать значимое уширение спектра удавалось лишь в средах, ширина запрещенной зоны которых $U \geq 4.7$ эВ. При переходе от материалов с меньшей шириной запрещенной зоны к материалам с большей U отмечено небольшое увеличение ширины генерируемого спектра, но заметный рост минимальной мощности генерации суперконтинуума. Кварцевое стекло обладает большой для прозрачного диэлектрика запрещенной зоной ($U = 9$ эВ) и в то же время является распространённым и недорогим материалом. В нем можно получить континуальное излучение с практически непрерывной спектральной полосой, обладающее узкой направленностью [3–4]. Индуцированный импульсом самоволноводный механизм обуславливает почти волноводное распространение «белого» пучка в среде [1]. Соответственно, кварцевое стекло, видимо, будет одним из наиболее перспективных материалов для генерации суперконтинуума.

Основным недостатком уже наблюдавшихся в кварцевом стекле континуальных спектров является резкая асимметричность: большое уширение спектра в область высоких частот и почти отсутствующее уширение в низкочастотную область [1, 3, 4, 6].

В данной работе мы представляем результаты исследования по генерации суперконтинуума (заметное уширение спектра как в сторону высоких, так и в сторону низких частот) сверхмощным фемтосекундным лазерным импульсом в кварцевом стекле и анализируем физическую природу этого явления. Полученное высоко- и низкочастотное уширение спектра становится возможным благодаря резкому изменению фазы после распада лазерного импульса на субимпульсы под воздействием фотоионизационных процессов.

Эволюция мощного ($P_{in}/P_{cr} > 1$, P_{in} – начальная мощность импульса, P_{cr} – критическая мощность самофокусировки) ультракороткого лазерного импульса, распространяющегося в диэлектрике с положительной нелинейно-

стью по большей части обусловлена воздействием на этот лазерный импульс двух постоянно конкурирующих между собой процессов: самофокусировки, обусловленной нелинейностью среды, и дефокусировки за счет электронной плазмы. Довольно сложным для исследования и в то же время очень интересным является случай динамической конкуренции между двумя этими эффектами, когда в процессе распространения то первый, то второй процесс оказывается доминирующим. Получить режим динамической конкуренции можно, облучая образец кварцевого стекла сверхмощным ($P_{in}/P_{cr} > 10$) УКИ. Длительность импульса при этом должна быть достаточно малой для того, чтобы не допустить развития электронной лавины, последствием которой будет оптический пробой материала. Интересен этот случай во многом тем, что заметные изменения претерпевает не только пространственно-временной профиль импульса, но и его спектр. Возможно наблюдение эффекта значительного уширения частотного диапазона излучения как в сторону высоких, так и в сторону низких частот – генерации суперконтинуального излучения.

Для корректного описания рассматриваемого процесса необходимо использовать модифицированное уравнение Шредингера, в котором учтены не только такие эффекты, как дифракция, дисперсия, керровская нелинейность, но и нелинейность пятого порядка, а также многофотонная, лавинная и туннельная ионизации [7–10].

Соответствующее уравнение для поля УКИ, распространяющегося в образце:

$$\frac{\partial E}{\partial z} = \frac{i}{2k} \left(\frac{\partial^2}{\partial r^2} + \frac{1}{r} \frac{\partial}{\partial r} \right) \hat{T}^{-1} E - i \frac{\beta_D}{2} \frac{\partial^2 E}{\partial \tau^2} + P_{nl}, \quad (1)$$

$$P_{nl} = ik_0 n_2 \hat{T} |E|^2 E + ik_0 n_4 \hat{T} |E|^4 E - \frac{\sigma_{IBS}}{2} \hat{T}^{-1} (1 + i\omega_0 \tau_c) \rho E - \frac{1}{2} \frac{W_{PI} U}{|E|^2} E, \quad (2)$$

$$\hat{T} = \left(1 + \frac{i}{\omega_0} \frac{\partial}{\partial \tau} \right),$$

где E – напряженность электрического поля, z – продольная координата, r – поперечная координата, $\tau = t - z/v_g$ – время в движущейся с импульсом системе координат, $v_g = \partial\omega/\partial k|_{\omega_0}$ – групповая скорость, $k_0 = n_0\omega/c$ – волновой вектор на входе в среду, $\beta_D = \partial^2 k/\partial\omega^2|_{\omega_0}$ – коэффициент дисперсии групповой скорости, n_0 – линейная часть показателя преломления, n_2 и n_4 – нелинейные части показателя преломления, σ_{IBS} – поперечное сечение обратного тормозного излучения, следуя модели Друдде–Стюарта [11] $\sigma_{IBS} = k\omega_0\tau_c/[n_0^2\rho_{cr}(1+\omega_0^2\tau_c^2)]$, ω – частота лазерного излучения, ω_0 – частота лазерного излучения на входе в диэлектрик, τ_c – характерное время столкновений электронов, ρ – плотность свободных электронов в среде, ρ_{cr} – критическая плотность ПСЭ, $W_{PI}(E)$ – скорость фотонной ионизации, U – ширина запрещенной зоны диэлектрика.

В модели также следует учесть изменение плотности свободных электронов, обусловленное действием поля проходящего импульса. Соответствующее эволюционное уравнение для плотности ПСЭ, учитывающее многофотонную ионизацию, туннелирование электронов из валентной зоны в зону

проводимости, через запрещенную зону диэлектрика, лавинную ионизацию можно представить в виде:

$$\frac{\partial \rho}{\partial t} = W_{PI} + \eta \rho |E|^2 - \frac{\rho}{\tau_r}. \quad (3)$$

В уравнении (3) $\eta = \sigma_{IBS} / U$, τ_r – время релаксации среды.

Первое слагаемое в правой части (3) описывает вклад фотонной ионизации в генерацию свободных электронов, в то время как влияние лавинного образования ПСЭ представлено в уравнении вторым слагаемым. Третье слагаемое учитывает рекомбинацию электронов.

Согласно результатам проведенных исследований [10], наилучшее согласование численных расчетов с экспериментальными данными при сверхвысоких интенсивностях ($I \approx 3.5 \cdot 10^{13}$ Вт/см²) было достигнуто при вычислении W_{PI} способом, который предложил Келдыш [12].

Для решения самосогласованной системы уравнений (1–3) использовалась составленная автором численная схема. При верификации компьютерной модели был проведен ряд расчетов, моделирующих известные эксперименты [1, 3, 4, 6]. Результаты, полученные нами при численном моделировании, соответствовали результатам этих экспериментов [1, 3, 4, 6]. Так, например, при расчетах был получен континуальный спектр для импульса с $\tau_p = 140$ фс в кварцевом стекле (модель эксперимента из [1]). Полученный спектр изображен на рис. 1, видно, что он асимметричен: обладает большим высокочастотным «крылом» и почти отсутствующим низкочастотным, что согласуется с экспериментальными наблюдениями [1].

В ходе проведенного нами численного исследования изучалась динамика изменения пространственно-временного профиля интенсивности сверхмощного УК импульса, распространяющегося в кварцевом стекле совместно с эволюцией его спектра. Полученные при компьютерном моделировании данные позволяют узнать пространственно-временной профиль импульсного пучка, определить его основные параметры и характеристики, в том числе спектральные, практически в любой точке на пути его распространения в диэлектрике. В численных расчетах использовались параметры среды, соответствующие кварцевому стеклу. Используемые параметры сверхмощного импульсного излучения согласованы с реальными возможностями современных лазеров. На вход в кристалл кварцевого стекла подавался гауссов импульс.

Обратимся к одному из наиболее интересных результатов исследования. Рассмотрим подробнее эволюцию УКИ с $w_0 = 30$ мкм и $\tau_p = 100$ фс в кварцевом стекле при условиях, когда мощность импульса на входе значительно превосходит критическую мощность самофокусировки ($P_{in} / P_{cr} = 30$). Попадая в кристалл кварцевого стекла, такой импульс начинает фокусироваться. Эффект самофокусировки оказывает значительное воздействие уже на передний фронт импульса, его крутизна резко увеличивается. В то же время, благодаря энергии, полученной электронами от лазерного импульса за счет ионизации, резко возрастает плотность электронной плазмы. Вклад дефокусировки на электронной плазме довольно быстро увеличивается настолько, что она может конкурировать с самофокусировкой.

Далее лазерное излучение распространяется в условиях динамической конкуренции между фокусирующими и дефокусирующими силами, когда преобладающими являются то одни, то другие и, соответственно, фазы фокусировки сменяются фазами дефокусировки. Форма пространственно-временной

огibaющей интенсивности импульсного пучка при этом претерпевает заметные изменения. Распространяющийся в таких условиях импульсный пучок, потеряв более 40% своей начальной энергии, расслаивается на три субимпульса 2а), каждый из которых, за исключением первого, распространяется в диэлектрической среде, ионизированной предыдущим(и) субимпульсом(и). При дальнейшем распространении в кристалле первый субимпульс продолжает фокусироваться (рис. 2б). Пиковая интенсивность второго, идущего на небольшом удалении от первого и находящегося в сильном поле образованной им ПСЭ, в процессе распространения уменьшается. В то же время интенсивность третьего субимпульса, который «идет» на большем расстоянии от первого, чем второй и, соответственно, распространяется в поле с меньшей плотностью ПСЭ, также достигает достаточно больших значений (рис. 2в). Постепенно пространственно-временная огibaющая интенсивности импульса принимает специфическую форму [13]: большая часть энергии локализована в двух осевых филаментах. Такая энергетическая структура распространяется в диэлектрике на протяжении некоторого времени.

Особенно интересно то, что распространение такого специфического импульсного пучка сопровождается резким уширением спектра импульса. Это хорошо видно на рис. 3. Причем следует заметить: низкочастотное уширение спектра на рис. 3 сравнимо с высокочастотным, в отличие от континуального спектра, изображенного на рис. 1 (спектральные портреты, аналогичные изображенному на рис. 1, уже наблюдались в кварцевом стекле). Наблюдается так называемая суперконтинуация спектра лазерного излучения. Деформация такой специфической формы пространственно-временной огibaющей интенсивности приводит к тому, что спектр импульса распадается на отдельные гармоники.

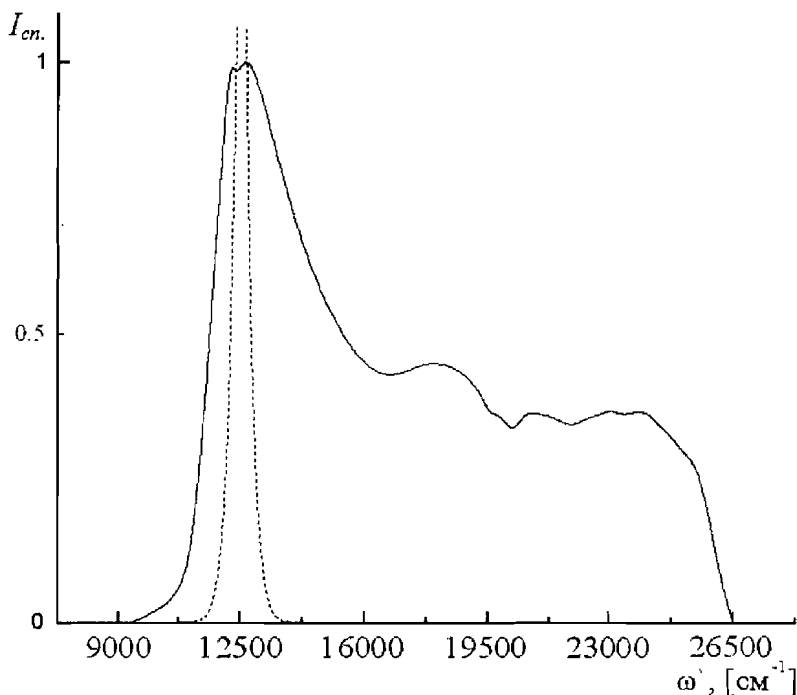

Рис. 1. **Высокочастотный континуальный спектр, генерируемый 140фс импульсом в кварцевом стекле, полученный автором при численном моделировании** ($P_{in}/P_{cr} = 1.1$, пунктирной кривой изображен исходный спектр лазерного импульса, $\omega' = 1/\lambda$, $\omega'_0 = 12500 \text{ cm}^{-1}$).

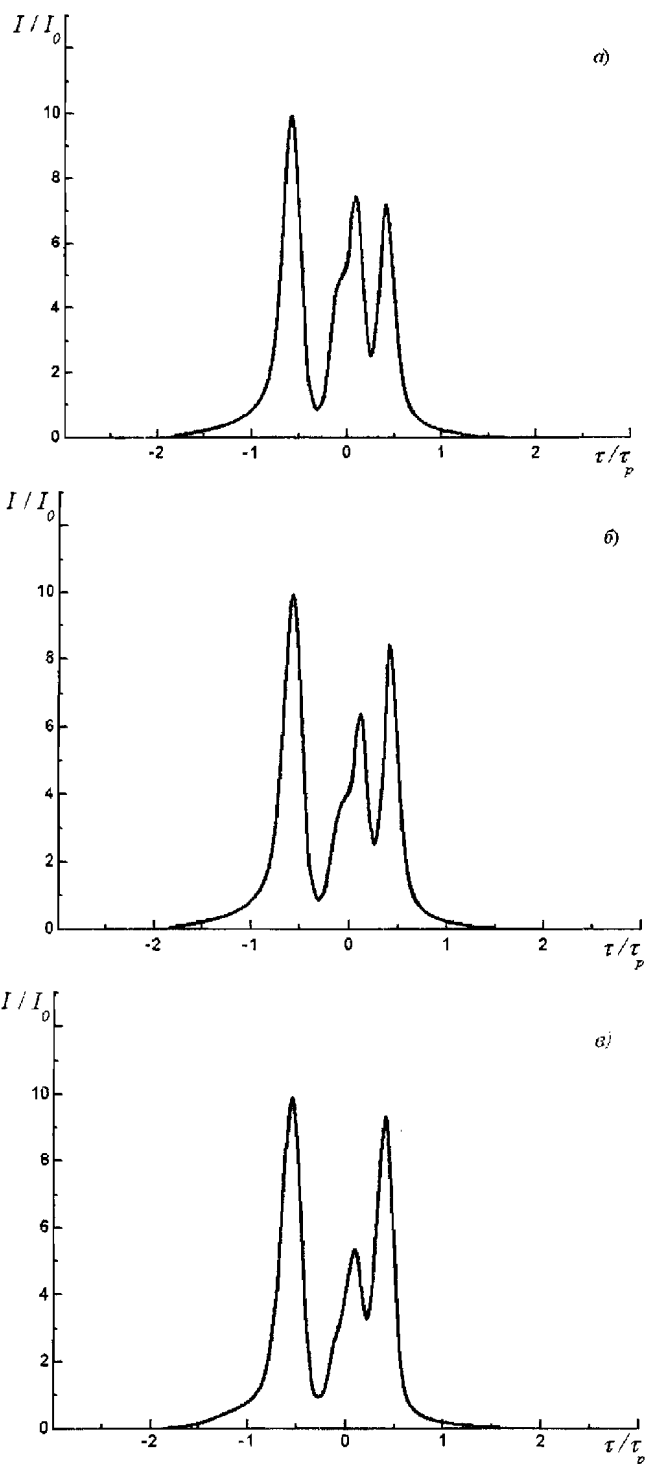

Рис. 2. Временной профиль огибающей интенсивности в центре пучка при а) $\zeta = 0.19$, б) $\zeta = 0.25$, в) $\zeta = 0.31$ (продольная координата ζ нормирована на дифракционную длину, $w_0 = 30$ мкм, $\tau_p = 100$ фс, $P_m/P_{cr} = 30$).

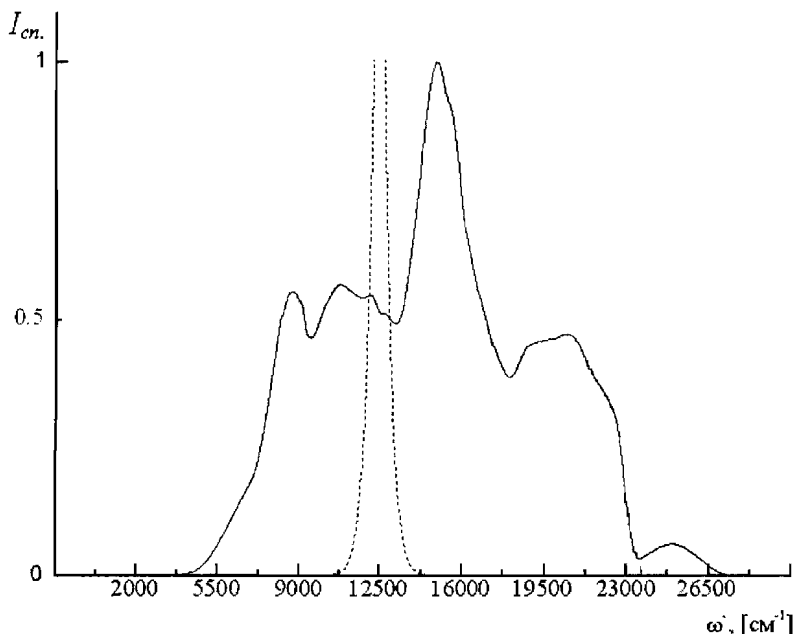

Рис. 3. Континуальный спектр, генерируемый 100 фс импульсом в кварцевом стекле при $P_{in}/P_{cr} = 30$ (сплошная кривая); пунктирной кривой изображен исходный спектр лазерного импульса ($\omega' = 1/\lambda$, $\omega'_0 = 12500 \text{ см}^{-1}$).

Напомним, что генерация континуального излучения при филаментации фемтосекундных лазерных импульсов в сплошной прозрачной среде является следствием самомодуляции фазы светового поля в условиях сильной его локализации в пространстве и времени. Частотный сдвиг излучения в каждой точке пространства и времени определяется величиной временного градиента нелинейной фазы φ_{nl} [1]. Скорость изменения φ_{nl} , а следовательно, и уширение спектра лазерного излучения в кристалле диэлектрика обусловлено наведенным изменением показателя преломления Δn . В частности, уширение частотного спектра импульсного пучка в сторону низких частот определяется скоростью роста фазы на переднем фронте импульса, а высокочастотная континуация частотного диапазона обусловлена крутизной заднего фронта.

Это позволяет объяснить, почему при генерации континуального излучения в диэлектриках, как правило, наблюдается заметный высокочастотный пьедестал, а низкочастотное уширение почти отсутствует: крутизна переднего фронта импульса такова, что уширение спектра за счет скачка фазы здесь оказывается весьма незначительным, а изменение фазы на заднем фронте импульса обусловлено преимущественно ионизацией и здесь φ_{nl} спадает в несколько раз быстрее (за $\tau_{f-} \approx 1.5$ фс), чем возрастало ($\tau_{f+} \geq 10$ фс), и скорость изменения фазы оказывается вполне достаточной для генерации континуального излучения в сторону высоких частот.

Когда через кристалл диэлектрика проходит сверхмощный УК импульсный пучок, после распространения в режиме динамической конкуренции между нелинейными и ионизационными эффектами при определенных условиях он распадается на субимпульсы, распространяющиеся в непосредственной близости друг от друга; такой процесс деформации лазерного импульса качест-

венно аналогичен процессу филаментации мощного лазерного излучения в воздухе, который, как известно [5], в ряде случаев также сопровождается генерацией суперконтинуального излучения.

Так, передний фронт первого субимпульса распространяется в нейтральной среде и рост фазы, обусловленный, преимущественно, самофокусировкой, здесь происходит довольно медленно (в наших расчетах – $10 \div 35$ фс), в отличие от заднего фронта, где изменение фазы обусловлено фотоионизационными процессами, и φ_{nl} спадает за время порядка 1.5 фс. В то же время хвостовой субимпульс образовался в результате взаимодействия мощного светового излучения с диэлектриком и электронной плазмой и распространяется в поле первого субимпульса, поэтому ионизационные процессы играют ведущую роль в формировании как его переднего фронта, так и заднего (для хвостового субимпульса $\tau_{f+} \approx \tau_{f-} \approx 1.5 \div 3$ фс). Именно за счет большой крутизны переднего фронта последнего субимпульса мы и наблюдаем на рис. 3 суперконтинуальное уширение частотного диапазона лазерного импульса в сторону низких частот.

Отметим, что сравнительный анализ расчетов, с учетом ионизации только за счет МФИ и трех основных фотоионизационных механизмов (МФИ, лавинная ионизация, туннельный эффект), показал, что причиной генерации континуального спектра излучения являются ионизационные процессы, индуцированные высокоинтенсивным импульсным лазерным излучением, распространяющимся в кристалле диэлектрика. Кроме того, получение суперконтинуального спектра стало возможным только тогда, когда были учтены не только туннельная и лавинная ионизации, но и нелинейность пятого порядка.

Максимальное значение, достигаемое плотностью ПСЭ, не превышало критической плотности, превышение которой влечет за собой внесение изменений в кристалл диэлектрика [10].

Таким образом, в ходе нашего исследования изучен ряд особенностей распространения мощных ($P_{in} / P_{cr} > 10$) УК импульсов фемтосекундной длительности в кварцевом стекле в условиях динамической конкуренции самофокусировки и дефокусировки, обусловленной фотоионизацией.

Показано, что для $P_{in} / P_{cr} \approx 30$, при определенных параметрах, возможна генерация суперконтинуального излучения в кварцевом стекле (значительное уширение спектра как в сторону высоких, так и в сторону низких частот, в то время как ранее, как нам известно, при облучении диэлектриков 800 нм. лазерным излучением наблюдалась генерация континуального спектра в кварцевом стекле с заметным уширением спектра только в высокочастотную область).

Анализируются воздействие индуцированных процессов на распространяющееся лазерное излучение, в частности, связь эволюционных изменений пространственно-временной огибающей интенсивности лазерного импульса в кварцевом стекле, скорости изменения нелинейной фазы и генерируемого им спектра. Полученное уширение частотного диапазона излучения становится возможным за счет скачкообразного изменения фазы, обусловленного наведенными фотоионизационными процессами в кварцевом стекле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brodeur, A. Ultrafast white-light continuum generation and self-focusing in transparent condensed media / A. Brodeur, S.L. Chin // J. Opt. Soc. Am. B. – 1999. – № 16(4). – P. 637–650.

2. **Alfano, R.R.** Emission in the region 4000 to 7000 Å via four photon coupling in glass / R.R. Alfano, S.L. Shapiro // *Phys. Rev. Lett.* – 1970. – № 24. – P. 584–587.
3. **Dharmadhikari, A.K.** Highly efficient white light generation from barium fluoride / A.K. Dharmadhikari [et al.] // *Opt. Express.* – 2004. – № 12. – P. 695–700.
4. **Dharmadhikari, A.K.** Systematic study of highly efficient white light generation in transparent materials using intense femtosecond laser pulses / A.K. Dharmadhikari, F.A. Rajgara, D. Mathur // *Appl. Phys. B.* – 2005. – № 80. – P. 61–66.
5. **Желтиков, А.М.** Да будет белый свет: генерация суперконтинуума сверхкороткими лазерными импульсами / А.М. Желтиков // *УФН.* – 2006. – № 176. – P. 623–649.
6. **Saliminia, A.** Ultra-broad and coherent white light generation in silica glass by focused femtosecond pulses at 1.5 μm / A. Saliminia, S.L. Chin, R. Vallée // *Optics Express.* – 2005. – № 13(15). – P. 5731–5738.
7. **Tzortzakis, S.** Self-Guided Propagation of Ultrashort IR Laser Pulses in Fused Silica / S. Tzortzakis [et al.] // *Phys. Rev. Lett.* – 2001. – № 87. – P. 213902–213905.
8. **Gaeta, A.L.** Catastrophic collapse of ultrashort pulses / A.L. Gaeta // *Phys. Rev. Lett.* – 2000. – № 84. – P. 3582–3585.
9. **Sudrie, L.** Femtosecond Laser-Induced Damage and Filamentary Propagation in Fused Silica / L. Sudrie [et al.] // *Phys. Rev. Lett.* – 2002. – № 89(18). – P. 186601–186604.
10. **Couairon, A.** Filamentation and damage in fused silica induced by tightly focused femtosecond laser pulses / A. Couairon [et al.] // *Phys. Rev. B.* – 2005. – № 71(12). – P. 125435–125445.
11. **Stuart, B.C.** Nanosecond-to-femtosecond laser-induced breakdown in dielectrics / B.C. Stuart [et al.] // *Phys. Rev. B.* – 1996. – № 53. – P. 1749–1761.
12. **Келдыш, Л.В.** Ионизация в поле сильной электромагнитной волны / Л.В. Келдыш // *ЖЭТФ.* – 1964. – № 47. – P. 1945–1957.
13. **Вислобоков, Н.Ю.** Генерация низко- и высокочастотного континуального излучения фемтосекундными импульсами в кварцевом стекле / Н.Ю. Вислобоков, А.П. Сухоруков // *Квантовая электроника.* – 2007. – № 37. – С. 1015–1020.

S U M M A R Y

We report a numerical investigation of continuum generation by powerful ultra-short laser pulse under the high photo-ionization conditions in fused silica. The process of such pulse shattering in fused silica accompanied by and high- and low frequency continuum generation has been simulated. Used mechanism of frequency spectrum extending seems the most perspective for the wide-range radiation generation.

Поступила в редакцию 11.03.2008

УДК 577.124:615.451.13:619.099-036.12

В.И. Гидранович, Л.Г. Гидранович, О.В. Коровайко, О.А. Ходос

Активность ферментов глюконеогенеза при хроническом воздействии этанола

Этанол широко распространен в природе, является одним из конечных продуктов жизнедеятельности дрожжей, бактерий и некоторых грибов. Спиртовое брожение в дрожжевой клетке и гликолиз в организме животных и человека протекают по одинаковым этапам до образования пирувата. При анаэробном гликолизе пируват под действием фермента лактатдегидрогеназы за счет NADH восстанавливается в лактат, а при спиртовом брожении пируват декарбоксилируется до этанала, который под действием алкогольдегидрогеназы и NADH восстанавливается до этанола. Таким образом, лактатдегидрогеназа в процессе анаэробного гликолиза, а алкогольдегидрогеназа при спиртовом брожении обеспечивают регенерацию NAD^+ и цикличность окисления глицеральдегид-3-фосфата в этих родственных процессах.

В организме животных и людей этанол в норме содержится в небольшом количестве. Установлена связь между уровнем эндогенного этанола в крови и тканях экспериментальных животных и характером предпочтения в условиях свободного выбора между водой и раствором этанола. У крыс, «предпочитающих» этанол, в крови и печени обнаруживается более низкий уровень эндогенного этанола по сравнению с «предпочитающими» воду. Такие факторы, как гипоксия, гипотермия, гипертермия, стрессовые состояния, снижают концентрацию эндогенного этанола в крови и усиливают алкогольную мотивацию. Лекарственные препараты, применяющиеся при лечении алкоголизма и снижающие потребление этанола, повышают содержание эндогенного этанола в крови [1–3].

Экзогенный этанол постоянно поступает в организм человека в небольших количествах (до 4–5 г в сутки) с некоторыми пищевыми продуктами, такими, как хлеб, кефир, соки, фрукты, ягоды, и эпизодически в значительных количествах со спиртными напитками.

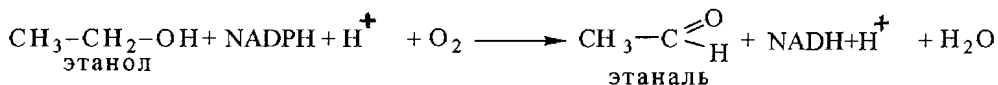
В организме животных и людей этанол, с одной стороны, является нормальным метаболитом, а с другой – этанол классифицируют как психотропное средство, которое подобно морфину и кокаину вызывает серьезные функциональные и патологические отклонения во многих органах. Особенно подвержены токсическому действию этанола сердце, печень, легкие и головной мозг [4]. Этанол легко внедряется в липидный слой, растворяется в липидах клеточных мембран, «разделяет» жирнокислотные цепи фосфолипидов и увеличивает внутримембранные пространства. Увеличение текучести мембран приводит к изменению структуры и функции многих рецепторов, мембраносвязанных ферментов и потенциалзависимых ионных каналов [5].

Этанол быстро всасывается в желудке (20–30%) и тонком отделе кишечника (70–80%) путем диффузии. Биотрансформация экзогенного этанола начинается в клетках слизистой оболочки рта и протекает во многих органах и

тканях, но главным образом в печени (70–95% окисляемого этанола) и осуществляется в 2 этапа. Первый этап – окисление этанола в этаналь (ацетальдегид) – на 70–80% осуществляется в цитозоле гепатоцитов печени с помощью специфического NAD-зависимого цинксодержащего фермента алкогольдегидрогеназы. Реакция протекает по уравнению:

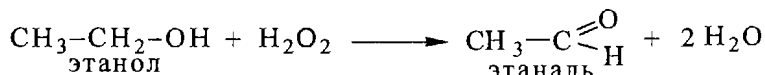

Микросомальная этанолюкисляющая система (МЭОС) печени окисляет всего 10–20% этанола по схеме:

МЭОС печени включается в окисление этанола при высокой его концентрации в крови, когда фермент алкогольдегидрогеназа не справляется окислять массивные концентрации экзогенного этанола.

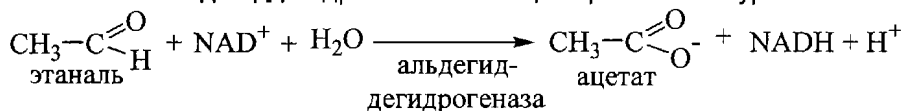
В организме существует третий путь окисления этанола до этанала с участием ферментов каталазы, оксидаз и пероксидаз тканей:

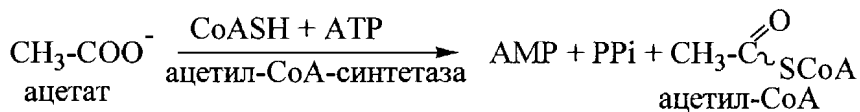
Этим путем окисляется 10–20% этанола, но при хроническом алкоголизме роль этого пути окисления этанола значительно возрастает. Интенсивная мышечная работа ускоряет процесс окисления этанола, активизируя каталазу. Окисление этанола в печени при участии алкогольдегидрогеназы не зависит от концентрации, а окисление каталазой зависит от концентрации этанола в тканях, где происходит этот процесс. Чем больше этанола в тканях, тем больше его окисляется системой каталазы [6].

Окисление этанола МЭОС печени и каталазой сопровождается образованием свободных радикалов и пероксидных продуктов, что, в свою очередь, приводит к усилению пероксидного окисления липидов, истощает запас эндогенных антиоксидантов, в частности, системы глутатиона.

Второй этап – окисление этанала до ацетата – осуществляется при участии NAD-зависимой альдегиддегидрогеназы. Реакция протекает по уравнению:

Фермент ацетил-CoA-синтетаза при участии ATP и CoASH катализирует превращение ацетата в ацетил-CoA:

Далее ацетил-CoA может поступать в цикл трикарбоновых кислот либо принимать участие в синтезе жирных кислот, холестерина и стероидных гормонов.

В процессе биотрансформации этанола используется окисленный NAD^+ с образованием восстановленного NADH , что приводит к нарушению соотношения коферментов окислительно-восстановительных ферментов дегидрогеназ. Дефицит NAD^+ сопровождается замедлением гликолиза, цикла трикарбоновых кислот и β -окисления жирных кислот. Нарушается транспорт через клеточные мембраны в связи с изменением их поляризации [7].

Хроническое потребление этанола ведет к понижению скорости окисления этанола [8]. Этаналь нарушает функции печени, приводит к накоплению в крови жирных кислот, глицерина, пирувата и лактата, что сопровождается развитием метаболического ацидоза. При хронической алкогольной интоксикации ацетальдегид и другие недоокисленные продукты, в частности, NADH , накапливаются в гепатоцитах печени и направляют ацетил- CoA не в цикл трикарбоновых кислот и не на синтез холестерина, а на синтез жирных кислот. Недоокисленные продукты метаболизма повреждают внутриклеточные мембраны (микротрубочки, аппарат Гольджи), в результате снижается отвод жирных кислот в плазму, в печени накапливаются липиды и развивается ее жировая дистрофия. На конечных этапах алкоголизма развивается цирроз печени, его развитие связывают с накоплением в организме супероксидных радикалов, которые повреждают гепатоциты и способствуют выработке антител на собственные клетки. Хроническое повреждение печени оказывает влияние на обмен углеводов. В начале развития хронического алкоголизма наблюдается тенденция к гипергликемии, что может быть связано со снижением скорости утилизации глюкозы вследствие дополнительного метаболизма этанола в качестве энергетического материала. Это способствует активации липогенеза. Однако, из-за нарастающего токсического повреждения печени при длительном употреблении этанола процессы глюконеогенеза в гепатоцитах снижаются, запасы гликогена сокращаются, развивается гипогликемия [9].

Одним из механизмов снижения содержания глюкозы при хронической алкогольной интоксикации в условиях дефицита окисленной формы кофермента NAD^+ может быть нарушение образования ее предшественника – пирувата из лактата [10]. Другая причина может заключаться в изменении активности ферментов глюконеогенеза, основного пути синтеза глюкозы в условиях истощения запасов гликогена в печени. Глюконеогенез представляет собой метаболический путь биосинтеза глюкозы в организме животных и человека из предшественников неуглеводного характера – лактата, пирувата, аминокислот, глицерина и промежуточных метаболитов цикла трикарбоновых кислот.

Метаболический путь биосинтеза глюкозы локализован в основном в печени и почках, причем вклад последних в синтез глюкозы в 10 раз меньше из-за небольших размеров этих органов. У крыс концентрация ферментов глюконеогенеза в печени в 20–50 раз больше, чем в скелетных мышцах [11]. Кроме того, глюконеогенез протекает в тонком отделе кишечника. Глюкоза синтезируется из пирувата с образованием тех же промежуточных продуктов, что и при гликолизе. Однако среди реакций гликолиза существуют три термодинамически необратимых этапа, которые катализируются ферментами пируваткиназой, фосфофруктокиназой и гексокиназой или глюкокиназой. Для того, чтобы обойти эти три необратимые реакции гликолиза, в глюконеогенез включаются 4 фермента, не принимающие участие в гликолизе: пируваткарбоксилаза, фосфоенолпируваткарбоксикиназа, фруктозо-бисфосфатаза и глюкозо-6-фосфатаза.

Целью исследования было изучение активности ферментов глюконеогенеза – фруктозо-1,6-бисфосфатазы (D-Фруктозо-1,6-бисфосфат 1-фосфогидролаза, КФ 3.1.3.11), глюкозофосфат-изомеразы (D-Глюкозо-6-фосфат кетол-изомеразы, КФ 5.3.1.9) и глюкозо-6-фосфатазы (D-Глюкозо-6-фосфат

фосфогидролаза, КФ 3.1.3.9) в печени и тонком отделе кишечника крыс при хроническом потреблении этанола.

Материал и методы исследования. Для решения поставленных задач были проведены две серии исследований. В опытах использовали самцов крыс линии Wistar массой 250–300 г, содержащихся на нормированном рационе в условиях вивария. Были воспроизведены две модели хронической алкогольной интоксикации. В первой серии исследований интоксикацию этанолом вызывали путем ежедневного внутрибрюшинного введения 25% раствора этанола на физиологическом растворе в дозе 2,5 г/кг массы животного в течение 30 дней (первая модель). Животным контрольной группы в течение 30 дней вводили внутрибрюшинно равный объем физиологического раствора [12]. Забой животных проводили через 24 часа после последней инъекции этанола.

Во второй серии опытов, в соответствии со второй моделью, хроническую интоксикацию крыс вызывали путем спаивания через поилки 30% раствора этанола вместо воды в течение 4 месяцев [13]. Животные контрольной группы получали дистиллированную воду. Забой животных проводили сразу после потребления этанола (группа 1) и через 24 часа после отмены этанола (группа 2). После декапитации крыс на холоду извлекали изучаемые органы, замораживали в низкотемпературной камере. Перед замораживанием кишечника промывали физиологическим раствором.

Концентрацию этанола в крови животных контролировали на газовом хроматографе «Цвет 500М» с пламенно-ионизационным детектором.

Активность ферментов определяли в гомогенатах тканей. Гомогенизацию тканей проводили в 0,05 М трис-НСI буфере (рН 7,4) при соотношении ткани к буферному раствору 1:50. Гомогенаты центрифугировали при 1500 об/мин в течение 10 минут.

Активность глюкозо-6-фосфатазы и фруктозо-1,6-бисфосфатазы определяли по интенсивности отщепления неорганического фосфата от глюкозо-6-фосфата и фруктозо-1,6-бисфосфата, соответственно. Концентрацию неорганического фосфата определяли по методу Фиске–Суббороу в модификации Островского (14). Активность глюкозофосфат-изомеразы определяли по методу Bruns и Hinsberg [15]. Активность ферментов выражали в мкмоль на грамм ткани ($\text{мкмоль} \cdot \text{г}^{-1}$). Результаты исследований обрабатывали статистически с использованием t-критерия Стьюдента.

Результаты исследований и их обсуждение. Уровень этанола в крови при внутрибрюшинном введении составлял $2,227 \pm 0,150$ г/л через 3 часа после введения и $1,056 \pm 0,198$ г/л через 24 часа ($P < 0,01$). После 4-месячного потребления этанола уровень этанола *per os* в крови животных 1-й группы достигал $1,864 \pm 0,452$ г/л, через 24 часа после отмены уровень этанола снижался в крови животных 2-й опытной группы до $0,183 \pm 0,059$ г/л ($P < 0,05$). В крови контрольных животных этанол обнаружен в следовых количествах.

Результаты исследований активности ферментов глюконеогенеза – фруктозо-1,6-бисфосфатазы (Ф-1,6-Ф-аза), глюкозофосфат-изомеразы (ГФИ) и глюкозо-6-фосфатазы (Г-6-Ф-аза) в печени крыс при алкогольной интоксикации, вызванной путем внутрибрюшинного введения этанола, представлены в табл. 1.

Активность фруктозо-1,6-бисфосфатазы в печени крыс контрольной группы составила $13,36 \pm 0,43$ мкмоль \cdot г⁻¹. Внутрибрюшинное введение этанола в течение 30 дней вызвало угнетение активности фермента на 23,28% ($P < 0,001$).

Глюкозофосфат-изомераза в печени крыс контрольной группы примерно в 2 раза была менее активна по сравнению с фруктозо-1,6-бисфосфатазой. Алкогольная интоксикация вызвала ингибирование глюкозофосфат-изомеразы на 28,15% ($P < 0,01$).

Таблица 1

Активность ферментов в печени крыс при внутрибрюшинном введении этанола (мкмоль·г⁻¹)

Ферменты	Группы	M±m	% к контролю	P
Ф-1,6-Ф-аза	контрольная	13,36 ± 0,43	–	–
	опытная	10,05 ± 0,62	76,72	< 0,001
ГФИ	контрольная	6,50 ± 0,49	–	–
	опытная	4,67 ± 0,32	71,85	< 0, 01
Г-6-Ф-аза	контрольная	12,10 ± 1,00	–	–
	опытная	5,86 ± 0,72	48,43	< 0,001

Активность глюкозо-6-фосфатазы в печени крыс контрольной группы близка к активности фруктозо-1,6-бисфосфатазы и составляет 12,10 ± 1,00 мкмоль·г⁻¹. Ингибирование активности глюкозо-6-фосфатазы составило 51,57% (P<0,001), что примерно в 2 раза выше степени ингибирования фруктозо-1,6-бисфосфатазы и глюкозофосфат-изомеразы.

Под влиянием этанола происходит нарушение соотношения активностей ферментов. Особенно резко снижается соотношение активностей глюкозо-6-фосфатаза/фруктозо-1,6-бисфосфатаза в печени животных опытной группы (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение активностей ферментов в печени крыс при внутрибрюшинном введении этанола

Группы	Ф-1,6-Ф-аза /ГФИ	Г-6-Ф-аза /ГФИ	Г-6-Ф-аза/ Ф-1,6-Ф-аза
контрольная	2,21	1,86	0,90
опытная	2,15	1,25	0,58

Таблица 3

Активность ферментов в печени крыс при потреблении этанола per os

Ферменты	Группы	M±m	% к контролю	P
Ф-1,6-Ф-аза	контрольная	15,41 ± 1,03	–	–
	1-я опытная	9,60 ± 1,16	63,30	<0,001
	2-я опытная	8,48 ± 0,72	55,03	<0,001
ГФИ	контрольная	7,26 ± 0,15	–	–
	1-я опытная	5,40 ± 0,41	74,38	<0,001
	2-я опытная	4,64 ± 0,46	63,91	<0,001
Г-6-Ф-аза	контрольная	17,59 ± 0,64	–	–
	1-я опытная	12,52 ± 1,17	71,18	<0,001
	2-я опытная	11,69 ± 0,76	66,46	<0,001

Потребление этанола крысами *ad libitum* в течение 4-х месяцев вызвало нарушение глюконеогенеза в печени (табл. 3). Ингибирование фруктозо-1,6-бисфосфатазы в печени крыс в 1-й опытной группе составило 36,70%

($P < 0,001$), во 2-й опытной – 49,97% ($P < 0,001$). Ингибирование глюкозофосфат-изомеразы в 1-й опытной группе составило 25,62% ($P < 0,001$); во 2-й опытной – 36,09% ($P < 0,001$), а глюкозо-6-фосфатазы – 28,82 ($P < 0,001$) и 33,54 ($P < 0,001$), соответственно.

Одновременно с изменением активности ферментов под действием этанола происходило нарушение соотношения активностей ферментов (табл. 4). Соотношение фруктозо-1,6-бисфосфатаза/глюкозофосфат-изомеразы и фруктозо-1,6-бисфосфатаза/глюкозо-6-фосфатаза изменилось в сторону уменьшения, соотношение глюкозо-6-фосфатаза/глюкозофосфат-изомеразы в 1-й опытной группе несколько снизилось, а во 2-й опытной группе – повысилось.

Таблица 4

Соотношение активностей ферментов в печени крыс при потреблении этанола per os

Группы	Ф-1,6-Ф-аза / ГФИ	Г-6-Ф-аза / ГФИ	Ф-1,6-Ф-аза / Г-6-Ф-аза
контрольная	2,12	2,41	0,87
1-я опытная	1,77	2,32	0,76
2-я опытная	1,27	2,52	0,72

Наряду с изучением воздействия этанола на активность ферментов глюконеогенеза в печени, мы изучали влияние этанола на активность ферментов глюконеогенеза в тонком отделе кишечника, где происходит всасывание основной его массы.

Результаты исследований влияния длительного потребления этанола per os (через поилки) на активность ферментов глюконеогенеза в тонком отделе кишечника представлены в табл. 5. Приведенные данные свидетельствуют, что потребление этанола оказывает угнетающее действие на активность изучаемых ферментов в тонком отделе кишечника крыс. Ингибирование фруктозо-1,6-бисфосфатазы в 1-й опытной группе составило 30,61% ($P < 0,001$); во 2-й опытной группе – 34,61% ($P < 0,001$). Ингибирование глюкозофосфат-изомеразы в 1-й опытной группе составило 38,12%; во 2-й группе – 44,02% ($P < 0,001$). В более высокой степени происходило ингибирование глюкозо-6-фосфатазы. Так, в 1-й опытной группе ингибирование составило 51,74% ($P < 0,001$), а во 2-й опытной группе – 57,65% ($P < 0,001$).

Таблица 5

Активность ферментов в тонком кишечнике крыс при потреблении этанола per os

Ферменты	Группы	$M \pm m$	% к контролю	P
Ф-1,6-Ф-аза	контрольная	12,25 ± 0,66	–	–
Ф-1,6-Ф-аза	1-опытная	8,50 ± 1,11	69,39	<0,001
Ф-1,6-Ф-аза	2-опытная	8,01 ± 1,10	65,39	<0,001
ГФИ	контрольная	5,43 ± 0,51	–	–
ГФИ	1-опытная	3,36 ± 0,26	61,88	<0,001
ГФИ	2-опытная	3,04 ± 0,27	55,98	<0,001
Г-6-Ф-аза	контрольная	11,83 ± 0,56	–	–
Г-6-Ф-аза	1-опытная	5,71 ± 32	48,26	<0,001
Г-6-Ф-аза	2-опытная	5,01 ± 0,78	42,35	<0,001

Соотношение активностей фруктозо-1,6-бисфосфатаза/глюкозофосфат-изомераза под действием этанола в тонком отделе кишечника возрастало, а коэффициенты соотношений активности ферментов глюкозо-6-фосфатаза/глюкозофосфат-изомераза и фруктозо-1,6-бисфосфатаза-/глюкозо-6-фосфатаза снижались (табл. 6).

Таблица 6

Соотношение активностей ферментов в тонком отделе кишечника при потреблении этанола per os

Группы	Ф-1,6-Ф-аза / ГФИ	Г-6-Ф-аза / ГФИ	Ф-1,6-Ф-аза / Г-6-Ф-аза
контрольная	2,25	2,18	1,03
1-опытная	2,53	1,70	1,07
2-опытная	2,63	1,64	1,59

Анализ полученных экспериментальных данных свидетельствует о том, что изменение соотношения активностей изучаемых ферментов под влиянием этанола происходило, главным образом, в результате более сильного ингибирования глюкозо-6-фосфатазы по сравнению с другими изученными ферментами, как в печени, так и в тонком отделе кишечника.

Глюкозо-6-фосфатаза катализирует реакцию гидролиза глюкозо-6-фосфата. Выход глюкозы из клеток в кровь возможен только после ее дефосфорилирования, что указывает на исключительную важность этого фермента в процессе глюконеогенеза. Глюкозо-6-фосфатаза оказалась наиболее подверженной ингибирующему влиянию хронической интоксикации этанолом. В результате глюкозо-6-фосфат, синтезированный в процессе глюконеогенеза, оказывается запертым в клетках гепатоцитов и вынужден включаться в другие реакции, например в реакцию изомеризации во фруктозо-6-фосфат под действием глюкозофосфат-изомеразы.

В глюконеогенезе глюкозофосфат-изомераза находится перед глюкозо-6-фосфатазой, а в гликолизе после гексокиназы. Ранее нами было установлено, что скорость обратной глюкозофосфат-изомеразной реакции в коре и мозговом веществе надпочечников, поджелудочной и щитовидной железах значительно превосходит скорость прямой реакции, что указывает на возможность образования глюкозо-6-фосфата в указанных органах для собственных нужд [16].

Под влиянием хронической алкогольной интоксикации в гепатоцитах печени накапливается глюкозо-6-фосфат, равновесие глюкозофосфат-изомеразной реакции может смещаться вправо и направлять избыток образованного фруктозо-6-фосфата по гликолитическому пути через фосфофруктокиназную реакцию. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что глюкозофосфат-изомераза менее подвержена ингибирующему воздействию этанола по сравнению с глюкозо-6-фосфатазой.

Ингибирование фруктозо-1,6-бисфосфатазы в печени под влиянием этанола примерно в 2 раза ниже по сравнению с глюкозо-6-фосфатазой. Фруктозо-1,6-бисфосфатаза в глюконеогенезе осуществляет обход необратимой фосфофруктокиназной реакции, катализируя гидролитическое отщепление фосфатной группы у первого атома углерода фруктозо-1,6-бисфосфата.

Фруктозо-1,6-бисфосфатаза является регуляторным ферментом глюконеогенеза и конкурирует за субстрат с фруктозобисфосфат-альдозазой, катализирующей реакцию ретроальдольного расщепления D-фруктозо-1,6-бисфосфата. Следует отметить, что активность фруктозобисфосфат-

альдозы в коре, мозговом веществе надпочечников и поджелудочной железе в 10–100 раз преобладает над скоростью фруктозо-бисфосфатазы и ориентирует метаболизм по гликолитическому пути [16].

Приведенные экспериментальные данные исследований позволяют сделать заключение, что этанол нарушает процесс глюконеогенеза в печени и тонком кишечнике крыс. Внутривнутрибрюшинное введение этанола в течение 30 дней вызвало угнетение активности фруктозо-1,6-бисфосфатазы, глюкозофосфатизомеразы и глюкозо-6-фосфатазы. В результате ингибирования глюкозо-6-фосфатазы, которая отвечает за дефосфорилирование глюкозо-6-фосфата и выход свободной глюкозы из гепатоцитов в кровь, усиливается дефицит глюкозы, может развиваться гипогликемия и нарушаться энергетический обмен многих органов и тканей, в первую очередь, головного мозга.

Потребление этанола крысами *per os ad libitum* в течение 4-х месяцев вызвало нарушение глюконеогенеза в печени и тонком отделе кишечника. Наиболее сильное ингибирование ферментов глюконеогенеза происходит через 24 часа после отмены этанола, как в печени, так и в тонком отделе кишечника.

В печени крыс через 24 часа после отмены этанола степень ингибирования фруктозо-1,6-бисфосфатазы была в 2 раза выше по сравнению со степенью ингибирования при внутривнутрибрюшинной интоксикации. В тонком отделе кишечника ингибирование всех изученных ферментов было более выраженным, чем в печени, с преобладанием ингибирования глюкозо-6-фосфатазы. Крайне неблагоприятным фактором является нарушение соотношения активностей ферментов глюконеогенеза, что может вносить дисбаланс в другие пути метаболизма углеводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Островский, Ю.М.** Метаболические предпосылки и последствия потребления алкоголя / Ю.М. Островский, В.Ю. Островская, С.Ю. Островский. – Минск: Наука и техника, 1988. – 263 с.
2. **Буко, В.У.** Метаболические последствия алкогольной интоксикации / В.У. Буко, О.Я. Лукинская, А.М. Хоха. НАН Беларуси, Ин-т биохимии. – Минск: Бел. наука, 2005. – 207 с.
3. **Современные аспекты изучения алкогольной и наркотической зависимости:** сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т биохимии; науч. ред. В.В. Лелевич. – Гродно, 2004. – 223 с.
4. **Nutt, D.J.** Addiction; brain mechanisms and their treatment implications / D.J. Nutt. – *Lancet*, 1996. – V. 347. – P. 31–36.
5. **Alling, C.** The biological mechanisms underlying alcohol dependence / C. Alling. – *Lakartidningen*, 1999. – V. 96. – P. 3248–3252.
6. **Алкоголизм:** руководство для врачей / под ред. Г.В. Морозова, В.Е. Рожкова, Э.А. Бабаяна. – М.: Медицина, 1983. – 482 с.
7. **Афанасьев, Б.В.** Острая интоксикация этиловым алкоголем / Б.В. Афанасьев. – М.: Интермедицина, 2002. – 156 с.
8. **Анохина, И.П.** Основные биохимические механизмы алкогольной и наркотической зависимости: руководство по наркологии / И.П. Анохина; под ред. Н.Н. Иванца. – М.: Медпрактика, 2002. – 360 с.
9. **Михайлов, И.Б.** Настольная книга врача по клинической фармакологии: руководство для врачей / И.Б. Михайлов. – СПб.: Фолиант, 2001. – 736 с.
10. **Биохимия** / под ред. Е.С. Северина. – 4-е изд., испр. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2005. – 784 с.
11. **Эллиот, В.** Биохимия и молекулярная биология / В. Эллиот, Д. Эллиот; под ред. А.И. Арчакова [и др.]; пер. с англ. О.В. Добрыниной и др. – М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2002. – 446 с.
12. **Комплексный биохимический анализ состояния нейромедиаторных и нейромодуляторных систем мозга при однократном и хроническом введении**

этанола / А.И. Балаклеевский [и др.] / Алкогольная интоксикация и зависимость. Механизмы развития, диагностика, лечение, 1998. – С. 6–20.

13. **Попова, Э.Н.** Изменение нейронов хвостового ядра при экспериментальном алкоголизме / Э.Н. Попова // Бюлл. эксперим. биол. и мед. – 1997. – № 7. – С. 66–69.
14. **Островский, Ю.М.** Микрометод определения неорганического фосфата в крови // Биохимические методы исследования в клинике / Ю.М. Островский; под ред. А.А. Покровского. – М.: Медицина, 1969. – С. 437.
15. **Клиническая ферментология** / под ред. Э. Щеклика. – Варшава: Польское гос. мед. из-во, 1966. – С. 491.
16. **Гидранович, В.И.** Сравнительная характеристика гликолиза и пентозофосфатного пути в эндокринных железах крупного рогатого скота: автореф. дис. ... д-ра биол. наук: 03.00.04 / В.И. Гидранович; Всесоюзн. ин-т биох. и физиол. – Боровск, 1987. – 24 с.

S U M M A R Y

Intraperitoneal ethanol administration for 30 days has induced the decrease of activity of fructose-1,6-bisphosphatase, glucosephosphate isomerase and glucose-6-phosphatase in a rat liver. Ethanol administration per os ad libitum for 4 months has induced impairment of gluconeogenesis in the liver and small intestine. Maximal depletion of gluconeogenesis enzymes activity occurs after 24 hours after ethanol withdrawal both in the liver and small intestine. The imbalance in activity of gluconeogenesis pathway enzymes can alter other pathways of carbohydrates metabolism.

Поступила в редакцию 21.04.2008

УДК 612.886:796.03:796.015

Г.Г. Бурак

Активизация двигательных функций людей методом тренировки вестибулярной системы

Двигательная активность является одним из биологических свойств людей всех возрастов и имеет выраженные социальную обусловленность и социальную значимость. Полноценное удовлетворение потребности в движении обеспечивает эффективность познавательного развития в детском возрасте, благоприятствует физическому и психическому становлению и развитию личности людей, определяет: а) успешность эмоциональной и волевой регуляции поведения, б) устойчивость к нагрузкам и стрессам, в) позитивную социально-психологическую адаптацию.

В современных условиях, преобразующих мировое социально-экономическое и социокультурное пространство, появилось много факторов, накладывающих глубокий отпечаток на все стороны жизни людей. Цивилизационный процесс отдаляет людей от естественных условий существования, что ограничивает их биологическую потребность в движении. Научно-технический прогресс облегчил или полностью заменил физический труд, сузил диапазон действий опорно-двигательного аппарата человека, снизил уровень его физической активности и расходуемой энергии, грубо нарушил экологическую безопасность, что привело к нарушению жизненных функций людей.

В сложившейся ситуации исключительно важным являются поиски путей и разработка методов активизации двигательных функций людей, которые должны базироваться, по нашему мнению, на:

1) закономерностях становления и развития физических качеств людей в онтогенезе;

2) системно-структурном принципе оценки воздействия активного двигательного режима на разных этапах онтогенеза человека;

3) морфофункциональных данных о взаимодействии систем организма, обеспечивающих двигательные функции организма человека и их регуляцию.

Медико-биологическое обоснование предлагаемого метода. Наши убеждения о возможности влияния на состояние здоровья людей, их двигательную активность, физическое и психологическое развитие методом тренировки вестибулярной системы базируются на следующих основополагающих данных.

Во-первых, рецепторная часть вестибулярной системы (статические образования вестибулярного аппарата) являются индикатором положения головы и тела в состоянии относительного покоя и при движениях. В процессе эволюции и в онтогенезе человека они развиваются очень рано. Все отделы статических образований полностью сформированы уже к 8 месяцам плодного периода развития человека. К этому времени специализированные структуры вестибулярного аппарата имеют анатомически состоятельные связи с вестибулярными центрами в головном мозге. В онтогенезе (особенно в раннем детском возрасте) развиваются и совершенствуются множественные связи вестибулярных центров с мозжечком, двигательными центрами спинного и стволовой части головного мозга (рис.). Начиная с раннего детского возраста, рецепторная часть вестибулярной системы является не только пусковым механизмом формирования приспособительных реакций организма к изменяющимся положениям головы и тела, но и обеспечивает регуляцию двигательных функций в соответствии с потребностями организма человека.

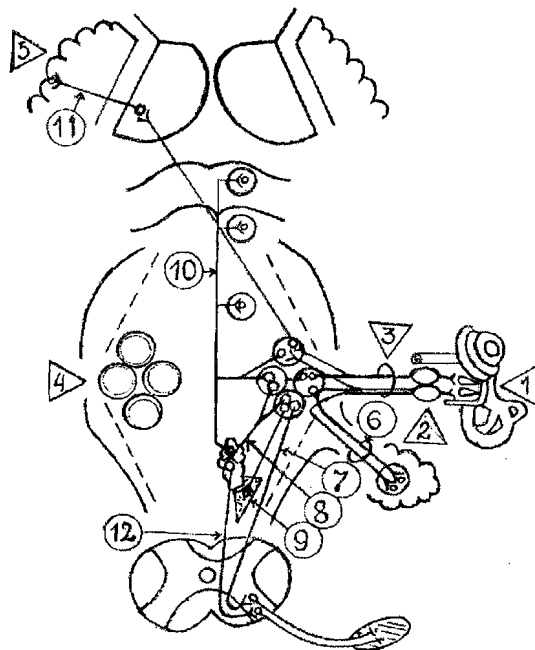

Рис. Схема связей нейронов вестибулярного ядерного комплекса:

- 1 – вестибулярный аппарат;
- 2 – вестибулярный узел;
- 3 – вестибулярная часть преддверно-улиткового нерва;
- 4 – вестибулярный ядерный комплекс;
- 5 – кора височной доли полушарий;
- 6 – вестибулярно-мозжечковый путь;
- 7 – вестибулярно-спинномозговой путь;
- 8 – вестибулярно-ретикулярный путь;
- 9 – вестибулярно-вегетативный путь;
- 10 – проводящий путь к нейронам ядер III, IV, VI пар черепных нервов;
- 11 – вестибулярно-корковый путь;
- 12 – ретикулярно-спинномозговой путь.

Во-вторых, вестибулярная система имеет множественные связи с вегетативными центрами в спинном и головном мозге (рис.), через нейроны которых она влияет на работу сердечно-сосудистой, дыхательной, пищеварительной и эндокринной систем. Она адаптирует работу этих систем к потребностям органов опорно-двигательного аппарата при изменяющихся режимах их функционирования, участвует в обеспечении энергетике сократительной функции мышц, которая является физиологической основой движений. У взаимоотношений вестибулярной системы с вегетативной частью нервной системы человека есть и обратная связь. Обменные процессы в специализированных образованиях вестибулярной системы (нейроэпителий статических образований, нейроны узлов и ядер) и их специфическое функционирование регулируются вегетативной нервной системой [2, 3, 5, 7].

В-третьих, особый интерес представляют прямые и опосредованные связи вестибулярной системы с нейронами ретикулярной формации (рис.). По этим связям от специализированных образований вестибулярной системы к нервным клеткам ретикулярной формации поступает спонтанная или активная импульсация, которая активирует формацию [1, 8, 11]. Последняя, через свои ассоциативные и восходящие пути, участвует в регуляции мозгового кровообращения, создавая благоприятные условия для функционирования головного мозга в целом и коры больших полушарий в частности. Вследствие активизации подкорковых и корковых центров головного мозга активизируется и улучшается их регулирующее и интегрирующее влияние на все функции организма человека.

Материал и методы собственных исследований. Для получения объективных данных об участии вестибулярного аппарата в регуляции мозгового кровообращения были поставлены три серии опытов на половозрелых кроликах-неальбиносах массой 2–2,5 кг.

I серия (5 кроликов) – вызывалась токсическая дегенерация нейроэпителия статических образований вестибулярного аппарата введением (внутримышечно) канамицина сульфата в дозе 120 мг/кг веса на 0,5% растворе новокаина в течение 10 суток ежедневно (суммарная доза около 3000 мг);

II серия (25 кроликов) – вызывались нарушения мозгового кровообращения у здоровых животных окклюзией позвоночных артерий с обеих сторон;

III серия (25 кроликов) – вызывалась токсическая дегенерация нейроэпителия (как и у животных I серии) с последующей 2-сторонней окклюзией позвоночных артерий.

Материалом исследования у животных всех серий явились кусочки ствола мозга (область вестибулярного ядерного комплекса) и кора височной доли больших полушарий (рис.). Изменения в микрососудах и нейронах исследованных образований мозга оценивались после окраски их общегистологическими и специальными методами. Материал от животных II и III серий изучался в динамике в сроки от 60 минут до 90 суток после нарушения мозгового кровообращения.

Результаты собственных исследований и их обсуждение. Целью первой серии опытов явилось – вызвать полную гибель статических образований вестибулярного аппарата и, тем самым, а) исключить его центральную роль в генерировании двигательной эфферентации, обеспечивающей поддержание нужного положения тела и, вместе с тем, б) снять его регулирующее влияние на мозговое кровообращение. Введением больших суммарных доз ототоксического антибиотика мы достигли цели – все сенсорные и секреторные клетки

статических образований погибли вследствие некротических изменений. Подобные изменения наблюдались нами у больных, которых лечили большими дозами канамицина сульфата [6].

У животных II и III серии опытов изменения в микрососудах ствола мозга и нарушения содержания специфического субстрата-тигроида в нейронах ядер ствола принципиально отличались по степени своей тяжести, времени развития и продолжительности проявлений.

Нарушения мозгового кровообращения у животных со здоровой вестибулярной системой (II серия опытов) вызывали вазомоторные изменения во всех звеньях микроциркуляторного русла и сопряженные с ними реактивные изменения содержания и распределения тигроида в цитоплазме нейронов всех чувствительных, соматически-двигательных и вегетативных центров. При этом, сосудистые и сосудисто-нейрональные изменения в стволе мозга носили преходящий характер (до 3-х суток после операции) вследствие их быстрой компенсации за счет других механизмов регуляции мозгового кровообращения [1, 8, 9, 10].

В коре височных долей полушарий изменений в микрососудах и нейронах не выявлено.

Нарушение мозгового кровообращения у животных с полностью погибшими специализированными структурами вестибулярного аппарата (III серия опытов) вызывало устойчивые (до 3-х месяцев) патологические изменения в микрососудах ствола и коры височных долей [4, 12]. Параллельно развивались метаболические и деструктивные изменения в нейронах а) ядер ствола мозга, б) ретикулярной формации и в) коры височных долей. Нарушения в системе гемомикроциркуляции проявлялись: а) сосудистыми изменениями (десквамация и вакуолизация эндотелия, отек и фрагментация базальной мембраны); б) внутрисосудистыми изменениями (капиллярно- и венулопасты); в) внесосудистыми изменениями (периваскулярный отек, гиратация нейропиля, сателитоз).

Одновременно с нарушениями в системе гемомикроциркуляции развивались тотальный тигролиз и исчезновение рибонуклеопротеидов в большинстве (до 63%) нейроцитов, что приводило к дистрофически-атрофическим и дистрофически-некротическим изменениям в нейронах чувствительных, двигательных и парасимпатических ядер ствола, в нейронах ретикулярной формации и коры височных долей полушарий.

Клинически у животных третьей серии в ранние сроки нарушались двигательные функции (шаткость походки, нарушение координации движений и др.).

Оценивая в целом результаты выполненных исследований, правомочно сделать следующие выводы:

1) обширные анатомические связи вестибулярных образований и сосудистодвигательного центра на уровне ствола мозга, и, в частности, ретикулярной формации определяют постоянное взаимодействие сосудистой (сосудов мозга и всего организма) и вестибулярной систем;

2) тяжелые и устойчивые патологические нарушения в сосудисто-нейрональных образованиях ствола мозга и коры височных долей при ишемии у животных с выключенным вестибулярным аппаратом явились следствием отсутствия его регулирующего влияния на мозговое кровообращение через ретикулярную формацию;

3) так как ретикулярная формация является местом интегрирования центральных нейро-гуморальных регуляторных функций, следовательно, повре-

ждение ее нейронов снижает роль формации во всех приспособительных реакциях организма.

Таким образом, приведенные характеристики 1) онтогенеза вестибулярной системы, 2) ее многосторонних связей с центрами регуляции соматических и вегетативных функций организма, 3) с ретикулярной формацией и вегетативными центрами ствола мозга, 4) и экспериментальные данные об их роли в регуляции мозговой гемодинамики однозначно свидетельствуют о возможности и целесообразности активизации двигательных функций людей разного возраста методами тренировки вестибулярной системы.

Предлагаемые методы тренировки вестибулярной системы. Тренировка вестибулярной системы не является безопасным методом воздействия на организм человека в любом возрасте. По этой причине, прежде чем начать тренировки, необходимо провести элементарное исследование вестибулярной функции человека, что позволит определить степень ее возбудимости с целью индивидуализации тренировок и деления людей на группы тренирующихся в зависимости от состояния возбудимости вестибулярного аппарата.

Для решения вопроса о возбудимости вестибулярной системы у здоровых людей достаточно следующей схемы обследования: 1) опрос обследуемого о том, как он переносит езду в скоростных видах транспорта; 2) не возникает ли тошноты при езде по недостаточно хорошим дорогам; 3) проверка устойчивости при закрытых глазах; 4) пальце-носовая проба; 5) проверка устойчивости при ходьбе с открытыми, а затем закрытыми глазами прямо вперед, а также в стороны (фланговая походка).

Поскольку вегетативные влияния вестибулярной системы наиболее выражены на деятельность органов сердечно-сосудистой, дыхательной и пищеварительной систем, которые создают метаболические предпосылки для функционирования опорно-двигательного аппарата, при тренировках вестибулярной системы (до и после каждой тренировки) необходимо производить подсчет пульса, измерение артериального давления, частоты дыхания, пальце-носовую пробу, наблюдать за движением глаз (нистагмом).

С целью активизации двигательной функции людей в обычных условиях, когда не требуется специальная профессиональная подготовка, предпочтение следует отдавать активным методам тренировки вестибулярной системы, как:

1. Ходьба с остановкой и поворотами.
2. Ходьба с ускорениями и замедлениями.
3. Нерезкие повороты головы и нерезкие наклоны головы во фронтальной и сагиттальной плоскостях в состоянии покоя.
4. Ходьба после предварительных наклонов головы во фронтальной и сагиттальной плоскостях.
5. Вращение вокруг собственной оси (слева-направо и наоборот).
6. Ходьба по типу фланговой.

Установление единой методики тренировки вестибулярной системы без учета возраста, профессиональной ориентации, состояния здоровья и лабиринтной функции нецелесообразно.

Пассивные методы тренировки вестибулярной системы (вращение в кресле с различными условными скоростями), равно как и смешанные варианты тренировок (активный и пассивный методы) должны проводиться под постоянным наблюдением врача.

Любое плановое или индивидуальное занятие физической культурой и спортом следует начинать с целенаправленной тренировки вестибулярной

системы, чтобы стимулировать мозговое кровообращение и создать благоприятные условия для функционирования сенсорных и моторных зон коры головного мозга, надсегментарных и сегментарных вегетативных центров. Активизация специфических структур головного мозга улучшает интегрирующее и регулирующее влияние нервной системы на функционирование всех других систем организма, обеспечивая оптимальные условия для реализации двигательных функций людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Burak, G.G.** Morfo-histochemical disturbances in the labyrinth following extirpation an the upper sympathetic ganglia of the neck / G.G. Burak // *Folia anatomica jugoslavica*. – 1974. – Vol. III, № 1. – С. 13–17.
2. **Бурак, Г.Г.** Морфометрическое исследование ядер вестибулярного комплекса при нарушениях кровотока в вертебрально-базилярной системе / Г.Г. Бурак, В.В. Ольшанникова // *Журнал ушн., носов. и горловых болезн.* – 1987. – № 5. – С. 32–37.
3. **Бурак, Г.Г.** Морфогенез вестибулярной дисфункции при нарушениях вертебрально-базилярного кровообращения нервной этиологии / Г.Г. Бурак [и др.] // *Морфология*. – 2004. – Т. 126, № 4. – С. 25–27.
4. **Ibragimova, S.I.** The morphology of the vestibular apparatus in the acute disturbances of the microcirculatory system and of the innervation / S.I. Ibragimova, G.G. Burak // *Labirint*. – 1977. – № 1. – С. 67–72.
5. **Благовещенская, Н.С.** Отоневрологические симптомы и синдромы / Н.С. Благовещенская. – М.: Медицина, 1981. – 328 с.
6. **Калиновская, И.Я.** Стволовые вестибулярные синдромы / И.Я. Калиновская. – М., 1973. – 223 с.
7. **Олисов, В.С.** Лабиринтопатии / В.С. Олисов. – Л.: Медицина, 1973. – 272 с.
8. **Гурин, Н.Г.** Рациональное применение антибиотиков – основа профилактики и побочных эффектов / Н.Г. Гурин, Г.Г. Бурак, А.Г. Захаренко // *Антибиотики и химиотерапия*. – 1996. – Т. 41, № 3. – С. 40–43.
9. **Мчедlishvili, Г.И.** О роли внутренних сонных и позвоночных артерий в регуляции мозгового кровообращения / Г.И. Мчедlishvili // *Физиологический журнал СССР*. – 1959. – Т. 45, № 10. – С. 1221–1225.
10. **Новое в патогенезе нарушений мозгового кровообращения** / И.В. Ганнушкина [и др.] // *Журнал неврол. и психиатр. им. С.С. Корсакова*. – 1997. – № 6. – С. 4–8.
11. **Бурак, Г.Г.** Микроциркуляторное русло вестибулярной системы при церебральной патологии стволовой локализации / Г.Г. Бурак, И.В. Самсонова, Г.Г. Кобец // *Микроциркуляция и гемореология: материалы II Междунар. конференции*. – Ярославль–Москва, 1999. – С. 128–130.
12. **Savitz, S.I.** Vertebrobasilar disease / S.I. Savitz, L.R. Caplan // *N. Engl. J. Med.* – 2005. – Vol. 352, № 25. – P. 2618–2623.

S U M M A R Y

The peculiarities of ontogenesis of vestibular apparatus, earlier forming of multi-lateral relations of vestibular system to somatic and autonomic centers in trunkus cerebeli, participation of vestibular apparatus in the regulation of cerebral hemodynamics and integrative functions of reticular formation have caused the opportunity and expediency influences on the human motor functions by the method of vestibular system training.

Поступила в редакцию 6.03.2007

УДК 598.2

С.А. Дорофеев

Сибирская гага (*Polysticta stellari* Pall.) – новый вид орнитофауны Беларуси

Гнездовой ареал сибирской (Стеллеровой) гаги *Polysticta (Somateria) stellari* Pall. охватывает арктическое побережье и полосу тундр Восточной Сибири от полуострова Ямал до западной Аляски, но спорадические случаи гнездования ее отмечены на Новой Земле, островах Айнова, на Кольском полуострове, в Норвегии и Эстонии. Места зимовок расположены у побережья Камчатки, Алеутских и Курильских островов, а на западе – у побережья Кольского полуострова, в Ботническом и Финском заливах, а также вдоль восточного побережья Балтики до г. Калининграда [1, 2].

В Беларуси залеты сибирской гаги на протяжении последних 100 лет не регистрировались. Общая численность сибирской гаги оценивается в 30000–50000 особей, из которых около половины приходится на территорию России. Вид включен в приложение II Бернской конвенции и приложение I/II Боннской конвенции [3].

В 2001 г. студент биологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова М. Корнилович передал нам кольцо, которое снято охотником с «незнакомой утки», добытой в августе 2000 г. на озере Круглое вблизи д. Саломирье Полоцкого района Витебской области (55°17' N, 28°11' W), с логотипом Центра кольцевания США.

WRITE BIRD BAND US FISH & WILDLIFE
SERVICE LAUREL MD 20708 USA
3607 – 19687

По информации, полученной от Центра кольцевания США Белорусским центром кольцевания птиц, кольцом 22 сентября 1996 г. в возрасте старше одного года была окольцована самка сибирской гаги (*Polysticta stellari* Pall.) на юге полуострова Аляска, штат Аляска (США) (55°15' N, 162°45' W). Добыта она через 3 года 11 месяцев на расстоянии 10752 км от места кольцевания в возрасте старше 5 лет.

Таким образом, с помощью кольцевания впервые удалось установить залет сибирской гаги на территорию республики. Указанное сообщение является единственным достоверным доказательством для включения ее в состав орнитофауны Беларуси в качестве редкого случайно залетного вида.

Место и обстоятельства добычи сибирской гаги в Белорусском Поозерье свидетельствуют о возможности ее залета на материковые водоемы уже с началом послегнездовых миграций. Можно предположить принадлежность добытой птицы к гнездящейся в Скандинавии и Эстонии популяции. Ближайшие места зимовки сибирской гаги у восточного побережья Балтики находятся в 480–500 км от места добычи.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Czarnecki, Z.** Ptaki Europy / Z. Czarnecki, K. Dobrovolski, B. Jablonski, E. Novak, W. Sivek // Pzewodnik terenowy. – Warszawa, 2000.
2. **Иванов, А.И.** Каталог птиц СССР / А.И. Иванов. – Л., 1970. – С. 31.
3. **Heath, M.** European bird populations: Estimates and trends / M. Heath, C. Borggreve, N. Peet. – Cambridge, U. K.: Birdlife International. – 2000. – P. 27.

S U M M A R Y

*The results of ringing show that Steller's eider (*Polysticta stellari* Pall.) flies to the territory of Vitebsk Region. This fact can be a ground for including this kind into Belarusian ornithofauna.*

Поступила в редакцию 4.04.2008

УДК 796.42

В.В. Трущенко

Методические аспекты тренировочного процесса легкоатлетов-толкателей ядра

Использование большого разнообразия средств и методов в тренировочном процессе порождает различную, порой противоречивую оценку их эффективности при планировании этого процесса у толкателей ядра различной квалификации. Изучение литературы показало, что одни специалисты [1] делают акцент на развитие силовых, другие [2] – скоростных, третьи [3] – скоростно-силовых способностей.

Учитывая изложенное, для выявления наиболее эффективных средств, используемых в учебно-тренировочном процессе в подготовительном периоде годового цикла подготовки легкоатлетов, нами было проведено тестирование уровня развития двигательных способностей толкателей ядра 1–2 спортивных разрядов (12 человек).

Контрольные тесты (упражнения) для определения уровня развития динамической силы включали: жим штанги лежа, приседание со штангой, рывок штанги в высокую стойку, взятие штанги на грудь, становую тягу штанги; скоростных способностей – бег 30 м с низкого старта, бег 30 м сходу; скоростно-силовых способностей – тройной прыжок с места с ноги на ногу, тройной прыжок с места на двух ногах, прыжок в длину с места, бросок ядра через голову, стоя спиной по направлению метания, бросок ядра снизу, стоя лицом по направлению метания. Кроме этого, фиксировались показатели при толкании ядра весом 5 кг и 10 кг.

В процессе исследований фактический материал был подвергнут математико-статистической обработке для определения надежности и достоверности количественных характеристик, выявления закономерностей в полученных показателях. По общепринятым формулам, приведенным в специальной литературе [4], определялись следующие статистические показатели: \bar{X} – средние арифметические величины исследуемых признаков; δ – средние квадратические отклонения; m – стандартные ошибки средней арифметической величины; r – коэффициенты корреляции.

**Показатели взаимосвязи между результатами
в толкании ядра (7,257 кг) и контрольными тестами для определения
уровня развития двигательных способностей толкателей ядра (n = 12)**

Т е с т ы	\bar{X}	$\pm\delta$	$\pm m$	Толкание ядра		Т е с т ы	\bar{X}	$\pm\delta$	$\pm m$	Толкание ядра	
				r	p					r	p
А	123,0	11,3	4,7	0,987	<0,001	З	280,0	10,7	4,3	0,686	<0,05
Б	176,0	10,4	4,4	0,914	<0,001	И	1460,0	0,9	0,4	0,947	<0,001
В	88,0	6,1	2,5	0,984	<0,001	К	1430,0	10,3	4,2	0,860	<0,001
Г	124,0	8,6	3,5	0,980	<0,001	Л	4,1	0,08	0,02	0,914	<0,001
Д	255,0	18,3	7,6	0,971	<0,001	М	3,1	0,04	0,01	0,945	<0,001
Е	850,0	0,81	0,3	0,961	<0,001	Н	1660,0	0,82	0,34	0,943	<0,001
Ж	850,0	0,35	0,1	0,943	<0,001	О	1100,0	0,80	0,20	0,971	<0,001

Примечание: А – жим штанги лежа, кг;

Б – приседание со штангой, кг;

В – рывок штанги в высокую стойку, кг;

Г – взятие штанги на грудь, кг;

Д – становая тяга штанги, кг;

Е – тройной прыжок с места с ноги на ногу, см;

Ж – тройной прыжок с места на двух ногах, см;

З – прыжок в длину с места, см;

И – бросок ядра через голову, стоя спиной по направлению метания, см;

К – бросок ядра снизу, стоя лицом по направлению метания, см;

Л – бег 30 м с низкого старта, с;

М – бег 30 м сходу, с;

Н – толкание ядра 5 кг, см;

О – толкание ядра 10 кг, см.

Как показало проведенное исследование (табл.), между показателями классического соревновательного толкания ядра (ядро – 7,257 кг) и тестируемыми силовыми, скоростными, скоростно-силовыми показателями наблюдается сильная статистически достоверная ($p < 0,001$) взаимосвязь (в диапазоне от $r = 0,860$ до $r = 0,987$). Это свидетельствует о том, что использование подобных контрольных упражнений (за исключением прыжка в длину с места, где $r = 0,686$, $p < 0,05$) повышает качество тренировочного процесса и оказывает определяющее влияние на улучшение результата в толкании ядра. Причем, среди упражнений силовой направленности наиболее эффективны – жим штанги лежа ($r = 0,987$, $p < 0,001$), взятие штанги на грудь ($r = 0,980$, $p < 0,001$), рывок штанги в высокую стойку ($r = 0,984$, $p < 0,001$), становая тяга штанги ($r = 0,971$, $p < 0,001$). Эти упражнения отражают умение спортсменов проявлять максимум силы в минимальный промежуток времени, что характерно и для толкания ядра. Среди упражнений скоростно-силовой направленности – тройной прыжок с места с ноги на ногу ($r = 0,961$, $p < 0,001$), тройной прыжок с места на двух ногах ($r = 0,943$, $p < 0,001$), бросок ядра через голову, стоя спиной по направлению метания ($r = 0,947$, $p < 0,001$). Помимо этих упражнений, в подготовительном периоде годичного цикла подготовки толкателей ядра необходимо использовать такие средства, как бег 30 м сходу ($r = 0,945$, $p < 0,001$) и толкание ядра в облегченном (5 кг, $r = 0,943$, $p < 0,001$) и

утяжеленном (10 кг, $r = 0,971$, $p < 0,001$) вариантах. Все перечисленные упражнения, за исключением жима штанги лежа и становой тяги штанги, направлены на развитие скоростно-силовых способностей толкателей ядра. Кроме этого, при подборе специальных упражнений следует учитывать двигательную структуру этих упражнений, которая должна отражать основные фазы движения при толкании ядра, с учетом анатомо-физиологических особенностей занимающихся. Эти специальные упражнения эффективно обеспечивают как общую, так и специальную подготовленность. Такое направление в использовании средств тренировки позволяет спортсмену избежать неоправданных нагрузок и дает возможность построить тренировочный процесс более целесообразно.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Вацула, Й.** Азбука тренировки легкоатлета / Й. Вацула, Э. Достал, В. Вомачка. – Минск: Полымя, 1986. – 135 с.
2. **Жилкин, А.И.** Легкая атлетика: учеб. пособие для факультетов физич. культуры высш. пед. учеб. заведений / А.И. Жилкин, В.С. Кузьмин, Е.В. Сидорчук. – М: Академия, 2003. – 464 с.
3. **Книга тренера по легкой атлетике** / под ред. Л.С. Хоменкова. – М: Физкультура и спорт, 1987. – 397 с.
4. **Основы математической статистики:** учеб. пособие для институтов физической культуры / под ред. В.С. Иванова. – М: Физкультура и спорт, 1990. – 176 с.

S U M M A R Y

In this article the most effective means of athletic training during the preparatory yearly circle were experimentally determined.

Поступила в редакцию 15.10.2007

Н.А. Карпенко

Жизненная философия молодежи

Философские проблемы глазами студентов / В.Н. Васильков, В.И. Турковский. – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2007. – 115 с.: ил. Тир. 100 экз.

В.Н. Васильков
В.И. Турковский

 **Философские
проблемы
глазами
студентов**

Витебск 2007

Научно-популярное издание «Философские проблемы глазами студентов» представляет собой попытку взглянуть на современные общечеловеческие проблемы глазами молодежи, преломив их сквозь призму студенческого сознания. Авторы постарались выяснить, что волнует современного студента, каков его духовный мир, что его беспокоит и интересует.

В небольшой по объему книге собрано большое количество студенческих размышлений о таких важнейших философских понятиях, как «красота», «любовь», «счастье», «добро и зло», «совесть», «достоинство». Это те ценности, в которых нуждается каждый человек, и от правильного понимания их, во

многом, будут зависеть наши поступки, взгляды, оценки. Поэтому так важно разобраться в сущности этих ценностей.

Разнообразие представленных мнений студентов свидетельствует о том, что предложенные вопросы к обсуждению являются актуальными в наше непростое время. Новое поколение выбирает не только «пепси», но и новые ориентиры, стандарты поведения, идеалы. Поэтому особую актуальность приобретает дискуссия о гражданском браке (см. гл. «Любовь»), в которой сталкиваются прямо противоположные мнения сторонников и противников этого нового для нас социального феномена.

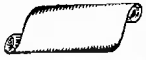
В структуре изложения и компоновки предложенного материала авторами удачно сочетаются теоретическое обоснование каждого феномена, рассматривается генезис, динамика развития с рассуждениями (цитатами) студентов на обозначенную тему; «фрагменты» студенческих мнений с «комментариями», в которых предлагается обобщение и вывод авторов. Большая заслуга данного издания заключается в том, что в конце каждого раздела предлагается список учебной и научной литературы по заданной теме, что облегчает читателю самостоятельно сориентироваться в безграничном потоке информации и различных мнениях. Как показано в книге, студент может не только рассуждать и дискутировать, но и целенаправленно выражать свои мысли, идеи, видение проблемы в конкретных визуальных образах, которые представлены рисунками и эмблемами. Каждая глава начинается с художественного симво-

лического образа, предложенного самими студентами, – своеобразный визуальный ввод в проблему.

Необходимо отметить, что заявленное авторами проблемное поле – философские проблемы – не исчерпывается только теми феноменами, которые были рассмотрены в книге. Без внимания остались, на наш взгляд, такие важные понятия, как «истина», «моральный выбор», «свобода», «смысл жизни», «страдание и сострадание». А вопросы «прикладной этики» (эвтанази, смертной казни, трансплантации органов и др.), несомненно, стали бы источником бурных дискуссий студентов. Специфика решений таких проблем, прежде всего, заключается в практическом осмыслении жизни, и только после этого становится личными убеждениями, жизненными принципами человека. Было бы целесообразно включить в книгу кроссворды и темы эссе с более широкой (культурологической, религиоведческой, этической, эстетической, философской) тематикой, что способствовало бы развитию творческого начала студента.

Книга заряжает положительной энергией, погружая читателя в мир поиска и серьезных размышлений. Читатель попадает в мир молодежного восприятия, его тревог и ожиданий. Работа является прекрасным средством обратной связи «студент–преподаватель», помогает последнему объективно оценить проблемное поле и свой вектор деятельности. Представленное научно-популярное издание адресовано не только преподавателям гуманитарных наук, но и руководителям и активистам молодежных объединений, всем тем, кто работает с подрастающим поколением.

Таким образом, продолжая работу со студентами в заданном проблемном поле, авторы способствуют конструктивному развитию ценностных ориентаций современной студенческой молодежи, что, несомненно, является актуальным и необходимым в наше сложное информационное и динамически развивающееся время.

АСТРОНОМИЯ: сборник качественных задач и вопросов: пособие для учителей общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения с 12-летним сроком обучения / И.В. Галузо, В.А. Голубев, А.А. Шимбалев. – Минск: Аверсэв, 2007. – 256 с.: ил. (Дидактические материалы). Тир. 2100 экз.

Пособие охватывает всю программу школьного курса астрономии и представляет собой своеобразное учебное издание в виде вопросов и ответов. Решение задач, а также ознакомление с ответами на поставленные вопросы может многое дать читателю не только в познавательном плане, но и в развитии навыков рассуждения, помочь понять сложные астрономические явления и процессы.

Данную работу можно было бы назвать «Астрономия без формул», так как авторы в абсолютном большинстве случаев избежали объяснения рассматриваемых явлений с использованием математического аппарата. Поэтому данное пособие будет интересным школьникам не только старших классов, но и тем, которые только-только заинтересовались астрономией, а также более широкому кругу читателей.

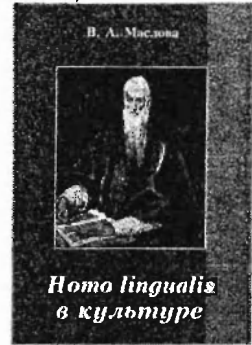
Н.К. Толочко

НОМО LINGUALIS В КУЛЬТУРЕ: монография / В.А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с. Тир. 1000 экз.

В монографии культура и язык рассматриваются как формы сознания, отображающие мировидение и миропонимание человека и существующие в диалоге между собой. Проблема решается с позиций антропоцентрической парадигмы в лингвистике, в основе которой лежит понимание, что язык «создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» (Ю.С. Степанов).

Книга может быть интересна преподавателям, аспирантам и студентам-филологам, философам, этнографам, культурологам и представителям иных гуманитарных специальностей.

В.М. Генкин

ДЗЕНЬ ЗА ДНЁМ: ПРЫКМЕТЫ НАДВОР'Я: народны каляндар-месяцаслоў з гараскопам / сабраў і апрацаваў Аркадзь Русецкі; маст. В. Мікіта. – Минск: Маст. літ., 2008. – 302 с.: ил. Тыр. 200 экз.

Гэта кніга народнай мудрасці. У ёй змешчаны прымаўкі пра кожную пару года, прыкметы надвор'я, а таксама народны каляндар-месяцаслоў, у якім размова ідзе пра кожны дзень года: якое народнае ці царкоўнае свята выпадае на гэты дзень і якія абрады трэба выконваць, што прадказвае надвор'е ў гэты дзень і г.д.

Да прыкладу, Аркадзь Русецкі ў сваім вершы пра снежань піша так:

Год завяршае,
Зіму пачынае, –
Снежань.
Снегу многа,
Звініць, як лядзяш,
Дарога.

Кнігу дапаўняе невялічкі гараскоп, які дае характарыстыкі асобам, народжаным у кожны з дзён года.

А.І. Мацяюн

Международная белорусско-российская научно-практическая конференция «Возможности и перспективы развития приграничного туризма», которая была проведена 1 февраля 2008 г., – это еще один шаг для исторического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова» к международному сотрудничеству с вузами и научными центрами ближнего и дальнего зарубежья. С белорусской стороны были представлены три доклада и 35 участников конференции, в том числе 20 студентов и 15 преподавателей. Российскую сторону представляли 10 преподавателей и 20 студентов из Псковского филиала Российской международной академии туризма, которые выступили с тремя сообщениями.

Участников конференции приветствовал декан исторического факультета профессор В.А. Космач, который рассказал об истории университета и факультета, специальностях и специализациях, по которым обучаются студенты, планах и перспективах работы коллектива истфака, международных и партнерских связях факультета. Заместитель директора Псковского филиала РМАТ Л.В. Масленникова выступила с интересным сообщением о работе филиала, с помощью мультимедиа познакомила участников конференции со своим учебным заведением.

Гости из России в ходе совместной экскурсии познакомились с музеями университета, достопримечательностями г. Витебска, усадьбой И. Репина, музеем М. Шагала, туристическим агентством «Золотой теленок». По итогам визита был подписан предварительный договор о сотрудничестве. И как результат – с 15 по 18 апреля делегация исторического факультета, во главе с профессором В.А. Космачем, находилась в г. Пскове (Российская Федерация) и приняла участие в международной научно-практической конференции, организатором которой выступал Псковский филиал Российской международной академии туризма.

Также в ходе визита прошли рабочая встреча и переговоры о сотрудничестве с руководством исторического факультета, управлением научно-исследовательской работы, представителями ректората Псковского государственного педагогического университета им. С.М. Кирова, в итоге чего был подписан договор о сотрудничестве между ПГПУ им. С.М. Кирова и УО «ВГУ им. П.М. Машерова». Деканы исторических факультетов обоих вузов наметили конкретный рабочий план реализации договора о сотрудничестве на ближайшие три года в форме совместных научных конференций, рабочих встреч и семинаров, публикаций, работы со студентами в ходе учебного процесса и практик, научно-исследовательской работы в музеях и архивах Витебска и Пскова.

О.В. Махиня

На базе нашего университета 20 марта 2008 года состоялась международная научно-практическая конференция «Практическая подготовка специалистов в условиях университетского образования: состояние, проблемы, перспективы», организованная кафедрой педагогики. На конференции обсуждались наиболее актуальные проблемы практической подготовки студентов в условиях университетского образования по четырем основным секциям:

1. Методологические и методические основы практико-ориентированного обучения.
2. Педагогическая практика в профессиональной подготовке учителя.
3. Воспитательные аспекты практико-ориентированного обучения.
4. Использование информационных технологий в практическом обучении специалистов.

В форуме приняли участие почти 370 ученых из различных научных, учебных и производственных областей, которые представляли Беларусь, Россию, Украину, Польшу, Латвию, Китай.

В рамках работы конференции прошли мастер-классы творчески работающих преподавателей университета, целью которых являлась демонстрация процессов становления, формирования профессиональных навыков будущих специалистов и основ их профессиональной дисциплины.

В ходе конференции были подведены итоги и приняты решения по усовершенствованию практического аспекта при подготовке специалистов в условиях университета.

Н.Г. Легкоступова

В начале апреля 2008 года на базе химического факультета БГУ состоялась Международная конференция по химии и химическому образованию, посвященная памяти доктора химических наук, академика Белорусской академии наук В.В. Свиридова. В работе конференции приняли участие 200 ученых из 11 стран (Беларусь, Россия, Литва, Латвия, Эстония, Германия, Португалия, Нидерланды, Колумбия, Польша, Мексика). На конференции было представлено 120 научных сообщений, заслушано 8 пленарных и 72 устных доклада, а также 40 стендовых. Работа проводилась по двум секциям.

Наш университет был представлен двумя работами (С.Г. Степин, А.В. Труханов «Синтез и магнитные свойства $\text{La}_{0.50}\text{Ba}_{0.50}\text{MnO}_3$ наноманганитов»; Е.Я. Аршанский «Интегративный подход и его роль в условиях профилизации химического образования школьников»).

А.В. Труханов

С 22 по 25 апреля 2008 г. в городе Минске в Национальной академии наук Республики Беларусь проходила Первая международная научная конференция «Наноструктурные материалы – 2008. Беларусь–Россия–Украина. НАНО–2008». Кроме этого в рамках конференции проходил V Международный симпозиум «Фуллерены и фуллереноподобные соединения».

В работе конференции приняли участие более 400 ученых из 10 стран. Подавляющее количество участников представляло Беларусь, Россию, Украину. Кроме этого на конференции выступали ученые из Латвии, Литвы, Молдавии, Узбекистана, Чехии, Болгарии, Германии. На ней было представлено 750 докладов, посвященных тенденциям и перспективам развития нанотехнологий.

На конференции работали 8 секций: «Физико-химия наноструктурированных материалов», «Наноструктурные металлы, сплавы, керамика, композиционные материалы», «Углеродные материалы (фуллерены и углеродные нанотрубки)», «Магнитные наноматериалы», «Нанозлектроника и микросистемы», «Наноструктурные коллоидные системы», «Методы сертификации и аттестации наноматериалов», «Семинар МНТЦ».

Витебский государственный университет был представлен на конференции совместным докладом с Объединенным институтом физики твердого тела и полупроводников НАНБ, Институтом физики Польской академии наук и Техасским университетом в Эль Пасо, который проходил на секции магнитных материалов (С.В. Труханов, В.В. Федотова, А.В. Труханов, С.Г. Степин, Н. Szymczak, С.Е. Botez «Размер кристаллита и магнитные свойства манганитов $\text{La}_{0.5}\text{Ba}_{0.5}\text{MnO}_3$ »).

Проведение следующей конференции запланировано на территории Украины.

С.Г. Степин

В этом году состоялся XXVII Международный фестиваль церковной музыки «Хайнувка – 2008» в Белостоке с 20 по 25 мая 2008 года и прошел в рамках Европейского года межкультурного диалога и посвящался 75-летию известного польского композитора Кшиштофа Пендеревского.

Фестиваль является ярким примером международного диалога и неповторимой возможности познакомиться с выдающимися произведениями Рахманинова, Архангельского, Чайковского, Бортнянского, Твардовского как людям, для которых церковная музыка всегда была близкой, так и тем, кто раньше ее не знал. Музыкальный форум дает также возможность познакомиться со многими значимыми в мире музыки профессиональными и любительскими хорами из разных стран мира.

На двадцать седьмую встречу с прекрасной, богатой и гармоничной церковной музыкой в Белосток приехали 25 хоров из Польши, Беларуси, России, Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Чехии, Словакии, Армении, Грузии, Молдовы, Ирана и США. Среди трех приглашенных хоров из Беларуси был и народный мужской хор нашего университета под руководством Т.Л. Захаровой. Следует отметить, что конкурсные выступления хоров проходили в прекрасно оборудованном здании Подлясской филармонии.

Кроме выступлений в рамках обязательной программы нашему хору была предоставлена возможность участвовать в гала-концерте, познакомиться с Варшавой и выступить с сольной концертной программой в двух костелах польской столицы: Святой Магдалены и Святого Стефана.

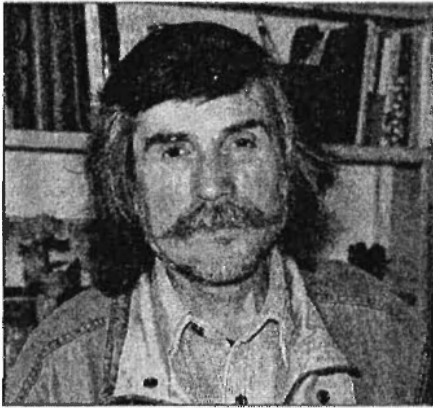
В хронике оживленной концертной и просветительской деятельности народного мужского хора университета вписана еще одна интересная страница. Участие в этом престижном для профессионалов и любителей хоровой музыки фестивале будет хорошим эмоциональным зарядом для членов хора на долгое время.

Ф.И. Шкирандо

А.А. Чмиль

(к 60-летию со дня рождения)

25 июня 2008 года исполняется 60 лет Анатолию Аксентьевичу Чмилю, старшему преподавателю кафедры изобразительного искусства художественно-графического факультета, члену Белорусского союза художников.

Родился А.А. Чмиль на Украине в селе Осиевка Винницкой области. В 1971 г. окончил художественно-графический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена.

Вся дальнейшая трудовая деятельность А.А. Чмиля связана с ВГУ им. П.М. Машерова, где он работал в качестве преподавателя,

а с 1981 года старшего преподавателя кафедры изобразительного искусства. Имея фундаментальную профессиональную подготовку и несомненные педагогические способности, А.А. Чмиль обеспечивает высокий уровень преподавания рисунка, живописи и композиции. Разработал и преподает курс технологии живописных материалов. Он являлся руководителем более 70-ти дипломных проектов. Руководимые им дипломные работы неоднократно получали самую высокую оценку государственной экзаменационной комиссии.

Успешно сочетая педагогическую работу с живописью и активно работая творчески, Анатолий Аксентьевич создал широкий круг станковых произведений в разных жанрах – портрете, пейзаже, натюрморте. Основные произведения – полиптих «Воспоминания о древнем городе», триптих «Славный древний город Витебск», полотна «Вишня. Портрет молодой учительницы», «Освобождение города Витебска», «Старый Витебск», «Лето, полдень», «Ранняя осень», «Погоня над Двиной», серии «Новодевичий монастырь», «Весенние цветы», «Витебск. Пory года». Картины находятся в Витебском художественном музее, частных собраниях белорусских и зарубежных коллекционеров.

Много внимания отдает А.А. Чмиль воспитанию студентов. В течение многих лет являлся куратором в академических группах, успешно выступал организатором выставочной деятельности студентов на факультете.

Активно участвуя в художественной жизни, А.А. Чмиль является участником областных, республиканских и международных республиканских выставок. За плодотворную работу по подготовке кадров, активное участие в художественной жизни области и республики он награжден почетными грамотами университета, органов образования и культуры. Свое 60-летие А.А. Чмиль отмечает большой персональной выставкой, которая проходит в Витебском областном краеведческом музее. Он полон творческих замыслов. Глубокие знания, трудолюбие, увлеченность искусством, внимательное отношение к ученикам и коллегам снискали ему любовь и уважение. Преподаватели и студенты художественно-графического факультета искренне желают А.А. Чмилю больших успехов на педагогическом и творческом поприще, крепкого здоровья и неиссякаемого оптимизма на долгие годы.

В.П. Климович, Н.А. Гугнин, Г.П. Исаков, А.Ф. Карпан

УДК 37(476)(09)+947(476)

Русецкий А.В., Орлова А.П. Верность педагогическому призванию: к 90-летию со дня рождения П.М. Машерова // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 3–9.

Посвящается педагогической деятельности выдающегося государственного и общественного деятеля Беларуси П.М. Машерова. Показано становление и развитие его педагогического таланта: жизнь и деятельность Петра Мионовича рассмотрена через призму педагогического предназначения, определяемого великим долгом – служению Родине и Народу. Определены ведущие идеи Учителя, созвучные решению современных педагогических задач.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 930.1

Табачков А.С. Историческое прошлое: теоретическое объяснение или интерпретативная репрезентация? // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 10–14.

Рассматривается проблема соотношения между двумя важнейшими способами познания исторического прошлого – между интерпретативным воспроизведением опыта прошлого и теоретическим объяснением событий истории. Авторская гипотеза, лежащая в основе работы, такова: за вышеназванной альтернативой лежит противостояние метафизической и позитивистской метатеоретических парадигм. Экспликация несамостоятельности последней применительно к области знания об историческом прошлом и является главной задачей предлагаемого вниманию читателя исследования.

Выводы автора могут быть кратко суммированы следующим образом: не стоит ни переоценивать, ни недооценивать значение полученных при помощи интерпретации дискурсов исторического прошлого. Такие фундаментальные особенности человеческого сознания, как креативность, способность негативного восприятия и проективная интенциональность, связывают его, прежде всего, с им же задумываемым и осуществляемым будущим. В этом специфичном способе соотносённости с событийной темпоральностью мира проявляется имманентная человеку свобода.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 316.346.32-057.87

Качан Г.А., Моторов С.А., Моторова Н.С. Тенденции развития социальной активности молодежи в условиях вуза // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 14–18.

Рассмотрены и проанализированы различные подходы к определению понятия «социальная активность»; выявлены объективные условия, обеспечивающие ее развитие; раскрыты факторы формирования социальной активности; рассмотрены уровни ее проявления. Теоретические положения подтверждаются данными социологических исследований, которые были проведены в различных вузах Республики Беларусь.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 371.72-057.87

Васильков П.С. Физическая активность и ее влияние на качество здорового образа жизни // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 18–22.

Анализируется мотивация студентов, занимающихся физическими упражнениями и спортом во внеучебное время. Исследуются конкретные недостатки в деятельности физкультурно-преподавательского состава. Обозначены инновационные подходы в совершенствовании физического воспитания современной студенческой молодежи.

Табл. – 5. Библиогр. – 3 назв.

УДК 94:323.29

Толочко А.Н. Политическая оппозиция и терроризм // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 23–27.

Рассматриваются вопросы и проблемы, связанные с трактовкой и классификацией политической оппозиции и терроризма. Приведенный фактологический материал и авторская трактовка раскрывают опасность радикальной и экстремистской оппозиции, современного терроризма для государственной власти. Содержание статьи связано с событиями на Ближнем Востоке, в США, Испании, арабо-мусульманском мире, России и Республике Беларусь.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 351.746.1

Краско Г.Г. Проблемы трансформации системы советских органов государственной безопасности (1943–1960 гг.) // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 28–33.

Проведен анализ обширного исторического источниковедческого материала по выбранной проблематике, а также определены причины, условия и результаты многократных трансформаций отечественных органов государственной безопасности.

Изменение военной и оперативной обстановки после Курской битвы закономерно повлекло за собой и коррекцию характера поставленных перед органами государственной безопасности задач. Воссоздание в апреле 1943 года самостоятельного НКГБ положило начало новому периоду в истории отечественных спецслужб. Дальнейшая трансформация системы и структуры органов государственной безопасности была обусловлена началом «холодной войны» и необходимостью решения новых задач, ставшихся политическим руководством страны. Следует отметить, что сама спецслужба в процессе многократных перестроек эволюционировала в направлении повышения эффективности своей деятельности, успешно решая задачи по противодействию разведывательной и иной противоправной деятельности специальных служб иностранных государств.

Исследование материалов архивов КГБ Республики Беларусь, управления КГБ Республики Беларусь по Витебской области позволяет не только изучить, проанализировать общесоюзные тенденции развития органов НКГБ – МТБ – КГБ, но и выявить особенности происходивших процессов для территории нашей республики, а также ее конкретного региона – Витебской области.

Библиогр. – 18 назв.

УДК 947.6«1944–1961»(476)

Гаравая А.А. Рэфармаванне вышэйшай філалагічнай адукацыі ў Беларусі ў сярэдзіне 50-х – пачатку 60-х гг. XX ст. // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 33–38.

З сярэдзіны 1950-х і да пачатку 1960 гг. прайшлі першыя сур'ёзныя рэформы ў вышэйшай школе, у тым ліку і філалагічнай, у СССР і БССР. Аб'ект даследавання – падрыхтоўка спецыялістаў-філолагаў у сістэме вышэйшай адукацыі ва ўмовах рэфармавання. Гэта абумовіла пастаноўку і вырашэнне наступных задач: вызначыць часовыя рамкі правядзення рэформаў у вышэйшай школе, прааналізаваць і супаставіць спецыяльныя дысцыпліны ў вучэбных планах «шырокага профілю», паказаць асаблівасці ў падрыхтоўцы спецыялістаў-філолагаў у рамках закону аб умацаванні сувязі школы з жыццём. Арганізацыйна-структурныя змены (увядзенне факультэтаў «шырокага профілю», ажыццяўленне Закона «Аб умацаванні сувязі школы з жыццём і аб далейшым развіцці сістэмы народнай адукацыі ў СССР» і інш.) былі абумоўлены сацыяльна-палітычнымі і культурнымі зменамі ў грамадстве. Структурныя адзінкі вышэйшай школы – універсітэт і педагагічныя інстытуты – былі вымушаны ў арганізацыйна-педагагічнай дзейнасці кіравацца пастановамі і рашэннямі партыі і з'ездаў.

Бібліягр. – 3 назв.

УДК 327(612)

Эльмальян А.С. Ливия и США: проблемы и перспективы двухсторонних отношений // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 39–45.

Рассматриваются проблемы и перспективы двухсторонних отношений между Ливией и США с момента установления дипломатических контактов между ними. Обозначены направления и формы сотрудничества названных государств в борьбе с исламским терроризмом, взаимодействие Ливии и США по широкому спектру вопросов, представляющих взаимный интерес.

Библиогр. – 19 назв.

УДК 94(47+57)«1941/45»+930(476)

Здановіч У.В. Акупацыйны рэжым на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны: гістарыяграфія праблемы (1940–1980-я гг.) // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 45–51.

Аналізуюцца працы айчынных гісторыкаў, прысвечаныя гісторыі акупацыйнага рэжыму і яго наступстваў на тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. Праведзены аналіз сведчанняў аб тым, што ў савецкі перыяд асноўная ўвага даследчыкаў была накіравана на раскрыццё сутнасці акупацыйнай палітыкі, складовай часткай якой былі рабаванне народнай гаспадаркі, фізічнае знішчэнне насельніцтва. Характарыстыка акупацыйнага рэжыму з'яўлялася фонам для паказу арганізаванага Камуністычнай партыяй шырокага супраціўлення ў тыле германскіх войскаў. Канкрэтныя формы рэжыму, асаблівасці яго праяўлення ў розных сферах асвятляліся фрагментарна. Многія аспекты праблемы, у тым ліку генацыд яўрэйскага насельніцтва, прававое становішча жыхароў акупіраваных раёнаў, гісторыя асобных лагераў смерці алынуліся па-за ўвагай беларускіх навукоўцаў.

Бібліягр. – 14 назв.

УДК 347.73

Лукашенко А.А. Понятие и сущность местного налогообложения // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 52–55.

На основе действующего налогового законодательства Республики Беларусь рассматриваются проблемы понятия и сущности местного налогообложения.

В связи с тем, что понятие «местный налог» в полной мере отождествляется с понятием «налог», в работе рассматриваются все признаки, которые характеризуют как местный налог, так и налог вообще. При этом все общие признаки подаются с учетом особенностей, связанных с понятием «местный налог».

Из десяти основных признаков местного налога важнейшими являются те, которые присущи только местному налогу. Таковыми признаками являются: 1) установление и введение их (местных налогов) исключительно нормативными правовыми актами местных советов депутатов; 2) местный налог вводится только тогда, когда это предусмотрено Налоговым кодексом Республики Беларусь или нормативно-правовыми актами Президента Республики Беларусь либо Национальным собранием Республики Беларусь; 3) уплаченный местный налог зачисляется исключительно в местный бюджет определенного уровня местного совета депутатов.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 37.035.3+37(476)(091)

Орлова А.П., Тетерин В.В., Тетерина В.В. Разработка теоретических основ трудового воспитания учащихся в советской школе (70-е – конец 80-х гг. XX века) // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 56–62.

Дан ретроспективный анализ развития теории трудового воспитания школьников в истории советской школы в 70-х – конце 80-х годов. Рассматриваются подходы советских ученых к определению понятия «трудовое воспитание школьников», его структурных компонентов, содержательной основы. Выявляется роль политехнического образования в подготовке молодежи к труду, раскрываются формы и условия эффективной организации детского труда в условиях школьных мастерских, промышленного и сельскохозяйственного производства, формы трудового воспитания учащихся во внеклассной и внешкольной работе. Акцентируется внимание на разработке педагогических основ управления процессом трудового воспитания школьников.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 378.046.4(476)

Русецкий Ю.А. Институт повышения квалификации в формирующемся социально-инновационном пространстве // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 62–69.

Работа посвящена одному из важных направлений современного общественного развития – организации непрерывного обучения, ориентированного на создание условий, обеспечивающих доступность образования для работающих специалистов и повышение его эффективности. Автор особое внимание обращает на развитие интеллектуального потенциала обучающихся, формирование умений самостоятельно приобретать знания, освоение информационных технологий, повышающих качество обучения. Рассчитана на преподавателей, сотрудников и слушателей институтов повышения квалификации и переподготовки кадров.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 37.03-057.874

Галузо И.В. Педагогические аспекты формирования естественнонаучного мировоззрения школьников в курсе физики // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 70–77.

Проблема формирования мировоззренческих взглядов школьников является весьма актуальной на нынешнем этапе реформирования содержания таких предметов, как физика, астрономия, биология, химия и др. Ученик не может в силу психологических возможностей полностью сохранять в памяти массу фактов, содержащихся в учебниках. Поэтому возникает проблема: что же конкретно должно остаться в долговременной памяти ученика после того, как он закончит изучение всех школьных естественнонаучных предметов? Исходя из данной посылки при анализе понятий «мировоззрение» и «физическая картина мира», автор рассматривает формирование научного мировоззрения школьников как основную цель преподавания естественнонаучных предметов в школе. В развитии понятия «мировоззрение» выделяются четыре компонента естественнонаучного мировоззрения, которые являются отправными точками в работе учителя по формированию научного мировоззрения школьников.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 378.2.012

Турковский В.И., Терешенко Е.В. Теоретико-методические основы методологической подготовки магистрантов к проведению педагогических исследований // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 77–82.

Анализируются теоретико-методические факторы решения ключевой проблемы в подготовке магистрантов – владение методологией педагогических исследований. Выявлены подходы, обеспечивающие эффективность методологической подготовки магистрантов, а также условия, способствующие ее оптимальному включению в процессы становления и развития исследовательской компетентности личности.

Обоснована роль уровневости методологии педагогики как системного фактора, способствующего ее непрерывности. Показана специфика каждого из четырех уровней методологии педагогики.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 808.26(091)

Вардомацкий Л.М. Памятники письменности Верхнего Подвинья в контексте истории белорусского языка // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 83–90.

Памятники письменности Верхнего Подвинья XIII–XVI вв. сравнительно не часто привлекали внимание исследователей восточнославянских языков. А между тем многочисленные документы, имеющие отношение к этой территории, особенно интересны для языковедов, так как в значительной степени доносят до нас живую речь Витебска и Полоцка, особенности графики и орфографии той эпохи.

Начальные наблюдения, проведенные в данной работе над языком трех памятников письменности, имеющих отношение к древнему Витебску, свидетельствуют, что уже к середине XIII века на территории витебско-полоцких земель сложилась определенная лексическая, графическая, орфографическая система, существовали общепринятые правила написания, то есть письмо было в определенном смысле вполне нормированным, хотя правила эти еще не были закреплены в каких-либо справочниках. Язык грамот характеризует начальный этап формирования белорусского языка, базой для которого послужили прежде всего местные языковые формы.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 801.3

Лапушинская Н.О. Фразеологизмы с лексемами «названия частей головы» в восточнославянских и западногерманских языках // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 90–96.

Отражены результаты исследования соответствий фразеологизмов, в состав которых входят лексемы со значением «названия частей головы», русского, белорусского, немецкого, английского и нидерландского языков. Различия в межъязыковых соответствиях фразеологических единиц наблюдаются в исследуемых восточнославянских и западногерманских языках на морфологическом, лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях. Также был отмечен ряд несопадений в количественном оформлении некоторых фразеологизмов. Это позволило, базируясь на классификации типов межъязыковых фразеологических соответствий, ориентированной на описание межъязыковых соответствий фразеологических единиц с компонентами-соматизмами и разработанной Т.Н. Федуленковой, выделить 13 разновидностей межъязыковых соответствий, то есть авторы сочли нужным расширить предложенную Т.Н. Федуленковой классификацию и добавить еще три разновидности эквивалентов, а именно: синтаксические, лексико-синтаксические и количественно-синтаксические варианты, поскольку такой подход к классификации более точно отражает специфику степени полноты межъязыковых соответствий исследуемых фразеологизмов.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 808.2-01

Тулинова О.А. Механизмы представления референции в бэджевых текстах // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 96–101.

Рассматривается бэджевый текст как особое коммуникативное новообразование с точки зрения его функционирования в процессе общения. Анализируются особенности транспорта референта, обозначенного бэджевым текстом, в структуре коммуникативного акта; описываются основные приемы, позволяющие осуществить данное перемещение, а именно: правило стереоскопии, правило панорамы, правило унитарности, правило изоморфизма и кросс-референция. Особое внимание уделяется идентифицирующей референции, которая предполагает опознание уже знакомого предмета на каждом новом этапе коммуникации и является ведущим видом референции, а также способам установления кореферентности для адекватного восприятия бэджевых текстов с целью избежания коммуникативных неудач.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 801.7

Плеханова Т.Ф. Риторическая метафора в художественном дискурсе // Веснік ВДУ, 2008, № 2(48). – С. 102–107.

Работа посвящена анализу риторической метафоры, т.е. случаев олицетворения, типичных для художественного дискурса, когда говорящий субъект занимает риторическую позицию, обращаясь к окружающим его объектам как к живым людям. Использование риторической метафоры придает не только яркую образность художественному тексту, но и создает особое диалогическое пространство, в котором наиболее полно раскрываются человек, его отношения с другими людьми, миром, природой. Кроме этого, риторическая метафора способствует реализации авторского замысла, выявляя диалогическую модель смыслопорождения в тексте и задавая способ интерпретации последнего.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 72(476)(091)+7:069

Горбунов И.В. Архитектура классицизма в контексте дальнейшей деятельности меценатов Беларуси // Веснік ВДУ, 2008, № 2(48). – С. 108–113.

Рассматриваются основные этапы становления и формирования белорусской архитектуры в контексте собирательской деятельности крупнейших магнатов Великого княжества Литовского, которые сформировали условия для дальнейшей меценатской деятельности.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 792.2(476)(091)

Таніна Л.М. Творчасць старэйшага пакалення акцёраў Нацыянальнага тэатра імя Янкі Купалы // Веснік ВДУ, 2008, № 2(48). – С. 114–119.

Дзесяцігоддзе 80-х у творчасці Нацыянальнага акадэмічнага тэатра імя Янкі Купалы вызначаецца як своеасаблівы этап, які характарызуецца значнымі зменамі ў мастацтве і развіцці сацыяума, што праяўляецца ў спалучэнні і процістаянні розных накірункаў, стыляў і мастацкіх пошукаў. Сёння відавочна, што менавіта магутная акцёрская традыцыя купалаўскай школы забяспечыла пераход да новага этапу звалюцыі, да філасофскага спалучэння публіцыстыкі і псіхалагізму з буйной сцэнічнай рэжысёрскай метафарай і насычанай сімволікай сцэнаграфічных рашэнняў. Рэжысёрскія накірункі 80-х гадоў вызначаліся ў развіцці Купалаўскага тэатра мастацкімі знаходкамі В. Раеўскага, М. Пінігіна, Б. Эрына, у спектаклях якіх акцёры старэйшага пакалення раскрываліся па-рознаму, што складаецца ў карціну, якая дазваляе ўсвядоміць механізмы жыццяздольнасці і мабільнасці тэатра.

Бібліягр. – 11 назв.

УДК 512.542

Сафонов В.Г., Сафонова И.Н. О τ -замкнутых ω -насыщенных формациях разрешимого I_{τ}^{ω} -дефекта 1 // Веснік ВДУ, 2008, № 2(48). – С. 120–125.

В работе получено описание τ -замкнутых ω -насыщенных формаций конечных групп, имеющих разрешимую максимальную τ -замкнутую ω -насыщенную подформулю.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 512.542

Воробьев Н.Т., Витько Е.А., Иванова Н.В. О свойствах радикалов холловых подгрупп π -разрешимых групп // Веснік ВДУ, 2008, № 2(48). – С. 125–129.

В работе в терминах классов Фиттинга описывается \mathfrak{F} -радикал холловой π -подгруппы H π -разрешимой группы G . В частности, установлено, что \mathfrak{F} -радикал $H_{\mathfrak{F}}$ равен пересечению H с радикалом группы G для класса Фиттинга всех π -разрешимых групп, холловы подгруппы которых принадлежат \mathfrak{F} .

Библиогр. – 8 назв.

УДК 521.1

Трубников Ю.В., Воронов А.М. Аппроксимативный метод решения задачи многих тел // Веснік ВДУ, 2008, № 2(48). – С. 130–138.

Основной задачей небесной механики является задача о движении системы, состоящей из некоторого конечного числа материальных точек, взаимно притягивающихся по закону Ньютона. Эта задача и называется задачей многих тел, частными случаями которой являются задачи двух, трех и т.д. тел.

Данная статья отражает результаты проведенных исследований:

- 1) найдены в аналитическом виде многочлены наилучшего приближения в чебышевской метрике для функции $1/r$;
- 2) при помощи таких многочленов проведена аппроксимация силовой функции;
- 3) для «новой» силовой функции доказаны теоремы о первых интегралах;

4) найден и апробирован алгоритм решения двухточечной краевой задачи для системы дифференциальных уравнений, построенной при помощи «новой» силовой функции;
5) в качестве естественного примера рассмотрена математическая модель Солнечной системы; результаты численных экспериментов согласуются с данными, приведенными в астрономических таблицах.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 535.2

Вислобоков Н.Ю. Генерация континуального излучения в кварцевом стекле // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 138–146.

В данной работе представлены результаты численного моделирования генерации континуального излучения сверхмощным УКИ в кварцевом стекле в условиях сильной фотоионизации. Выявлено, что в процессе распространения высокоинтенсивный фемтосекундный импульс распадается на субимпульсы и субпучки, а спектр излучения значительно уширяется как в сторону высоких, так и в сторону низких частот (суперконтинуация спектра излучения). Механизм, обуславливающий такое уширение, выглядит одним из наиболее перспективных для генерации широкодиапазонного лазерного излучения.

Рис. 3. – Библиогр. – 13 назв.

УДК 577.124:615.451.13:619.099-036.12

Гидранович В.И., Гидранович Л.Г., Коровайко О.В., Ходос О.А. Активность ферментов глюконеогенеза при хроническом воздействии этанола // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 147–155.

Внутрибрюшинное введение этанола в течение 30 дней вызвало угнетение активности фруктозо-1,6-бисфосфатазы, глюкозофосфатизомеразы и глюкозо-6-фосфатазы в печени крыс.

Потребление этанола крысами *per os ad libitum* в течение 4-х месяцев вызвало нарушение глюконеогенеза в печени и тонком отделе кишечника. Наиболее сильное ингибирование ферментов глюконеогенеза происходит через 24 часа после отмены этанола (как в печени, так и в тонком отделе кишечника). В печени крыс через 24 часа после отмены этанола степень ингибирования фруктозо-1,6-бисфосфатазы была в 2 раза выше по сравнению со степенью ингибирования при внутрибрюшинной интоксикации. В тонком отделе кишечника ингибирование всех изученных ферментов было более выраженным, чем в печени, с преобладанием ингибирования глюкозо-6-фосфатазы. Крайне неблагоприятным фактом является нарушение соотношения активностей ферментов глюконеогенеза, что может вносить дисбаланс в другие пути метаболизма углеводов.

Табл. – 6. Библиогр. – 16 назв.

УДК 612.886:796.03:796.015

Бурак Г.Г. Активизация двигательных функций людей методом тренировки вестибулярной системы // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 155–160.

На основе результатов собственных исследований показаны роль вестибулярного аппарата в регуляции мозгового кровообращения и активации интегративных функций ретикулярной формации ствола мозга, что предопределяет биологическую целесообразность влияния на двигательные функции людей методом тренировки вестибулярной системы. Предложены методы пассивной и активной тренировки вестибулярной системы.

Рис. – 1. Библиогр. – 12 назв.

УДК 598.2

Дорофеев С.А. Сибирская гага (*Polysticta stellari* Pall.) – новый вид орнитофауны Беларуси // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 161–162.

На основании добычи летом 2000 года в Полоцком районе самки сибирской (Стеллеровой) гаги (*Polysticta stellari* Pall.), окольцованной 22.09.1996 на Аляске (США) американскими орнитологами, зарегистрирован первый факт ее залета на территорию Беларуси.

Данное сообщение является единственным достоверным доказательством для включения вида в состав орнитофауны республики.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 796.42

Трущенко В.В. Методические аспекты тренировочного процесса легкоатлетов-толкателей ядра // *Вестник ВДУ*, 2008, № 2(48). – С. 162–164.

Экспериментально определены наиболее рациональные средства тренировки в подготовительном периоде годичного цикла подготовки легкоатлетов-толкателей ядра.

Табл. – 1. Библиогр. – 4 назв.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

- Арлова
Ганна Пятроўна** – доктар педагагічных навук, прафесар, загадчык кафедры сацыяльна-педагагічнай работы ВДУ імя П.М. Машэрава
- Бурак
Грыгорый Грыгор’евіч** – кандыдат медыцынскіх навук, дацэнт кафедры анатоміі чалавека ВДМУ
- Вараб’ёў
Мікалай Цімафеевіч** – доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар, загадчык кафедры алгебры і методыкі выкладання матэматыкі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Вардамацкі
Леанід Міхайлавіч** – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дэкан філалагічнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава
- Васількоў
Пётр Сяргеевіч** – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры фізічнага выхавання і спорту ВДАВМ
- Віслабокаў
Мікіта Юр’евіч** – кандыдат фізіка-матэматычных навук
- Віцько
Алена Анатольеўна** – магістрант кафедры алгебры і методыкі выкладання матэматыкі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Воранаў
Андрэй Міхайлавіч** – аспірант кафедры геаметрыі і матэматычнага аналізу ВДУ імя П.М. Машэрава
- Галуза
Іларыён Віктаравіч** – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры методыкі выкладання фізікі і астраноміі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Гаравая
Алеся Аляксееўна** – выкладчык кафедры гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Гарбуноў
Ігар Васільевіч** – кандыдат мастацтвазнаўства, дацэнт кафедры дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва ВДУ імя П.М. Машэрава
- Гідрановіч
Віктар Іосіфавіч** – доктар біялагічных навук, прафесар кафедры хіміі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Гідрановіч
Людміла Грыгор’еўна** – кандыдат біялагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры арганічнай хіміі ВДМУ
- Дарафееў
Сяргей Анатольевіч** – кандыдат біялагічных навук, дацэнт кафедры заалогіі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Здановіч
Уладзімір Васільевіч** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі Беларусі БрДУ імя А.С. Пушкіна
- Іванова
Наталія Валянцінаўна** – старшы выкладчык кафедры інфарматыкі і інфармацыйных тэхналогій ВДУ імя П.М. Машэрава

Каравайка Аксана Віктараўна	– магістрант кафедры хіміі ВДУ імя П.М. Машэрава
Карпенка Наталля Анатольеўна	– старшы выкладчык кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Качан Галіна Аляксееўна	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры сацыяльна-педагагічнай работы ВДУ імя П.М. Машэрава
Краско Генадзій Генадзьевіч	– ад’юнкт Інстытута нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь
Лапушынская Наталля Алегаўна	– аспірант кафедры агульнага і рускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
Лукашэнка Андрэй Аляксандравіч	– суіскальнік кафедры канстытуцыйнага права БДУ, намеснік дырэктара па прававых і эканамічных пытаннях прадпрыемства «Сістэмы інавацыйнага праектавання»
Маторава Наталля Сяргеєўна	– студэнт III курса факультэта сацыяльнай педагогікі і псіхалогіі ВДУ імя П.М. Машэрава, стыпендыят Спецыяльнага фонду Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь па сацыяльнай падтрымцы адораных вучняў і студэнтаў
Матораў Сяргей Анатольевіч	– кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дэкан факультэта сацыяльнай педагогікі і псіхалогіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Пляханавя Тацяна Фёдараўна	– кандыдат філалагічных навук, прафесар кафедры другой замежнай мовы (англійская) МДЛУ
Русецкі Аркадзій Уладзіміравіч	– доктар гістарычных навук, прафесар, рэктар ВДУ імя П.М. Машэрава
Русецкі Юрый Аркадзьевіч	– кандыдат гістарычных навук, дырэктар ІПК і ПК ВДУ імя П.М. Машэрава
Сафонава Іна Мікалаеўна	– кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт кафедры алгебры і геаметрыі ГДУ імя Ф. Скарыны
Сафонаў Васіль Грыгор’евіч	– кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт, намеснік начальніка ўпраўлення навукі і інавацыйнай дзейнасці Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Табачкоў Аляксандр Сяргеєвіч	– кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Талочка Андрэй Мікалаевіч	– оперупаўнаважаны крымінальнага вышуку Ленінскага РУУС г. Мінска
Таніна Людміла Мікалаеўна	– аспірант кафедры беларускай і сусветнай мастацкай культуры БДУ культуры і мастацтваў

Трубнікаў Юрый Валянцінавіч	– доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар кафедры агульнай і тэарэтычнай фізікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Трушчанка Уладзімір Васільевіч	– дацэнт кафедры фізічнага выхавання і спорту ВДУ імя П.М. Машэрава
Тулінава Аксана Анатольска	– выкладчык кафедры рускай мовы як замежнай ВДУ імя П.М. Машэрава
Туркоўскі Веслаў Іосіфавіч	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт, прарэктар па вучэбнай рабоце (ЗН) ВДУ імя П.М. Машэрава
Ходас Вольга Аляксандраўна	– асістэнт кафедры арганічнай хіміі ВДМУ
Цярэшчанка Алена Веславаўна	– старшы выкладчык кафедры нямецкай мовы ВДУ імя П.М. Машэрава
Цяцерын Уладзімір Уладзіміравіч	– настаўнік англійскай мовы гімназіі № 2 г. Віцебска
Цяцерына Вера Уладзіміраўна	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры педагогікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Эльмалян Абдураоф Салах	– аспірант кафедры міжнародных адносін БДУ

ПРАВІЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

1. «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта» публікуе вынікі навуковых даследаванняў, якія праводзяцца ў Віцебскім дзяржаўным ўніверсітэце, іншых навуковых установах і ВУНУ рэспублікі. Асноўным крытэрыем мэтазгоднасці публікацыі з'яўляецца навізна і арыгінальнасць артыкула.
2. У артыкуле паслядоўна выкладаюцца пастаноўка праблемы, метадычныя падыходы, аб'ём выкарыстанага матэрыялу, вынікі даследавання, вывады ці заключэнне.
3. Артыкулы падаюцца ў рэдакцыю на беларускай, рускай ці англійскай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам не больш за пяць старонак, надрукаваных праз адзін інтэрвал. У гэты аб'ём уваходзяць тэкст, тэбліцы, спіс літаратуры; колькасць малюнкаў не павінна перавышаць трох. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Артыкулы павінны быць падрыхтаваны ў рэдактары Word для Windows і падаюцца на дыскетах (3,5"), або перасылаюцца на адрас электроннай пошты ўніверсітэта (rio@vsu.by).
4. Да артыкула, падпісанага аўтарам, павінна быць прыкладзена рэкамендацыя кафедры, рэцэнзія спецыяліста ў гэтай галіне (прафесара, доктара навук), рэферат на мове арыгінала (100–150 слоў), рэзюмэ на англійскай мове (2–3 сказы), індэкс УДК, звесткі пра аўтара (месца працы, пасада, вучоная ступень, адрас, нумар тэлефона).
5. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ).
6. Па рашэнні рэдкалегі артыкул накіроўваецца на рэцэнзію, затым візіруецца членам рэдкалегі. Вяртанне артыкула аўтару на дапрацоўку не азначае, што ён прыняты да друку. Перапрацаваны варыянт артыкула зноў разглядаецца рэдкалегіяй. Датай паступлення лічыцца дзень атрымання рэдакцыяй канчатковага варыянта артыкула.
7. Спіс цытаваных крыніц афармляецца па тых жа правілах, што і ў тэксце дысертацыі. Спіс размяшчаецца ў канцы тэксту, спасылкі нумаруюцца згодна з парадкам цытавання ў тэксце. Парадкавыя нумары спасылак павінны быць напісаны ў квадратных дужках (напрыклад, [1], [2]).
8. Спасылкі на неапублікаваныя працы, дысертацыі не дапускаюцца. Указваецца поўная назва аўтарскага пасведчання і дэпаніраванага рукапісу, а таксама арганізацыя, якая прад'явіла рукапіс да дэпаніравання.

GUIDELINES FOR AUTHORS

1. General notes:

Vesnik of Vitebsk State University publishes issues based on scientific researches carried out at Vitebsk State University and other educational establishments in the Republic of Belarus. The major criterion for publishing is the novelty and authenticity of the issue.

2. Format of the article:

The article is to be typed in Microsoft Word. Computer print-outs of the article should be submitted to the editorial office in Belarusian, Russian or English in duplicate. It is necessary to present also a floppy disk (3,5") or an e-mail version sent to: rio@vsu.by.

a. Paper format: A 4.

b. Size: not exceeding 5 full pages.

c. Page format: 10-point Arial font; 1.0-spaced; margins: T – 2, B – 6, L – 4, R – 4.

d. Structure of the article: text (tables if necessary; no more than 3 pictures if necessary; photos are not allowed); bibliography. The list of sources is marked the same way as in the treatise. It is placed at the end of the text; references are indicated in the succession they appear in the text. The ordinal reference numbers are to be given in square brackets (e.g. [1]).

3. Procedure:

The article is to be signed by the author and recommended for publishing by the faculty board. The following papers are to be attached: annotation of an expert in the field of research; summary in the original language (100–150 words), summary in English (2–3 sentences; the author's personal information (place of work, position, degree, address, contact telephone number).

On the decision of the editorial board the article is submitted for annotation. If returned to the author for further consideration, the article shouldn't be accounted rejected. The improved variant is submitted to the editorial board. The acceptance date is the date of submitting the final version of the article to the editorial office.